

РОБЕРТ БАГДАСАРЯН

ГЕНОЦИД
И
АРМЯНСКАЯ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
РОССИИ

ЕРЕВАН

9(47-905)
15-14 w114
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ ГЕНОЦИДА АРМЯН
СОЮЗ АРМЯН РОССИИ

РОБЕРТ БАГДАСАРЯН

14608
80941
ГЕНОЦИД
И
АРМЯНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
РОССИИ

Дорогому
моему сердцу человеку -
Николосу Степану -
с любовью
искренней благодарностью
от автора.
10. VI. 2003 г.

Издательство "Титулон" НАН РА

ЕРЕВАН 2003

В. Ахундович Ред

УДК 941 (479.25)
ББК 63.3 (2 Ар)
Б 142

Печатается по решению Ученого совета
Музея-института геноцида армян
НАН РА

Ответственные редакторы
доктора исторических наук
А. БАРСЕГЯН, В. ТУНЯН

БАГДАСАРЯН РОБЕРТ

Б 142 Геноцид и армянская интеллигенция России. –
МИГА НАН РА. Отв. ред. Л. Барсегян, В. Тунян. – Ер.:
Изд-во “Титутюн” НАН РА, 2003. – 256 с.

В монографии рассматривается общественно-политическая, культурно-патриотическая и публицистическая деятельность в период геноцида армянского народа (90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.) видных представителей интеллигенции российских армян – Г. Джаншиева, А. Дживелегова, Г. Чалхушьяна, М. Пападжанова, Я. Завриева, К. Микаеляна.

Книга предназначена для специалистов и широкого круга читателей, интересующихся историей армянского народа и русско-армянскими историко-культурными взаимоотношениями конца XIX – начала XX в.

0503020913

Б _____
703(02) – 2003

ББК 63.3 (2 Ар)

ISBN 5-8080-0522-1

© МИГА НАН РА, 2003.

“Армянский вопрос – это вопрос дикой резни... это преимущественно вопрос физического существования. И успех его всегда был связан с успехом России. Кто выступал против успехов России, тот выступал против успешного разрешения Армянского вопроса”.

Ованес Туманян

ВВЕДЕНИЕ

Многовековая история армянского народа, наверное, не знала более кровавого периода, когда стоял вопрос физического уничтожения целой нации на своей коренной земле, чем конец XIX – начало XX в.

Тысячелетиями пронеслись над Арменией орды завоевателей, но стойкий и мужественный народ вновь и вновь находил в себе духовные и материальные силы возрождать города и селения, монастыри и храмы, литературу, искусство и науку в редкие, но драгоценные периоды относительно мирной жизни...

Исторические корни трагедии армянского народа и Армении, как справедливо отмечается в специальной литературе, “уходят в глубокое средневековье, своей первопричиной непосредственно связываясь с завоевательной политикой Византийской империи в отношении Армении и с нашествием сельджуков”.¹ Осуществление Византией политики опустошения Армении и массового переселения армянского населения в западные области империи в X-XI вв. привело к тому, что “опьяненные временными успехами на Востоке” византийские правители существенно ослабили в военном отношении Армению “в канун сельджукских походов”. Имперская политика Византии, политика нетерпимости к другим народам “овернулась рикошетом” и против самих византийцев, фактически расчистивших тем самым

¹ Сб.: Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913-1919). Материалы Политархива МИД кайзеровской Германии. Сост., ред., предисловие и введение В. Микаеляна. Ереван, 1995, с. 12 (Введение).

путь сельджукам в глубь Малой Азии и в итоге к захвату Константинополя в 1453 г. Для армянского же народа эта политика “исторически означала отдаленное начало его общенациональной трагедии в XX веке”.² В целом же с образованием в двадцатых годах XIV в. на северо-западе Малой Азии Османского княжества “начались черные страницы в истории не только армянского, но и всех христианских народов Малой Азии и Балканского полуострова”.³

Совершенно правомерна точка зрения, согласно которой геноцид армянского народа не ограничивается 1915-1922 гг. — “это только период кульминации и завершения истребления армян, а его начало относится к 90-м годам прошлого столетия”, когда в правительственных кругах Турции после Берлинского конгресса (хотя и султанское правительство формально дало согласие на проведение реформ в Западной Армении) “зародилась и получила свое оформление идея о том, что единственное решение Армянского вопроса — это поголовное истребление армянского народа”.⁴

Высокопоставленные правительственные чиновники в Константинополе открыто заявляли о том, что “сумеют задуть вредный их правительству элемент и, таким образом, раз и навсегда покончить с Армянским вопросом”.⁵

Более чем пятистолетнее жесточайшее мусульманское иго, однако, не сломило жизнестойкий армянский народ, который пытался творить, созидать, строить вопреки враждебному окружению, все нарастающему давлению султанской власти и дикому, безудержному произволу турецких пашей и курдских беков, хозяйничавших на их собственных, армянских землях... Армянин был силен духом и своими корнями!

В новейшей истории Малая Азия, т.е. Турция и в том

² Там же, с. 14.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Геноцид армян в Османской империи. Сб. док. и материалов. Под ред. М. Нерсисяна. Ереван, 1966, с. VI.

числе Западная Армения, всегда была “лакомым кусочком” и находилась в сфере политических и экономических интересов мировых держав. Англия, Франция, Германия и Россия по существу превратили регион в узел сложнейших противоречий, в том числе и стратегических. Ведь тот, кто владеет Арменией, “непосредственно господствует как над восточной частью Малой Азии, так и над Месопотамией” (П. Рорбах).

В политике царского правительства главенствующее место занимали так называемые “исторические задачи” России — овладение проливами (Босфором и Дарданеллами), Константинополем (Царьградом) и важнейшим стратегическим плацдармом всего Ближнего Востока — Малой Азией. Выход России в Средиземное море через черноморские проливы был доминирующей задачей ее правящих кругов еще со времен Петра Великого.⁶ Оттоманская (Османская) империя же, все более крепнущая и уже распластавшаяся на три континента, постоянно лавировала (и нередко весьма успешно) между великими державами, искусно используя их внутренние противоречия для удержания в своих руках огромных территорий.

Результаты русско-английского, а позднее и русско-германского соперничества в этом исключительно взрывоопасном и пестром в этническом отношении регионе оказались печальными и роковыми более всего для разделенного границами могущественных империй небольшого армянского народа. И если “основным вопросом политики русского империализма на Ближнем Востоке” была “борьба за проливы”,⁷ то “основным вопросом” для армян стал вопрос физического выживания... В 90-х годах XIX в., когда Россия стала проводить политику сохранения статус-кво Османской Турции, преследования и массовая резня армян сделалась как бы краеугольным камнем турецкой государственной политики.⁸ Временами, как отмечала российская

⁶ См.: Ашот Арутюнян. Кавказский фронт. 1914-1917 гг. Ереван, 1971, с. 20.

⁷ История дипломатии, т. 2, М., 1963, с. 761.

⁸ См.: В. Туляян. Россия и Армянский вопрос. Ереван, 1998, с. 147-148.

печать, “армянские ужасы доходили до эпических размеров”,⁹ и только тогда, увы, цивилизованный мир вспоминал об армянах — пламенными речами на митингах и собраниях, страстными статьями в прессе... Между тем, все это еще больше подливало масла в огонь — локальные погромы и зверства в отношении армян перерастали в массовые! Благонамеренные европейцы и американцы с чувством “исполненного христианского долга” удовлетворенно опускались в мягкие кресла в тиши своих кабинетов в теплых везопасных особняках Лондона и Парижа, Берлина и Рима, Вашингтона и Петербурга, в то время как в прекрасных долинах и суровых горах далекой Армении турецкие варвары, науськивая своих “подельников” в кровавом ремесле — курдов, травили, резали, уничтожали, разрушали..., стараясь стереть с лица земли сами слова “Армения”, “армянин”... Благородное армянское семя изничтожалось на корню, отдавая дань варварам-дьяволопоклонникам своими жизнеспособными и крепкими мужчинами, женщинами, прекрасными детьми...

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и последовавшая за ней дипломатическая борьба превратили Армянский вопрос в международный политический вопрос, вошедший в историю дипломатии как составная часть Восточного вопроса — термина, впервые использованного на Веронском конгрессе Священного Союза (1822г.) во время обсуждения положения на Балканах, создавшегося вследствие усиления национально-освободительного движения греков против турецкого господства.¹⁰

Резня и погромы армян в 1893-1897 гг. в Турции всколыхнули европейскую общественность, политические круги великих держав, в том числе и России. Армяне в этот период заплатили 300 тысячами жизней невинных людей, но наказала ли турок за этот вандализм “цивилизованная” Европа? Увы! Армяне и Армянский вопрос вспоминались великими европейскими державами лишь тогда, когда нужен бывал повод для вмеша-

тельства в османские дела в собственных политических и экономических интересах... “Завота” сильных мира сего о “христианском брате на Востоке” ударяла по самим же армянам...

В туманном Альбионе, в любвеобильном Париже и романтической Вене и не представляли, как в далеких армянских горах садистически измываются над армянскими женщинами, стариками, детьми... — “над неверными” — во имя Аллаха!

Армянский народ, разделенный в основном между двумя евроазиатскими империями — Российской и Османской, в рассматриваемый нами период находился в весьма двусмысленном, в общественно-политическом плане, положении. Армянское общество, как в Турции, так и в России, характеризовалось “бурным процессом модернизации” (В. Тунян). Произошел скачок в социальной структуре нации. В этот период возникло “активное меньшинство, ведущее буржуазный, интеллигентный и партийно-революционный образ жизни, выступавшее за утверждение прогрессивных условий общественного развития”,¹¹ в то время как большинство нации сохраняло патриархальный уклад жизни, занимаясь земледелием. Естественно, “активное меньшинство” армянского народа сосредоточилось и проявляло себя в столицах — Петербурге, Москве, Константинополе — и других крупных городах обеих империй, “большинство” же вело свою косную, трудную и общественно вялую и не всегда везопасную жизнь в провинциях Восточной и Западной Армении... Армянское общество конца XIX в. политизировала “борьба за обещанные реформы для турецких армян и наличие гражданских норм в Российской державе”, а “рост политического сознания втягивал российских армян в борьбу за политические права турецких соплеменников”.¹²

Процесс “модернизации” резко выделял армян по “этно-политической характеристике”, создавая угрозу отделения от Российской державы. Самодержавие, естественно, “оценив потенцию создания самоуправляемой Турецкой Армении и отпаде-

⁹ Новое время, 12 декабря 1912 г.

¹⁰ См.: Дж. Киракосян. Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ереван, 1971, с. 110.

¹¹ В. Тунян. Россия и Армения. 1878-1897. Ереван, 1997, с. 116.

¹² Там же, с. 117.

ния Восточной Армении в контексте противостояния с Англией, повело систематическую борьбу против идеи армянской государственности”.¹³

Итак, вновь (уже в который раз в своей истории!) армяне оказались между Сциллой и Харибдой!

Зывкость общественно-политического состояния армянского народа не в последнюю очередь отражалась в зеркале российской и западноармянской прессы. “Либерализм” и “консерватизм” противоборствовали на страницах периодики, донося правду и искажая образ армян не только в турецкой, но и русской среде. “Беспристрастность” и “камуфлизм” обусловили публикацию значительного количества материалов и разработок по истории Армении, об армянском народе и общественно-политическом развитии, “не имевших аналога по политическому содержанию”¹⁴ среди предшествующих публикаций русской прессы.

Российские издания (в которых активно сотрудничали и представленные в настоящей работе деятели армянской интеллигенции) использовались для формирования общественного мнения “революционерами”, обозревателями, различными ведомствами (МИД, военным), самодержавием. Заметим, в этом плане аналогично действовала и османская печать... На страницах газет и журналов выступали как искренние защитники армянского народа, так и “завлудшие журналисты”, искавшие сиюминутную выгоду, предоставлявшие свой талант в распоряжение властей. При таком раскладе в печати затруднительно было, конечно, раскрывать “политические мифы, затрагивающие державные интересы и межгосударственные отношения”.¹⁵

Идея возрождения Армении возникла, по мнению исследователей, при активной сопричастности русской дипломатии, содействовавшей принятию положения о реформах для армянского населения Османской империи. Однако конкретные стрем-

ления армян за пределы указанных им “границ”, стремившихся к автономии и созданию самостоятельного государства, ставили под угрозу и российские интересы. Наличие границы с Русской Арменией, существование в пределах державы миллионного армянского населения, возможность подпадения автономной Армении под влияние Великобритании, а в перспективе самостоятельность и претензии на объединение армянского народа обуславливали негативное отношение к этой идее. В то же время нельзя было допустить безраздельного хозяйничания Англии у собственных границ, лишиться средств воздействия в лице армян на политику Османской Турции и игнорировать определенные потребности армянского народа как традиционного союзника в будущей войне. Все это “обусловило формирование у самодержавия расчетливой политики к Армянскому вопросу, соразмеряя его с внутренними потребностями империи и внешнеполитическими задачами”.¹⁶

В этот сложный период сказалась и роль национальных партий. Создание их означало “организацию новой силы”¹⁷ в решении Армянского вопроса. Деятельность выдающихся и значительных личностей по возрождению нации стала сочетаться с партийным подходом. Как метко указывает В. Тунян, “проблема существования этноса – сохранение исторического ареала, прекращение распыления генофонда, реализация самоопределения получила кристаллизацию сквозь призму интернационализации борьбы против Османской империи. Целью национальных устремлений в Османской Турции являлось достижение самоуправления в форме привилегированной провинции либо автономного образования, позволившего бы консолидировать национальные силы. Естественное стремление армянского народа распоряжаться своей судьбой столкнулось с имперскими интересами великих держав в Малой Азии”.¹⁸

Хитроумная политика султанской Турции всемерно ис-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 118.

¹⁵ Там же.

¹⁶ В. Тунян. Россия и Армянский вопрос, с. 98.

¹⁷ Там же, с. 164.

¹⁸ Там же, с. 164-165.

пользовала, естественно, “державные усилия по разрулению гордиева национального узла”: недопущение освобождения последнего христианского народа в лице армян, потеря Армянского плоскогорья и сужение границ в Анатолии до размеров первоначальных завоеваний османов. Использование Османской Турцией государственного терроризма и тактики лавирования, незаинтересованность ведущих держав в формальном изменении существующей расстановки политических сил, разобщенность армянских усилий сказались на национальном движении.¹⁹

Армянский вопрос и геноцид армян 1915 года уже несколько десятилетий привлекали внимание ученых – к концу XX века накопилась достойная литература не только на армянском, но и на основных европейских и восточных языках, обобщенная в ряде изданных в разные годы в различных странах библиографий.²⁰ Проблема широко и разносторонне исследовалась такими видными учеными, как М. Нерсисян, Дж. Киракосян, А. Мнацаканян, М. Арзуманян, А. Амбарян, А. Арутюнян, Ю. Петросян, Е. Саркисян, Р. Саакян, Г. Казарян, С. Погосян, С. Ако-

¹⁹ См. там же, с. 165.

²⁰ *Մ. Եսայան*. Մեծ եղեռնը օտար մտավորականության գնահատումով: Համառոտ մատենագիտություն Մեծ եղեռնի մասին (օտար հեղինակներ): Կահիրե, 1980; *Հայերի ցեղասպանությունը*: Գրականության մատենագիտական ցանկ, Երևան, 1990; *Հայերի ցեղասպանությունը Օսմանյան կայսրության մեջ (1894-1923)*: Մատենագիտություն: Երևան, 1993; *Հայր 1915-1916 թթ. ցեղասպանությունը*: Մատենագիտություն: Խմբ. Մ. Ներսիսյան, Երևան, 1995 (հայերեն, ռուսերեն, անգլերեն զրակ.): *А. Анасян*. Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (краткая библиография литературы на рус. яз.). Лос-Анджелес, 1983 (на рус. и англ. яз.); *Армянский вопрос (1878-1983)*. Библиография лит-ры на рус. яз. Сост. А. Киракосян, Ереван, 1985; *Армянский вопрос. Геноцид армян (1877-1997)*. Библиография лит-ры на рус. яз. Сост. П. Оганесян, Э. Бабалян. Ереван, 1998; *H. Anassian*. The Armenian Question and the Genocide of the Armenians in Turkey (a Brief Bibliography of Russian Materials), Los Angeles, 1977; *R. Hovannisian*. The Armenian Holocaust. A Bibliography Relating to the Deportations, Massacres and Dispersion of the Armenian people. 1915 - 1923. Cambridge, 1980; *H. Vassilian*. The Armenian Genocide. A Comprehensive Bibliography and Library Resource Guide, Glendale, 1992; *V. W. Dadrian*. Warrant for Genocide. Key Elements of Turko-Armenian Conflict. New Brunswick, 1999.

пян, Н. Оганесян, А. Оганджаниян, Р. Ованнисян, В. Микаелян, В. Тунян и др. Свою весомую лепту в изучение Армянского вопроса еще в начале века внесла российская армянская интеллигенция – имена Н. Алонца, Д. Апануна, Гр. Арируни, А. Джигелегова, Лео, Р. Ачаряна, А-До, А. Чопаняна и др., сделавших многое для ознакомления российской и европейской (в частности, французской) общественности с этой жгучей и драматичной проблемой эпохи. Не остались в стороне и выдающиеся деятели культуры – широко известна патриотическая деятельность Ов. Туманяна, Ав. Исаакяна, В. Терьяна и др. Многие из них, живя и работая в крупнейших городах Российской империи – Москве, Петербурге, Ростове-на-Дону, Одессе, Тифлисе, Баку – сумели привлечь внимание общественных и политических кругов, влиятельной прессы великого государства к проблемам армянского народа, находящегося в Османской Турции на краю гибели. Это была подлинно патриотическая, всецело захватывающая работа, значение которой в армянском обществе трудно переоценить. Публистическая и издательская сферы были основными “точками приложения” в общественно-политической деятельности многих представителей армянской интеллигенции России. С 90-х годов XIX в. стало расти число издаваемых сборников, альманахов, газет и журналов, главной целью которых было ознакомление общества не только с богатой историей и культурой древнего народа, но и с тяжелым положением западных армян, попытки поисков путей их освобождения из-под ненавистного ига с помощью единоверной, христианской державы – России. Первая мировая война, вспыхнувшая в 1914г. и предопределенная новым переделом Европы, воодушевила всех армян, надеявшихся на скорое избавление от турок с помощью русского оружия... Увы, история показала, что вместо долгожданной свободы и независимости армяне вкусили крови и первыми в XX веке испытали на себе страшное явление – Геноцид... 1915 год навсегда вошел в историю Армении черной датой, и армянский народ до сих пор ждет покаяния от потомков преступников...

Армянская интеллигенция России, которую вплотную занимали важнейшие проблемы армянской жизни того времени, в

первую очередь Армянский вопрос и геноцид 1915 года, представляла собой деятелей, уроженцев различных армянских колоний империи, самого разного толка и различных общественно-политических воззрений и взглядов, идеологических направлений. В свете поднятой темы это, однако, не имеет существенного значения – вся их деятельность рассматривается нами с позиций отражения ими важнейшей проблемы новейшей армянской истории – Армянского вопроса и геноцида 1915 года. Среди многочисленной и достойнейшей плеяды известных и малоизвестных деятелей российско-армянского общества мы выбрали те имена, о которых до настоящего времени не писалось достаточно широко или которые за давностью лет или вследствие идеологических установок эпохи оказались в забвении, несмотря на очевидные и неоспоримые заслуги перед нацией. Пожалуй, среди деятелей, о которых речь пойдет в настоящей работе, не обделен был вниманием исследователей в советский период лишь А. Дживелегов, многочисленные книги и статьи которого по Армянскому вопросу и геноциду достаточно широко рассмотрены и проанализированы.²¹ Тем не менее определенная часть “дживелеговского” наследия по поднятой проблеме осталась вне поля зрения ученых и мы сочли необходимым обратиться к некоторым статьям А. Дживелегова. Среди других представителей армянской интеллигенции России, деятельность которых привлекла нас, такие видные, яркие личности и патриоты нации, как Гр. Джаншиев, Гр. Чалхушьян, М. Пападжанов, Я. Завриев, К. Микаэлян. Каждый из них, в меру своих способностей и сил, влияния в обществе сделал все возможное, чтобы поднять свой голос протеста против турецких зверств, сформировать общественное мнение в пользу многострадального западноармянства, облегчить участь беженцев армян и т.д.

Как уже отметили, общественно-политическая деятель-

²¹ См., например: *Дж. Киракосян*. Дживелегов и его историко-публицистическое наследие. Ереван, 1986; *Н. Саруханян*. Армянский вопрос в досоветской общественно-политической мысли и в историографии. Ереван, 1997 (на арм. яз.) и др.

ность многих из вышеназванных армянских интеллигентов в пользу Армении и западных армян в основном выражалась в публицистической и издательской сферах. Вниманию российского и армянского читателя уже в конце XIX века были предложены весьма серьезные и солидные исследования – сборники, книги, газетно-журнальные обстоятельные обзоры и статьи. Регулярно и последовательно к Армянскому вопросу и геноциду обращались как столичные, так и провинциальные издания – “Голос Москвы”, “День”, “Исторический вестник”, “Летопись”, “Московская газета”, “Новое время”, “Правительственный вестник”, “Речь”, “Русская мысль”, “Русское богатство”, “Русское слово”, “Одесский листок”, “Приазовский край”, “Санкт-Петербургские ведомости” (“Петроградские ведомости”), “Утро России”, “Эхо”, “Закавказская речь”, “Кавказское слово”, “Тифлисский листок”, “Эриванский вестник”, “Астраханский вестник”, “Южные ведомости”, “Карс” и др.

Особое место занимает периодика, появившаяся в ходе Первой мировой войны и специально предназначенная для освещения Армянского вопроса и геноцида – “Армяне и война” (Одесса, 1916-1917), “Армянский вестник” (Москва, 1916-1918), “Вестник Армении” (Одесса, 1919), где в основном и печатались статьи и выступления многих армянских патриотически настроенных деятелей России, русских интеллигентов.

В настоящей работе представлена лишь часть этих прогрессивно мыслящих интеллектуалов, составляющих цвет нации и внесших весомый вклад в исследование, пропаганду и разрешение рассматриваемой актуальной проблемы.

По свежим следам Сасунской резни 1894 года в Турции, взбудоражившей и возмутившей Европу и Россию, в 1896г. в Москве выходит в свет на русском языке уникальный по содержанию и убедительности сборник “Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895г.”. В него вошли выступления и статьи европейских авторов и видных политических деятелей – речь Вильяма Гладстона, “Армения, армяне и трактаты” Роллен-Жекмена, “Ответственность Англии перед Арменией” Макколя, “Армянский кризис и владычество турок (Сасунская резня)” Фр. Грина, “Положение дел в Армении” Эм. Диллона. Заключала книгу работа Гр. Диева “Армянский вопрос в Турции”.

Авторитетное предисловие профессора Московского университета графа Л. Камаровского¹ предвещало сборник и лаконично представляло основные заслуги авторов в раскрытии злободневной темы.

Гр. Диев – это один из псевдонимов (другой – Грев) известного армянского общественно-политического деятеля *Григория Джаншиева* (1851-1900). Джаншиев (Джаншян), уроженец новонахичеванской колонии (Ростов-на-Дону), окончил юридический факультет Московского государственного университета в 1874г. Активно участвовал в общественно-политической жизни государства, сторонник российских реформ 1860-х годов, посвятивший им несколько серьезных работ (“Эпоха великих реформ” и др.) и сборников статей. Более двадцати лет Гр. Джаншиев был сотрудником и членом редколлегии влиятельных “Русских ведомостей”. Его страстные и патриотические, объективные, без ложного пафоса, статьи и выступления печатались также в таких известных периодических изданиях, как “Русская мысль”, “Вестник Европы”, “Русская старина”, “Русское богатство”, “Юридическое обозрение” и др.

¹ См. о нем подробнее: В. Туян. Россия и Армения, с.23.

“Григорий Австович Джаншиев отличался от единомышленников с ним по убеждениям и идеалам свойствами своей природы и характером своей деятельности. Это был человек горячего темперамента, страстный и впечатлительный, – пишет академик А. Ф. Кони во вступительной статье к сборнику статей Г. Джаншиева. – Там, где другие спокойно развивали свои взгляды, отмечая холодным сарказмом то, что им грубо противоречило или их оскорбляло, Джаншиев пылал трудно сдерживаемым негодованием и спешил высказаться горячим словом, подкрепляемым цитатами, сравнениями и поэтическими образами. Человек разносторонне и глубоко образованный, он черпал из богатого запаса своей выдающейся памяти исторические и философские аргументы, примеры и сравнения, украшавшие его основную мысль и переплетававшиеся с нею”.²

Джаншиев, по определению русского ученого, был способен и на “суровые характеристики”, по своему темпераменту “не был способен на неопределенность, оговорки и недомолвки”. “Самым выдающимся трудом” Джаншиева Кони считает книгу “Эпоха великих реформ”: “Трудно указать среди работ по истории нашего законодательства более живую, доступную по изложению и проникнутую глубокой гуманностью и здоровой терпимостью книгу, чем эта... Каков бы ни был кругозор и объем задачи будущего историка России в период преобразований шестидесятых и первой половины семидесятых годов, он не обойдется без справок с этой замечательной книгой, в которой тщательное изложение хода законодательных работ переплетается с яркими образами работников и с отголосками литературных мнений”.³ Достаточно сказать, что труд незаурядного армянина о судьбах России выдержал семь изданий за короткий период времени! И мог ли выдающийся деятель быть равнодушен к бедам собственного народа? Естественно, нет. И это было оценено не только в армянской среде, но и среди русской интелли-

² Г. А. Джаншиев. Сборник статей. Под ред. В. Обвинского. Со вступит. статьей А. Кони. М., 1914, с. 7-8.

³ Там же, с. 9.

генции. Академик Кони в связи с этим писал: “Последние годы жизни Джаншиев посвятил лихорадочной работе в пользу своих несчастных соплеменников, сделавшихся жертвою турецких насилий и гонений, вызвавших вопиющую нищету. Он предпринял издание и редактирование обширного сборника “Братская помощь армянам”. Достаточно взглянуть на богатое и разнообразное его содержание, на превосходные портреты и факсимиле, на пестрое собрание известных в литературе и науке имен авторов статей, чтобы понять, каких трудов, хлопот, личных объяснений и разъездов стоило все это славному здоровьем Джаншиеву. Сборник вышел двумя изданиями и принес шестьдесят тысяч рублей в пользу пострадавших. Этой широкой помощью несчастным почти заключилась общественная деятельность Джаншиева. Его сердце устало тревожно виться за дорогие ему учреждения и болезненно сжиматься за страждущих... он скончался в 1900 году, через два года после второго издания “Братской помощи”.”⁴

О теплых взаимоотношениях Г. Джаншиева и А. Кони свидетельствует их активная переписка в 1882-1896 гг., в основном касающаяся судебных дел, судебной практики. Однако в одном из них, от 25 декабря 1896г., Джаншиев просит Кони: “... Позвольте надеяться, что оправдается мое предсказание на счет того, что теперь литература может рассчитывать на Ваше возвращение к ней. В этой надежде я даже позволяю себе эксплоатировать Вас для одного доброго дела. В Москве затевается сборник в пользу пострадавших армян-переселенцев. Было бы очень желательно иметь от Вас что-нибудь, хоть небольшую вещичку... – воспоминания ли, маленькую ли заметку, юридический ли эскиз, – одним словом, что вздумается...”⁵

Естественно, А. Кони не мог отказать своему другу: в сборнике нашла место его статья “Из портфеля старого литератора” – о поэте Никитине, написанная 5 мая 1898г. для второго издания.

⁴ Там же, с. 23.

⁵ Там же, с. 519.

Г. Джаншиев, хорошо известный в российском обществе человек, высоко ценил многих видных деятелей, не только юристов, правоведов, но и людей из мира литературы, науки и искусства. Вот что он писал, например, о В. Белинском: “Есть имена, при произнесении которых невольно обнажается голова! Есть писатели, жизнь и творения которых так чисты и возвышенны, что чем больше с ними знакомишься, тем больше проникаешься к ним уважением, удивлением, почти благоговением. Такие имена как бы очищают человека, нейтрализуют все, что есть в нем мелкого, низменного, мутного и, наполняя сознательность умилением сердца почитателей, вырывают дань невольной уважения даже у врагов”.⁶

Почитал Джаншиев также историка, писателя, профессора Московского университета Грановского, других своих современников.

Вышеназванный сборник статей Г. Джаншиева был приурочен к 50-летию юбилею судебной реформы 1864-1914 гг. в России, в знак признания особых заслуг армянского деятеля в этой области.

“Певец эпохи великих реформ Г. А. Джаншиев относится к тому счастливому разряду писателей, чьи творения не увядают с годами, – читаем в редакционном предисловии издания, написанном В. П. Обнинским. – Новые поколения черпают в них бодрость и веру в конечное торжество идеалов того времени, а уходящие в сторону от потока общественной жизни – воспоминания о собственной своей деятельности. Но и независимо от чисто литературного интереса, работы Г. А. Джаншиева остаются доселе единственными в своем роде историческими исследованиями, в особенности в области судебной реформы... Перечитывая статьи Г. А. Джаншиева... невольно вспоминаешь его живую, образную речь и проницательный взор, каким он смотрел и на друзей, и на врагов...”⁷

В воспоминаниях другого русского интеллигента – писа-

⁶ Там же, с. X.

⁷ Там же, с. III.

теля А. Амфитеатрова – “Памяти Гр. А. Джаншиева”, в его книге “Свет и сила”, читаем: “... В каждом поколении есть люди таланта, люди ума, люди действия. В поколении шестидесятых годов Джаншиев был бесспорно и талантлив, и деятелен, но, главным образом, он был человеком света, светоносцем... Со светом, возженным от огня шестидесятых годов, Григорий Аветович бестрепетно прошел свою честную жизнь не столько бойцом, сколько трубадуром великой эпохи. Он охотно брался, когда надо, за меч и храбро им бился, но настоящее оружие его – была лютня... И слово свое, и дело отдал он безраздельно великой богине человечности... Богине человечности он служил равно и в России, и в местах всесветного армянского рассеяния. Армян-сородичей он любил, как русских, и русских – как армян. Дай Бог каждому русскому так любить Россию, как любил ее армянин Джаншиев, и принести ей хоть треть той пользы, что он принес”.⁸

Амфитеатров считает Джаншиева “идеалом гражданина, каким может стать в жизни совершенного русского общества образованный инородец, получивший в России свое воспитание, скрепленный с Россией... горячо к России привязанный, сознающий себя русским политически, и в то же время не забывший ни родного языка, ни родной веры, ни родного племени, чутко волеющий сердцем за его судьбы, полагающий душу, дабы улучшить его положение, сохранить и поднять его исторические бытовые особенности и права...”⁹

Российский писатель подчеркивает, что армянская резня в Малой Азии и Константинополе “сделала его центром русской помощи пострадавшим армянам”.

Глубокая и верная по расставленным акцентам работа Гр. Диева “Армянский вопрос в Турции”, вошедшая в вышеупомянутый сборник “Положение армян в Турции...”, интересна также по структуре – мысли публициста представлены в виде писем 1891 года, предваряемых подзаголовком “Из переписки со стам-

бульским публицистом”. Подробно останавливаться на каждом из этих “писем” нет необходимости – ранее работа в целом уже была в поле зрения исследователей.¹⁰

Тем не менее нам хотелось бы выделить те рассуждения Гр. Диева, которые представляются весьма ценными и точными характеристиками целого народа и его роли в мировой цивилизации.

“Судьбы армянского народа, – пишет автор работы, в свое время привлечшей пристальное внимание общества, как российского, так и европейского и даже турецкого, – несмотря на его малочисленность, крайне своеобразны и едва ли не единственны в своем роде... Разве не любопытное явление представляет собой эта горсть христиан арийской расы, сотни лет окруженная морем полудикого туранского населения, не сумевшего его, однако, поглотить даже в период самого яркого расцвета мусульманского фанатизма? И тьма его не объять!.. Но чего и стоила этому передовому авангарду христианско-европейской культуры, предоставленному себе самому и забытому всеми до последнего времени забота о самосохранении, пока христианский мир вспомнил о своем передовом аванпосте на Востоке!

Печальная, но назидательная страница из истории культуры”.¹¹

Свыше шестисот лет, продолжает автор “переписки со стамбульским коллегой”, с самого основания турецкого владычества в Малой Азии, “многострадальный армянский народ, этот пасынок истории, этот поистине народ-сирота находился под владычеством турок, переноса избиения, насилия и гонения с покорностью тупого отчаяния, которую ставят ему в упрек народы, избалованные историей”.

Гр. Диев дает четкую картину той безысходной действительности подвластной Турции части Армении, которая побуди-

⁸ Армянский вестник, 1916, N 3, с. 19-20.

⁹ Там же, с. 20.

¹⁰ См., напр.: М. Мурадян. Армянский вопрос и русская общественно-политическая и историографическая мысль. Ереван, 1998 (на арм. яз.).

¹¹ Сб.: Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895г. М., 1896, с. 386.

ла армянской народ обратить свои взоры к Европе, чем и вызвала страшное недовольствие османов...

“Орошая потом землю, где почнет прах его бесчисленных предков..., - пишет публицист, - армяне молили турок только об одном, чтобы паши и дикари-хищники не трогали их жен и детей, их скудных крох, добытых тяжким трудом земледельца. И этой-то малости, этой сущей безделицы, без которой жизнь земледельца превращается в одну беспросветную истому и жалкое прозябание, не могли добиться турецкие армяне в течение шести веков от “отеческого” турецкого правления”.¹²

Угнетенные армяне “терпели молча” и переносили бедствие “с истинно христианским смирением, изливая в тихой молитве удручающее их горе”. Терпели век, другой, третий, терпели “с таким смирением безысходного отчаяния, что и покорители, и более счастливо поставленные иностранцы вправе были с жестокою, но понятною брезгливостью овывать армянскую раю “равскую нацией без совести и самосознания”.

Гр. Диев правильно акцентирует те устои, незывлемые основы, которые позволили сохраниться древнему народу: “И кто знает, быть может, армянский народ и впрямь погряз бы в омуте полного нравственного одичания, если бы не благовест христианской религии, долетавший до него с церковного амвона на родном языке и будивший в нем сознание его человеческого достоинства и веру в мировую справедливость, среди окружающего мрака и господства торжествующей дикой силы. Нужна была невероятная выдержка и редкая культурная упругость, чтобы сохранить свою веру, язык и духовную целостность от наплыва воинствующего мусульманства, в особенности когда, с падением Константинополя, христианский Восток лишился своей старой опоры, а новая, в лице России, еще мелькала лишь в тумане. Но все же надежда на Россию одна поддерживала в христианах Востока едва тлеющую искру упования на лучшее будущее”.¹³

¹² Там же, с. 387.

¹³ Там же, с. 388.

“Никому не навязывая ни своего вероучения, ни своего языка, но никому и не уступая их, армяне видят в них безобидный для соседей, но дорогой для них палладиум своей национальности, давший им возможность отстоять свою национальную индивидуальность и от духовного всенивелирующего влияния Рима и Византии, и от грубого порабощения и поглощения мусульманскими ордами. Такова, как мне кажется, сущность армянской национальной идеи, как ее понимает большинство армянской нации”,¹⁴ – заключает Джаншиев.

Сборник “Положение армян в Турции...”, бесспорно, произвел шокирующее впечатление на передовое русское общество, до этого не очень-то и озабоченное судьбой “азиатского” народа “торгашеского” толка. Перемена в умах и сердцах людей была очевидна и естественным образом назрела необходимость нового издания, способного еще более усилить интерес общественных, политических и интеллектуальных кругов России к армянам и их положению в Османской империи. Фраза из речи Гладстона на митинге в Честере летом 1895г. о том, что “самое верное и прямое решение вопроса (Армянского. – Р. Б.) заключалось бы в изгнании турок из Армении” и они “не имеют права оставаться там”, воодушевила многих российских и западных армян, но вместе с тем принесла последним массу новых ужасов в виде новых преследований и погромов невинных людей на их коренной, исторической земле... Вновь кровь, сотни и тысячи беженцев, хлынувших также в Россию.

В этих условиях потребностью и велением времени явилось издание нового сборника – силами российской интеллектуальной элиты, русских и армян, – “Братская помощь пострадавшим в Турции армянам”, чье литературно-научное направление, славные имена видных деятелей творческой и научной интеллигенции России, принявших в нем участие (Лев Толстой, В. Белинский, А. Герцен, Д. Мамин-Сибиряк, К. Бальмонт, Ф. Тютчев, А. Жемчужников, А. Чехов, Н. Марр и др.) снискали ему

¹⁴ Там же, с. 411.

широкую известность, имели широкий резонанс в обществе. Душой нового сборника вновь был Гр. Джаншиев.

В Предисловии к первому изданию (второе, дополненное, было осуществлено ввиду большого успеха сборника в 1898г.) Диев писал, в частности, что “скорбная своеобразность беспримерных бедствий”, разразившихся в 1894-1897 гг. над многострадальным армянским населением Турции, заключалась в том, что “не сразу выяснились пред общественным мнением их истинная причина и характер, равно как их ужасающие размеры”.¹⁵

Автор приговждает к позорному столбу турок: “Разоряя, истребляя тысячами, десятками тысяч мирное армянское население, совершая невероятные акты насилия, утонченной жестокости и скотского разврата, акты поругания христианских святынь и соращения в ислам, турки, при помощи услужливых органов печати, уверяли Европу, что они только обороняются от армянских “бунтовщиков”, осмеливающихся нападать на “правительственные здания” и даже “на молящихся в мечети мусульман”. И нашлись люди, которые искренне поверили или прикинулись поверившими этим повасенкам!.. Но правда о неслыханных зверствах, совершенных турками, всплыла, наконец, наружу, когда, всед за английской печатью, о них заговорила далеко не солидарная с нею американская, французская и немецкая печать. Самые упорные скептики должны были убедиться, что турецкая орда осталась прежнею “ордою дикарей”, усвоив себе лишь усовершенствованные способы истребления христиан”.¹⁶

Гр. Джаншиев обращается к русскому обществу: “Уцелевшее чудом армянское население, лишенное всего, пущено по миру и не может прожить без посторонней помощи. Христианские народы обоих полушарий спешат на помощь “погибающему старейшему христианскому народу”. Россия ли, связанная вековыми славными традициями с христианами Турции, отстанет в

¹⁵ Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно-научный сборник. М., 1897, с. А.

¹⁶ Там же, с. В-С.

этом добром деле?”¹⁷

Отмечая, что в наш “век гипертрофии личного и коллективного эгоизма трезвый, холодный рассудок и доктрина интересов “конца века” рекомендуют держаться правил “своя рубашка ближе к телу”, “моя хата с краю”, публицист напоминает и ту “правду”, что кроме “мерки интересов” существует и другая мера – “единая истинная и непреложная” – справедливость, провозглашенная еще в начале века русским императором Александром I.

Прекрасно сознавая, что нужды и горя, бесспорно, “езде много”, автор Предисловия тем не менее заостряет внимание российского общества на трагедию армян: “... злополучные турецкие армяне, над которыми разразился ураган неслыханных бедствий, которые от собственного правительства претерпели ужасы, подобных коим, как говорит академик Лероа Болье, еще не видало праведное солнце, – такие глубоко несчастные страдальцы вправе рассчитывать на особое сострадание отзывчивых, добрых людей. Их ужасное положение невольно напоминает –

Что в жизни цель есть, цель святая:

Помочь славейшему в пути...”¹⁸

В сборнике, помимо Предисловия, перу Г. А. Джаншиева принадлежит материал “Встреча с армянами-переселенцами”. В ней автор представил свои впечатления от поездки в Закавказье осенью 1896г. В этом своеобразном еще одном “обвинительном акте” публицист пишет: “Все, кому привелось в последнее время посетить местности, прилегающие к турецкой границе, могли воочию убедиться, как велика нужда и как необходима помощь для этих многочисленных жертв бесчеловечности турецкого режима, потерявших все и бежавших из Турции, чтобы спасти жизнь свою и своих близких. Пришлось и мне видеть толпы армян-переселенцев во время недавней поездки своей в Эриванскую губернию. Последний раз я видел их пред Дилижанским перевалом, недалеко от Гокчайского озера. Я снова увидел уже

¹⁷ Там же, с. D.

¹⁸ Там же, с. G.

знакомые картины скитания народа, беспощадно мятущегося и вот уже три года не знающего куда преклонить голову от варварских гонений, поощряемых равнодушием Европы. Сбившись в кучу, двигается пестрая толпа исхудалых, одетых в лохмотья армян и армянок, робко озираясь кругом. Попадаются все возрасты, начиная от грудного младенца и кончая старцами. Голодные, оцепенелые от морозной ночи, проведенной под открытым небом, шли они молча, плохо согреваемые лучами яркого, но холодного зимнего солнца. В печальных взглядах обессиленных путников написано было столько безысходного горя, столько безропотного отчаяния, что самые бесчувственные люди не могли бы пройти мимо равнодушно. Не слышно были ни стонов, ни вздохов и воплей, даже ни одна рука не протягивалась за подаванием. Да и что бы могли прибавить слова и жесты, чего и так не говорили с потрясающим реализмом эти впалые, потухшие, глубоко печальные глаза, видевшие гибель всех и всего, что дорого человеческому сердцу, эти повелевшие, сжатые уста, долго, но напрасно вызывавшие к небу и людям о защите”.¹⁹

Описывая положение “переселенцев” в Эчмиадзине, где, по распоряжению католикоса, монастырь кормит до 1000 человек своих единоверцев, но “нужда очень велика, а средств нет”, автор призывает: “Быть не может, чтобы в нашем обществе не нашлись люди, способные откликнуться на нужды этих жертв дикого мусульманского изуверства и озверелого деспотизма”.²⁰

Видный общественный деятель-патриот, озабоченный судьбами своих соотечественников, как видим, в эти грозные дни не отсиживался в тиши московского кабинета, а лично и воочию хотел видеть происходящее в Закавказье, куда хлынули основные потоки тысячами переходящих русско-турецкую границу армянских беженцев.

“Братская помощь пострадавшим в Турции армянам” имела большой успех, что было отмечено ведущей российской печатью уже в том же, 1897 году (“Петербургские ведомости”,

¹⁹ Там же, с. XX.

²⁰ Там же.

“Вестник Европы”, “Новое время” и др.).

Мнение столичной прессы было особенно важно. “Петербургские ведомости”, в частности, писали: “... Не думайте, что на всей тысяче его страниц к вам назойливо пристают с описанием армянских страданий и бесчисленных бед этого народа... Только введение и последняя сотня страниц дают, на основании официальных документов (французская “Желтая Книга”), показаний и писем очевидцев, потрясающую картину армянского “крестного пути” на магометанскую Голгофу. Вся остальная громадная часть сборника – произведения литературные и научные, русских авторов, толкующих о России и русских делах. Но... тихая грусть, великая скорь, невыраженная печаль где-то скрываются в этом сборнике. Это – грусть хоронящаяся, не назойливая, но проступающая наружу, как кровь армянских мучеников, которую не замолчать... Тут слезы, горючие слезы, проедающие насквозь камень и западающие на сердце... Правда выступает сама собою!.. Сборник составлен таким путем, что всею суммой своих статей и каждой своей страницей он будит в людях *человека*. С каждой страницы веет разумной человечностью, рождаются добрые чувства в сердце, светлые мысли западают в голову, – *пробуждается душа*”.²¹

“Эта книга – симфония, – продолжала газета. – Она полна поэзии, красок, идей, добра, труда и человеческого достоинства. Она властно проникает в душу, звучит в ней чудными аккордами и вызывает вдохновение. Этот сборник – одно из светлых явлений нашего времени, он – как бы энциклопедия, хрестоматия добра. Такая книга *воспитывает*. В минуту, когда усталая мысль не реагирует на внешние впечатления, стоит взять в руки этот сборник, чтобы зароились в голове живые идеи”.²²

“Петербургские ведомости” заключают, что “культурное единение с армянским народом (с его богатой историей, с его цельным и здоровым мировоззрением, с его испытанной духовной силой) является вкладом в сокровищницу русского духов-

²¹ В сб.: Братская помощь..., 2-е изд. М., 1898, с. А.

²² Там же.

ного бытия и самосознания”.

Не прошли мимо этого благотворительного сборника в пользу турецких армян и другие влиятельные российские органы печати, которые отмечали в этом издании “потрясающий обзор турецких зверств и насилий над армянами” (“Вестник Европы”), “ужасающую картину бедствий, обрушившихся на тихий, трудолюбивый, родственный по вере народ” (“Мир Божий”). “Новое время”, напоминая русскому читателю о “единстве веры, единстве идеалов” и “того лика Христа”, которые вместе с русскими “сберегли в течение веков и армяне”, т.е. “той почве”, на которой “прозябнет всего скорее росток сострадания к бедствующей ныне христианской нации”, вопрошает: “Неужели мы не поспешим омыть и перевязать его раны?”²³

Все вышесказанное лишь подтверждает, что усилия Гр. Джаншиева привлечь сборником внимание российской общественности к трагедии армянского народа увенчались успехом. И он был столь очевиден, что уже на следующий год, в 1898-м, вышло в свет второе, дополненное новыми материалами известных авторов, издание “Братской помощи...”.

В предисловии к новому изданию Г. А. Джаншиев писал вновь об ужасах в Турецкой Армении, еще и еще раз словно взывая к совести и чувствам не только простых россиян, но и, в первую очередь, власть предержащих... Цель — достучаться до сердец! “... Правильно говорит латинская поговорка: вдвойне дает, кто скоро подает. Доказательство на лицо. Жители Сасуна, сделавшиеся первыми жертвами турецкого погрома, обратили на себя, благодаря могучему голосу Гладстона, особое внимание английского и американского обществ, поспешивших на помощь первым жертвам турецких зверств... Когда началось в конце 1895 года организованное Портою массовое систематическое избиение армян на пространстве всей Малой Азии, когда беспримерные погромы оставили после себя кровавые трофеи в виде сотен тысяч увитых, десятков тысяч разрушенных домов, сотен тысяч вдов, сирот, девишек, захваченных в гаремы, сотен

²³ Там же, с. С-D.

тысяч армян, обвинявших или насильно обращенных в магометанство, — словом, когда дьявольский план истребления древнейшего христианского народа казался близким к осуществлению и замученные, ограбленные армяне переживали мучительные дни агонии, ни откуда не ожидая помощи, — тут-то в качестве ангела-хранителя первые откликнулись христианские миссии и во главе их американская евангелическая община. Без нее армяне погибли бы! Нужно было много веры, много самоотвержения, много ума и сердечности, чтобы не потерять голову и разобратся среди этой груды развалин, нагроможденных яростью курдов, при содействии бюстителей порядка. К чести человеческой природы, к чести, покрытого позором и армянской кровью, “конца века” нашлись близ покинутых всеми армянами христиане, достойные своего имени, люди большого практического умения, твердого характера, и, главное, сострадательного, братски, бескорыстно любящего сердца, и оно сделало чудеса...”²⁴

Далее Гр. Джаншиев напоминает, что “первые, бескорыстные подвиги миссионеров-подвижников” — приюты, восстановленные дома и церкви, — “неожиданно заблиставшие, как луч света, на местах, где только что безнаказанно напотешился на всей своей вольной воле человек-зверь...”. Своевременная, толково организованная помощь, оказанная “в самое критическое время террора и общей растерянности”, по мнению публициста, оказала несчастным армянам “неоценимую услугу: оцепеневшие от ужаса армяне начали приходить в себя”.

“Турецкие армяне, — продолжает автор предисловия, — проявили столько нравственной выдержки, терпения, столько взаимной любви и твердости в вере, которые сделали бы честь любому европейскому народу, поставленному в нормальные условия существования. Бесконечный армянский мученический список еще не написан! — И едва ли когда будет дано описание мученической кончины многих тысяч армян, павших за верность вере христианской!.. — Но и то не многое, что приводится в настоящем сборнике, показывает, на какие нравственные подвиги спо-

²⁴ Там же, с. F-G.

совны лучшие представители этого “народа торгашей”, как иные, не в меру строгие к другим публицисты, именуют армян...”²⁵

Видный армянский общественный деятель-патриот, обращаясь к русскому обществу, напоминает ему, что “древний христианский народ, никогда не обладавший политическим могуществом, призванный к жизни Россией после мусульманского порабощения, навсегда с ней связанный и в благодарной памяти своей хранящий имя своего освободителя, — жаждет только об одном: о сохранении своей древней церкви и языка. Несколько большая дальновидность и широта взгляда, несколько меньше заносчивости и запальчивости в обобщениях и будет ясно, что армяне, бывшие со времен Петра В. самыми преданными друзьями России и самыми искусными пионерами для ее цивилизаторской миссии на Востоке, и в будущем могут сослужить ей полезную службу”.²⁶

Но для этого необходимо, по мнению публициста, чтобы “рассеялся туман, напущенный на армянские дела и нанесший армянам столько вреда и страданий”, а для этого необходимы знакомство с достоверными историческими данными и фактами современной жизни, отказ от мимолетных обобщений, от систематической травли, выставяющих кавказских армян как “врагов России” и “эксплуататоров крестьянского населения”...

Заключая свое слово ко второму изданию “Братской помощи...”, Гр. Джаншиев пишет: “Велика сила зла, но сила добра, сила человека — беспредельна, “когда любовь горит звездой, и всемогуща и светла”. Все дело в этой деятельной любви, в этом сердечном проникновении несчастьем ближнего. А как оно еще нужно армянам, — ибо едва ли есть теперь в подлунном мире страдальцы, заслуживающие более деятельного сострадания, нежели столь жестоко претерпевшие от турок армяне. При описании их бедствий, как указал еще праведный Гладстон, преувеличение невозможно, так как действительность превзошла самое

²⁵ Там же, с. Н-Л.

²⁶ Там же, с. L.

неовузданное воображение...

Искупить хоть отчасти турецкие зверства в Армении, этот позор дряблого конца XIX века, возможно только облегчением нечеловеческих страданий их бесчисленных жертв”.²⁷

6 мая 1898г. не стало одного из величайших государственных деятелей эпохи — Вильяма Гладстона, умершего на 89-м году своей благотельной и кипучей жизни.

Во втором издании “Братской помощи” Гр. Джаншиев поместил свою взволнованную статью “Памяти Гладстона”,²⁸ где дал великолепный портрет английского политического деятеля, страстного и последовательного защитника армян.

“В истории немного найдется имен, — пишет армянский публицист, — носители коих в краткий период земного человеческого существования являли бы пример такого неустанного развития и совершенствования политико-нравственных взглядов, как свыше 50-летнее прогрессирующее политическое мирозерцание великого финансиста, эманципатора и гуманиста Гладстона... Искреннее, бескорыстное служение делу страдающих и обездоленных народов, везаветная вера в благодсть свободы, постановка в свете международного права на место силы и материального интереса нравственного долга — таковы были основные принципы, которым следовал величайший государственный гений XIX века. И если в челе и в конце века обескураженный сын конца XIX видит двух наиболее ярких представителей грубой силы, материального интереса и международного сеялюбия и вражды с полным игнорированием всего, чем жива нравственная личность, — то ему отраднo быть между Наполеоном и Бисмарком отметить оваятельную личность Гладстона, при созерцании которой невольно скажешь словами Пушкина: “При мысли одной, что я человек, невольно душой возвышаюсь...”

Гр. Диев отмечает, что нет тех малых, несчастных, гонимых, забытых и забытых, на которых не упало “сострадательное

²⁷ Там же, с. N-O.

²⁸ Там же, с. 1-15.

сочувствие” этого “любвеобильного христианина”. Последние годы своей жизни, свои последние силы он отдал, чтобы обратить внимание христианского мира на “безмерное страдание древнейшего народа-мученика, на бесконечный мартиролог турецких армян”. И если “потухшие, высохшие от беспрерывных горячих слез” глаза армян способны еще дать слезу, то она будет принадлежать “великому человеколюбцу”, который “если не в силах был остановить потоков армянской крови, то хоть удержал руку “великого убийцы”, уже занесенную для окончательного истребления народа, который был пощажен даже зверем-Тамерланом”.

“Казалось, само чистое имя Гладстона служило гарантией чистоты его намерений”, подчеркивает автор статьи, однако оно не оказало действия, а Порта, пользуясь разногласием держав, организовало новую войну армян на всем пространстве всей Малой Азии, константинопольскую резню 1896 года на глазах Европы...

Как известно, Гладстон трижды публично выступал в пользу армян – на Честерском митинге 26 июля 1895г., на Ливерпульском митинге 26 сентября 1896г., в январе 1897г. в своем замке Говарден. И каждый раз он яростно клеймил Порту, в надежде, что “право восторжествует”...

Завершая статью памяти Гладстона, публицист пишет: “Но каковы бы ни были дальнейшие судьбы потонувшего в крови армянского вопроса, в истории его оставит неизгладимый след светлый образ человека, поднявшего голос, во имя справедливости, для охраны от окончательного истребления покинутого всеми злополучного армянского народа. И если, как справедливо указывает Леруа-Болье, с тех пор, как стоит земля, она не видала ничего подобного ужасам, разразившимся в 1895г. над армянами, то возмущенное человеческое достоинство хоть на минуту спешит отдохнуть на этом 90-летнем старце-богатыре, понявшем своим “великим сердцем” неопишемое горе забытых всеми, замученных армян. После леденящих душу злодеяний обезумевшего “человека-зверя”, совершенных им при поощрительном равнодушии человека-себялюбца, погруженного в забо-

ты о своем личном интересе, – после этих низин человеческой природы невольно ищет глаз отдохновения на этой светлой вершине человеколюбия, на этом величайшем государственном человеке XIX столетия, служащем, по выражению историка древности, одним из “украшений и утешений рода человеческого”...

*Природа – мать! Когда в таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла в нива жизни...*

Оба издания “Братской помощи...” явились величайшей заслугой Гр. Джаннишева перед родным народом, терпящим бедствие, придавало ему душевные силы. Более того, на полученный от реализации сворника доход Джаннишев основал фонд помощи армянам. На средства этого фонда были открыты 12 приютов на территории Западной Армении.

Будучи человеком демократических воззрений, Джаннишев и в своих многочисленных работах придерживался того мнения, что Армянский вопрос в Турции должен быть решен “в соответствии с требованиями права, справедливости и гуманизма”. Однако, как показала история, эти “европейские мерки” совершенно не подходили для такой варварской, деспотической страны, как султанская Османская империя... Григорий Джаннишев, на наш взгляд, оказался в некотором роде “романтичным идеалистом” в путях разрешения проблем западноармянского населения Турции, что, впрочем, совершенно не умаляет его выдающихся заслуг перед родным народом.

АЛЕКСЕЙ ДЖИВЕЛЕГОВ

Новонахичеванская (ростовская) колония примечательна тем, что дала целую плеяду культурно-общественных деятелей, умом и сердцем посвятивших себя идеалам и делу освобождения родного народа от ненавистного турецкого ига, — не только пером, но и материально патриотически настроенные видные люди Нор-Нахичевана и Ростова-на-Дону организовывали и спланировали армянское население края, оказывая влияние и на другие армянонаселенные регионы необъятной России. Уроженцы Дона, обосновавшиеся в Петербурге и Москве, всегда играли заметную, а иногда и решающую роль в национальных делах особенно в судьбоносные времена, каковыми, собственно, и являлись конец XIX — начало XX века.

Среди них имя *Алексея Дживелегова* (1875-1952), бесспорно, занимает одно из самых почетных мест.

Окончив историко-филологический факультет Московского университета в 1897г., молодой Дживелегов окунается в общественно-политическую жизнь, представляя интересы либерально настроенной части студенчества, затем примыкает к кадетам. Необходимость побочных заработков в связи с созданием семьи приводит его в “Русские ведомости”, где он, по собственным словам, “вел постоянную хронику: новости науки, искусства и литературы, работал в иностранном отделе и печатал статьи по разным вопросам, больше всего по истории и социологии”,¹ а также исторические справки и биографические заметки. Среди работ, опубликованных на страницах “Русских ведомостей”, особую группу составляли статьи по Армянскому вопросу, в контексте взаимоотношений Турции и России (передовицы и проч.).

По воспоминаниям одного из редакционных коллег, Дживелегов был “исключительно талантливый человек, обладающий большой памятью и большими знаниями, с редким даром легкости писателя (это у него делалось по мановению какого-то

волшебного жезла)... твердый в своей политической позиции... у него никогда не было врагов, все к нему относились хорошо”.²

Работа Дживелегова в “Русских ведомостях” была для него хорошей школой в развитии политических взглядов — она способствовала его сближению с либеральным движением российской интеллигенции, т.к. руководители газеты стояли на позиции так называемого “гуманного либерализма”, стремясь использовать данные европейской науки и исторического опыта применительно к российской действительности. На страницах своей газеты они требовали от правительства более гибкой политики, доказывая, что только система реформ даст возможность избежать революции. События 1905-1907 гг. оказали огромное влияние на дальнейшее формирование общественно-политического мировоззрения А. Дживелегова — он стал членом партии кадетов, членом бюро Московского горкома партии “Народной свободы”. Политическим идеалом его в то время являлось установление в России правового государства, в котором народ принимает участие в составлении законов и держит в своих руках контроль над их исполнением. Нормальное функционирование правового государства, по мнению Дживелегова, возможно только при условии признания за гражданами прав личной и политической свободы.³

Первая мировая война стала важным рубежом в развитии общественно-политических взглядов Дживелегова как одного из представителей российского либерализма. Он считал эту войну для России “оборонительной”, “справедливой” и “народной”, исторически неизбежной — как результат столкновения экономических интересов России и Германии, а успешное окончание ее связывалось Дживелеговым с перспективой укрепления международного авторитета России, пошатнувшегося после поражения в крымской и русско-японской войнах, и ее сближения с за-

¹ Русские ведомости. Св. статей 1863-1913. М., 1913, с. 60.

² С. Мельгунов. Воспоминания и дневники. Париж. 1964, Вып. I, ч. 1-2, с. 111.

³ См.: Армянский вестник (Возобновленное издание), М., 1998, N 3-4, с. 165-166.

падными демократиями – Англией и Францией.⁴

Однако Первая мировая война принесла новые неисчислимы́е бедствия его родному народу в Турции, вступившей в войну против России. Над западноармянским населением в Османской империи в 1915-1916 гг. пронесся жуткий смерч погромов, резни и депортации, принявших размеры преступления геноцида...

Известный в России и Европе историк, искусствовед, литературовед, писатель, переводчик, публицист, автор множества блистательных монографий и статей о европейской культуре эпохи Ренессанса, не мог оставаться равнодушным к общественно-политическим проблемам родного народа – “голос крови” давал себя знать!..

“В научном творчестве, публицистической деятельности ученого, – писал Дж. Киракосян, – политическая арменистика – проблемы истории армянского народа, русско-армянские отношения, дипломатическая борьба вокруг Армянского вопроса, младотурецкая политика истребления армян и т.д. – занимает особое место”.⁵

Перу А. Дживелегова принадлежат книги “Армяне в России” (1906) и “Будущее Турецкой Армении” (1911), около полусотни статей об Армянском вопросе и геноциде – в основном в виде передовиц, опубликованных в предпринятом и редактируемом им (совместно с редактором-издателем И. Т. Амировым) московском еженедельнике “Армянский вестник” (1916-1918).

Существующая литература об А. К. Дживелегове и его трудах⁶ вынуждает нас отказаться от детального рассмотрения его важнейших работ по исследуемой нами проблеме, однако определенная часть его публицистического наследия все же осталась вне поля зрения широкой общественности, историков.

⁴ См. там же, с.166-167.

⁵ Дж. Киракосян. А. К. Дживелегов и его историко-публицистическое наследие, Ереван, 1986, с. 37.

⁶ См., напр.: Дж. Киракосян. Указ. раб.; Н. Саруханян. Указ. раб. и др.

Фактически не было ни одного номера “Армянского вестника”, в котором русскоязычный читатель не нашел бы актуальной статьи, отклика на волнующие события или небольшой, но важной по сути заметки А. Дживелегова, в частности о положении западноармянства, “по горячему следу”... Печатался он, разумеется, как уже указывалось, и в других органах “современно российской” печати, но основная масса публикаций приходится на “дживелеговское детище” – на его “трибуну” – “Армянский вестник”...

Чтобы представить, как широки и разнообразны интересы Дживелегова в кругу “армянской тематики”, перечислим лишь некоторые его статьи и передовицы тех лет: “Положение армян в Турции”, “Об Армянском вопросе”, “Судьба Армении”, “Англия и армяне”, “Русские победы и армянский народ”, “Автономия Армении и русская интеллигенция”, “Земельный вопрос в Турецкой Армении”, “Ковалевский и Армения”, “Беседа Талаат-бея с немецким журналистом”, “Неотуранизм и Армения”, “Вопрос о возвращении беженцев в Армению”, “Военнопленные армяне”, “Новые ужасы в Армении”, “Поляки и армяне”, “Румыния и Армения”, “Помощь Соединенных Штатов армянам”, “Армения и Турция”, “Русская революция и Армения”, серия статей об Армянском съезде и многие другие.

В разгар Первой мировой войны и разыгравшейся армянской трагедии А. Дживелегов помещает в “Русских ведомостях” (4 августа 1915г.) статью “Раны Армении”, в которой, давая широкую картину страданий армян, в частности, пишет: “... После того, как в Ване армяне не захотели добровольно подставить свою шею под нож палача, добровольно отдать на позор и муки жен и дочерей, младотурки приняли свое решение. То, перед чем останавливался кровавый Гамид, художник по части зверств, то пытаются осуществить политиканы, завладевшие властью и удерживающие ее при помощи германских штыков. Они решили истребить армянский народ, вырвать с корнем христианскую расу, существование которой грозит теперь уже серьезно целостности Османской империи”.

Далее автор приводит подробности, которые “поистине

ужасны” — цвет армянской интеллигенции арестован и “поне-
многу умерщвляется в неволе”, крестьяне “не выходят из поло-
сы погромов всюду, где звучит в Турции армянская речь”, в
Константинополе “не прекращающееся состояние христианско-
го погрома”, церкви “разгромлены и сожжены”... Говоря об уг-
рожающем росте числа беженцев армян — до 200 тысяч — из
Турции, хлынувших в Болгарию, Грецию, Россию, А. Дживеле-
гов призывает российское правительство и общество оказать не-
медленную и действенную помощь несчастным, зачастую умира-
ющим уже не от турецкого ятагана, а от холода, голода и болез-
ней...

Судьба Армении, по мнению публициста-патриота, “са-
мая тяжелая”, однако “нельзя уничтожить народ”, “Армения
подымется из пепла и будет жить, но нужно дать ей возмож-
ность оправиться от бедствий, справиться с тяжелым кризисом,
в который она попала... И от России ждет помощи Армения...”

“Ни один из прежних армянских погромов, не исключая
погрома 1895-96 гг., — писал Дживелегов позднее, в 1916 г., в
статье “Немцы, турки и Армения”, — не может идти в сравнение
с тем, что свершилось над армянами в дни великой войны. Все
население Турецкой Армении, насчитывавшее до войны около
двух миллионов, подверглось систематическому искоренению...
Подробности и картины скорбного исхода из родных мест на
чужбину — таковы, что сознание отказывается воспринимать. Ни
во времена Чингиса, ни во времена Тамерлана армянам не при-
ходилось переживать ничего подобного. Средневековые дикари
просто убивали, чтобы завладеть добычей, современные варвары
в этом безумии истребления преследуют определенную полити-
ческую задачу”.⁷

А “задача” ясна — истребление армянского народа, изг-
нание его с собственной земли, с исторической родины под
предлогом “военной необходимости”, совершаемое при попусти-
тельстве (если не сказать — подстрекательстве) германского пра-
вительства. В чем же “интерес” немцев? Дживелегов поясняет:

“Армяне в Турции широко окаймляют почти всю русскую гра-
ницу. Очистить пограничную полосу от армян значило облегчить
стратегическую задачу на русско-турецком фронте. Так возник
план выселения. Он возник в германских головах. Как он осу-
ществлялся, известно всему цивилизованному миру. Дикой вак-
ханалии безудержных палачей армянского народа ничто не мог-
ло помешать...”

Спасение армянского населения в Турции, “столь нуж-
ное с точки зрения интересов России и ее союзников”, возмож-
но, по мнению автора статьи, только при одном условии: нужно
победить немцев, тогда только “охладится мания величия младо-
турок, Турция займет принадлежащее ей скромное место, и ар-
мяне смогут спокойно думать о своем будущем”.

Воодушевленный поведомством русского оружия и взятием
Битлиса, Дживелегов писал в “Армянском вестнике” (№ 5 за
1916 г.): “Пал Битлис. Еще одной твердыней меньше у турецко-
германской коалиции. Еще один кусок старой армянской земли
вырван из-под власти оттоманов... Армянские сердца наполня-
ются надеждою. Ужасный афоризм, который злорадно повторя-
ли на все лады враги армянского народа, — “Армения осталась
без армян” — оказался мифом”.

Публицист констатирует в то же время, что “мужчин пе-
ребито много: погибла большая часть интеллигенции и духовен-
ства” и тем не менее “тех гигантских размеров”, о которых гово-
рилось, “бед, к счастью, не приняла — Армения не останется без
армян”...

В первом номере “Армянского вестника”, как один из
основателей журнала, А. Дживелегов писал о задачах предпри-
нимаемого издания: “Мировая война еще раз обратила внимание
всего цивилизованного мира на армянский народ, который те-
перь гибнет в Турции за свое стремление к европейской культу-
ре и за свою преданность державам Согласия. И муки маленько-
го народа вызывают к нему участие всего мира... Но широкие
слои русского общества и до сих пор мало знакомы с армянами,
с их прошлым, с их культурой, и нет в России ни одного органа
на русском языке, посвященного освещению армянского общест-

⁷ Армяне и война, 1916, № 1.

венно-политической и национальной жизни, отражению нужд и потребностей армян... Чем ближе узнает армян русское общество, тем справедливее будет его отношение к судьбе многострадальных турецких армян. Сочувствие русского общества в значительной мере решает вопрос о будущем Армении”.⁸

Дживелегов выражает надежду, что сочувствие армянам со стороны русского общества — если этого сочувствия еще нет, или “если оно не успело разлиться широко” — явится, как только русскому обществу сделаются известны факты армянской действительности, история общественно-политической и национальной жизни армян и их культура. “Армянский народ, — подчеркивает автор, — как целое, переживает сейчас едва ли не самый трагический момент за всю долгую и скорбную историю своего национального существования. Меч бога войны его поразили сильнее, чем всякий другой народ. Польша, Бельгия, даже Сербия, растоптанные, распятые, — все-таки не стоят перед тем, перед чем стоят армяне в Турции: перед перспективой полного исчезновения с лица земли. Сокрушающая тяжесть этой перспективы, нависшая над турецкими братьями, повергает в траур весь армянский народ, — заставляет его оглядываться по сторонам в сознании своего бессилия, в надежде встретить руку помощи, к нему протянутую”.⁹

“Армянский вестник” рожден войною и тем грандиозным несчастьем, которое война принесла армянам, продолжает Дживелегов, но война и турецкая трагедия — лишь повод. Такому журналу давно было место среди органов русской периодической печати. Ведь армянам было что рассказать о себе русскому обществу — “ни русское общество, ни русское правительство не были до сих пор с надлежащей полнотой осведомлены об армянах, о их настроениях и чаяниях, в России и Турции” — и вот почему задачи журнала “значительно шире, чем создавший их трагический повод”.

В заключение своей “вводной” статьи А. Дживелегов пи-

шет: “Если нашему журналу удастся просто создать армянскому народу друзей в русском обществе, его появление будет оправдано. Если же он привлечет к армянскому народу не только сочувствие, но и столь необходимую ему теперь моральную и материальную поддержку — цель журнала будет достигнута сторицей”.¹⁰

Заслуга Дживелегова в том, что он “своим авторитетом, своей кипучей энергией сплачивал вокруг себя и журнала видных представителей русской интеллигенции, которые подняли свой голос в защиту жертв человеконенавистнической политики войны и турецкого вандализма”.¹¹ Напомним: с армянским еженедельником сотрудничали такие видные публицисты и поэты, как С. Котляревский, М. Ковалевский, П. Долгоруков, Ю. Веселовский, В. Брюсов, С. Городецкий, Ю. Верховский, С. Кроткий, В. Немирович-Данченко, Н. Николаев, В. Язвицкий и др.

В этом же номере журнала — обстоятельная и очень важная по актуальности статья А. Дживелегова “Судьба Армении”, которая в несколько иной редакции появилась ранее в “Русских ведомостях”, где, как известно, он заведовал хроникой новостей науки, искусства и литературы. (Статья эта, в числе многих других, рассмотрена в ряде научных работ и нет нужды вновь останавливаться на ней).

Дживелегов весьма ревностно следил за всеми событиями, происходящими в России и Турции и имеющими хоть малейшее отношение к армянам, как говорится, держал “руку на пульсе”... Почти каждый номер “Армянского вестника” открывался его “передовицей”. Так, 21 февраля 1916 г. он помещает заметку в связи с выступлением 9 февраля в Госдуме министра иностранных дел С. Д. Сазонова по поводу событий на русско-турецком фронте, в котором упоминалось об ужасном положении турецких армян и выражалось опасение, что “турки, по-видимому, намереваются осуществить свою давнишнюю мечту о

⁸ Армянский вестник, 1916, N 1, с. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 2.

¹¹ Дж. Киракосян. А. К. Дживелегов и его историко-публицистическое наследие, с. 45.

полном истреблении армянского населения”.

“На первый взгляд, — пишет автор, — речь совершенно бледная. Как будто министр не сказал ничего. Точное констатирование факта, жест сострадания и небольшая справка о роли армянского населения Турции в переживаемом нами политическом катаклизме. Ни слова о том, что же ждет этот действительно “несчастный” народ после войны... Заявление об армянах было чрезвычайно скупое: об этом не приходится спорить. Но оно было. Оно вошло в программу главы нашей иностранной политики и уже от Думы зависит, как она воспользуется канвою г. Сазонова и какие на ней поведет узоры... Выяснение армянского вопроса в Думе, поскольку это является возможным по условиям военной тайны, особенно существенно в настоящее время. Армяне с тревогой смотрят вперед. Позади — избиения. Вперед — ничего определенного”.¹²

Дживелегов выражает надежду, что “только Дума с ее авторитетом ... могла бы добиться от правительства заявлений, вносящих некоторую определенность в вопрос о будущем Армении”¹³ и видит значение речи министра иностранных дел в том, что она “поставила армянский вопрос в порядок дня” Думы и займет в нем “подобающее ему место”.

Не проходит мимо внимания публициста особый выпуск журнала “Польское эхо”, посвященный Армении и армянскому народу. И это, по мнению А. К. Дживелегова, не случайно: “Редакция почтенного польского журнала сделала это прежде всего потому, что на Армению обращены взоры всего мира, что армянский народ находится в положении какого-то трагического именинника. Нельзя не высказать сочувствия народу, который покушались истребить поголовно, который перенес за короткое время муки, незнакомые ни одному из девяти кругов дантова ада, который тем не менее не пал духом и водро глядит навстречу загадочному будущему. Нельзя не приветствовать народ, которому русские войска освободили от турецкой неволи

¹² Армянский вестник, 1916, N 4, с. 1.

¹³ Там же, с. 2.

лучшие части его земли: Ван, Муш, Битлис, Эрзрум”.¹⁴

Давая экскурс в историю армяно-польских исторических и культурных связей, публицист далее обращается к жестокой современности: “Польша и Армения подверглись опустошениям и избиениям, одинаково бесчеловечным. Оттого поляк и армянин так хорошо понимают друг друга. Теми же ранами кровоточит грудь, те же слезы льются из глаз. Армянина с поляком свлизило овщее горе”.

Разумеется, замечает Дживелегов, “мечты поляков ближе к действительности, чем мечты армян. Армения, как и Польша, поделена между тремя державами, но разделу Армении миновали все исторические давности”. И тем не менее, падется патриот, оба народа идут по одному и тому же пути осуществления своих чаяний: “загорится заря новой жизни и для Польши, и для Армении”.

Армянский вопрос в Госдуме регулярно обсуждался и соответственно находил отклик на первых полосах “Армянского вестника” под “неусыпным взором” и с комментарием самого Дживелегова. На мартовском заседании (20-го числа) Госдумы он отметил знаменательную речь П. Н. Милокова, “вполне” отвечающую по своей постановке “чаяниям армянского народа”: “лидер к.д. партии определенно заявил, что Россия, обещавшая армянам в Турции автономию еще при турецком режиме, “должна осуществить это обещание” теперь, когда армянские вилайеты в значительной степени в ее руках. Мы не имеем еще такого же категорического заявления со стороны министра иностранных дел. Но достаточно и того, что самый авторитетный политик думского блока, очень осторожный в своих заявлениях, прямо высказался за такое решение армянского вопроса, какого ждут от России и ее союзниц армяне”.¹⁵

П. Милоков руководствовался соображением высокой политики, и на этот раз они совпали с чаяниями народа, исходящего кровью, но сохранившего и бодрость, и веру в будущее, за-

¹⁴ Там же, N 6, с. 1.

¹⁵ Там же, N 8, с. 1.

мечает Дживелегов, и “это совпадение знаменательно”.

“В политике тоже бывают случаи, когда опровергаются слова поэта: “дело прочно, когда под ним струится кровь”. “Дело” Армении стоит на таких сплошных потоках крови, что и высокая политика не может пройти мимо с сухими, незатуманенными глазами”,¹⁶ заключает одно из своих еженедельных размышлений армянский патриот.

27 марта Дживелегов возвращается к вопросу об автономии Армении в Госдуме, замечая, что он “выливается в конечном счете в соглашение между Россией и русскими армянами”, в то время как должен быть услышан как голос держав Соглашения (Англии и Франции), так и прочих армян: “Русские армяне, которых представляет М. И. Пападжанов, едва ли могут быть признаны единственными и безапелляционными строителями будущей Армении. Русских армян, правда, много. Армянская интеллигенция в России богата силами. Россия – сейчас прибежище для сотен тысяч армян турецких и персидских. И все-таки в окончательном решении судьбы Армении должны участвовать не только русские армяне, но и турецкие, персидские, индийские, румынские, североамериканские и всякие иные. Дело идет о строительстве новой родины... сейчас трудно даже предвидеть что-либо в этом направлении. Но помнить об этом... необходимо... Помнить... непрестанно: помнить и ждать, что влечный рассвет сменится когда-нибудь ярким огнем и для нашей родины, истекающей кровью, но бодрой и мужественной”.¹⁷

В центре внимания армянского общественного деятеля оказывается и созываемый в Петрограде съезд армянских организаций. На страницах еженедельника он освещается весьма подробно. Дживелегов выражает надежду, что армянское общество придет подготовленным к этому “первому открытому армянскому съезду в России” и нужно, чтобы он “выполнил до конца задачи, на него возложенные”. “Съезд – слишком большая и слишком важная вещь”, – подчеркивает он. Подводя ито-

¹⁶ Там же, с. 2.

¹⁷ Там же, N 9, с. 2.

ги прошедшего в мае 1916 г. съезда, Дживелегов пишет, в частности: “Закончился съезд армянских организаций помощи пострадавшим от войны. Это, в сущности говоря, был первый армянский съезд, имевший возможность открыто заявить о нуждах армянского народа... Первым и очень важным его результатом было то, что русское общество узнало о великих страданиях армянского народа, о том, что перенес он в течение войны, как в Турции, так и в России, куда бежали остатки армянского населения, спасшиеся от насилий турецких солдат и курдских шаек. Армянскому народу сочувствие русского общества необходимо, как воздух: дальнейшие судьбы Армении будут складываться под воздействием русского общественного мнения и его органов, прежде всего – Государственной Думы. Дать русскому общественному мнению материал для суждений по армянскому вопросу было общественным и политическим долгом армян, и эту задачу съезд выполнил”.¹⁸

Другим важным результатом съезда Дживелегов считает предпринятые “решительные шаги для объединения дела помощи армянам, пострадавшим от войны” – сосредоточение дела помощи беженцам в центральном органе, согласование деятельности отдельных организаций, что устранил “многие из неизбежных дефектов”. Третьим крупным результатом Дживелегов считает “постановления практического характера” по самым “животрепещущим вопросам текущей бытовой армянской действительности”.

Но, быть может, самым весомым результатом было то, что в короткий срок делегаты армянского форума справились с огромной программой, лежавшей перед ними. “На съезде, – подчеркивает Дживелегов, – совсем или почти совсем не чувствовались столь яркие в армянском народе партийные разногласия: все делали общее дело и чувствовали, что работают над чем-то таким, где партийная рознь будет вредной помехой, где разногласия, не вытекающие из существа того или другого вопроса, могут непоправимо скомпрометировать дорогом

¹⁸ Там же, N 17, с. 1.

стижение... Совместная работа во многих отношениях налажена: нужно лишь решительнее вступить на этот путь. Этого требуют прежде всего интересы Армении”.¹⁹

Разумеется, съезд имел и определенные недостатки, шероховатости организационного характера. Выражалось недовольство (в частности, в кавказской прессе) тем, что в Петрограде не был представлен ряд крупных кавказских армянских организаций, занятых делом помощи пострадавшему от войны населению Турецкой Армении (например, делегаты Центрального Комитета в Тифлисе, общества Нпастаматуйц, комитетов Братской Помощи). Поиски каких-то виновников, по мнению Дживелегова, “будут только расхолаживать, не давая сосредоточиться, создавать острые углы, т.е. приводить к тому, что несомненно принесет вред большому национальному делу”. В такой момент заниматься академическими вопросами и выискивать каких-то виновных – “дело едва ли очень своевременное”, считает публицист. “Армянский народ не может позволить себе такую роскошь, когда народ страдает от невиданных еще бедствий, когда историческая территория Армении стонет под игом векового врага”, – заключает Дживелегов и советует: “Пусть разговорами занимаются другие: у армян слишком много живого дела”.²⁰

Интересны размышления А. Дживелегова в связи с взятием русскими Трапезунда. 24 апреля 1916г. в “Армянском вестнике” он пишет о “новом, славном подвиге” “несравненной Кавказской армии”, “наполнившем радостью сердца армян”. Результаты занятия древнего города, по мнению автора, “с точки зрения национальных интересов армянского народа, очень велики”. Трапезундский вилайет, как известно, в протоколе 26 января 1914 г. включался в территорию автономной Армении, Трапезунд давался Армении как выход в море, как порт. В дальнейшем, поясняет Дживелегов своим читателям, вопрос осложнился с выдвижением Киликийской проблемы: “Киликий-

¹⁹ Там же, с. 2.

²⁰ Там же, N 18, с. 2.

ские порты, т.е. выход в Средиземное море, волею отвечали как историческим основам армянского национального развития, так и этнографическим и статистическим условиям”. “Политический вопрос, вытекающий из занятия Трапезунда, – пишет автор, – очень сложный, и может быть разрешен в полном объеме лишь в связи с разрешением вопроса о Киликии. Только всемирный конгресс, который закончит войну, будет обладать достаточной компетенцией, чтобы развязать сложный узел разнообразных отношений, связанных с стремлением армянского народа к морю. Только всемирный конгресс сумеет примирить чаяния армянского народа с великодержавными интересами России, Англии и Франции”.²¹

Ближайшие же перспективы, создавшиеся с взятием Трапезунда, на взгляд Дживелегова, связаны с “чисто практическим” вопросом, имеющим “огромное значение для армянского народа” и “отвечающим настоятельным нуждам” его – это возможность возвращения в родные места армянских беженцев из Эрзерума “без всяких опасений”. “Злободневная сущность” этих перспектив перед эрзерумцами, по мнению Дживелегова, “поистине огромна”.²²

В одном из номеров “Армянского вестника”, от 8 мая 1916г., Дживелегов обращается к роли Англии в судьбах терпящего бедствие армянского народа, подчеркивая, что “рука английского общества действительно не оскудела”, что английские благотворительные организации переводили крупные суммы денег, которые шли на помощь жертвам турецких зверств, и продолжают подовные споры в пользу армян. Это внушает надежду автору публикации, что “ни Европа, ни Америка, не говоря уже о России, не забудут об Армении, когда на очередь дня станет вопрос о ликвидации войны”. Вспоминая, как на одной из встреч в Лондоне упоминались три “страждущие сестры” – Бельгия, Польша и Сербия, которым Европа должна помочь “в горе и нужде”, Дживелегов резонно замечает, что при этом за-

²¹ Там же, N 12-13, с. 2.

²² Там же.

были о “четвертой сестре, самой старой годами и многострадальной” – Армении, которую нельзя отделять от “трех сестер”: она из этой же семьи.

“Представители политической мысли в Европе и Америке должны привыкнуть к мысли, что если будет поставлен на конгрессе вопрос о защите малых народов, — подчеркивает Дживелегов, — об Армении нужно думать тогда же, что и о других сестрах и в той же плоскости. Этого требуют не только соображения гуманности: мы прекрасно знаем, как мало заботятся о гуманности господа дипломаты. Это требует и реальная выгода держав Согласия. Автономная Армения необходима для них по многим причинам... Напомним лишь одну, с точки зрения общих интересов Согласия, наиболее существенную. Автономная Армения, висятая на зашивке у Турции, неизменно покорной Германии (трудно ведь думать, чтобы Турцию удалось “ликвидировать” окончательно), обезопасит ее раз навсегда. Оттоманская империя, сведенная к западному концу Анатолии, едва ли будет в состоянии предпринять наступательные шаги против какой-нибудь из держав Согласия, даже поддержанная Германией: у нее в тылу будет враг, отныне и вовеки непримиримый и беспощадный. *Кровь убитых братьев вырыла такой огромный ров между турками и армянами, что его не засыплет никакая история*”²³ (подчеркнуто нами. — Р. Б.).

Далее Дживелегов приходит к убеждению, что Армения, “сбравшаяся к одному центру” и “устроившаяся”, сейчас же примется за выработку форм политической и гражданской жизни и “организует так, что потом никакие угрозы Турции не будут страшны”. Памятуя об этой роли армян в Великой Армении и Киликии, публицист замечает, что страны Согласия поступают “чрезвычайно мудро”, материально поддерживая оставшееся население, беженцев и устройство организаций, занятых “водворением на места эмигрантов”. Усилия этого рода, заключает Дживелегов, “не пропадут даром”: “вот почему мы считаем проявления сочувствия к армянам со стороны Англии

таким хорошим, таким благородным симптомом”.

В июльском номере (в обзоре за 3 июля 1916г.) журнала помещена острая, эмоциональная статья Дживелегова по поводу “всесды” одного из главных палачей армянского народа Талаат-бея с немецким журналистом. Возмущенный клеветой и цинизмом “вдохновителя младотурецкой политики”, старающегося сделать “высококультурную мину” и свалить вину частью на самих армян, частью на административные неприядки, господствующие в “империи падишаха”, автор публикации приговора преступника нелицеприятной и страшной правдой: “... На основании фактов, сообщенных в печати, в том числе и в печати нейтральной, выяснилась картина, совершенно исключительная по холодной, обдуманной жестокости и дикому свирепству. Не оставалось ни малейшего сомнения в том, что избиения армян были произведены по заранее обдуманному плану, что главная часть этого плана заключалась в стремлении перебить как можно больше армян и что в составлении плана принимали ближайшее участие высокие друзья и покровители младотурецких варваров, германцы”.²⁴

Дживелегов задает “грозные вопросы”: как разрешится кровавый конфликт, кому придется держать ответ перед культурной Европой за все содеянное, кто предстанет на суд за избиение сотен тысяч невинных людей? Он уверен, что “придет время” и “факты”, предъявленные Талаату и немцам, “лягут на весы всей своей тяжестью”...²⁵

Вдохновленный победами русского оружия в те “знаменательные дни, когда постепенно завершается освобождение территории исторической Армении от турецкого ига”, Дживелегов в статье “Меч Трдата”, вспоминая легенды, связанные с знаменитыми вершинами Армении — Сепухом и Арагацем, пишет: “Эти две легенды (о мече царя Трдата на горе Сепух и лампаде Просветителя на Арагаце. — Р. Б.), легенды-близнецы, такие похожие одна на другую, выросшие из одного и того же ре-

²³ Там же, N 15, с. 1-2.

²⁴ Там же, N 23, с. 1.

²⁵ Там же, с. 2.

лигиозного корня, питаемые одной и той же водрой верой в будущее, в возвращение счастливых времен, когда и армянину будет место на земле, когда и ему будет указано вести достойное человека существование; — эти легенды вспоминаются сейчас, и люди “малoverные” завидуют эрзинджанскому крестьянину (гора Сепух находится в окрестностях Эрзинджана. — Р. Б.), который именно сейчас будет проводить ночи без сна, ожидая, когда заблестит над Сепухом-горой крест-меч царя Трдата. И увидит, если только он уцелел каким-нибудь чудом, не сожжен живым, не зарезан, не отправлен на медленную смерть в месопотамские пустыни.

И как ему не увидеть, когда к подножию Сепуха подходит, гоня перед собою турецких аскеров и командующих ими немецких офицеров, могучее русское воинство, когда в его рядах двигаются армянские добровольческие дружины со своими вождями впереди, когда громы русских пушек и шелест русских знамен возвещают армянскому народу свободу, столь долгожданную”.²⁶

Обращаясь от легенд к современным событиям, публицист напоминает, что с взятием Эрзинджана Армения “не вся завоевана”: “На западе до Сиваса, на юг до Диарбекира и Харпута тянется еще историческая армянская территория. Не говоря уже о Киликии, территории Рувенидов. Но ядро Великой Армении отнято у турок. Его прочно занимают русские войска”.

По мнению Дживелегова, настал момент, когда армянский народ надеется услышать от русского правительства изъяснение его намерений, касающихся Армении. Такие изъяснения “циркулировали” с начала войны, но либо были “фантастические”, либо “самые намерения были чрезвычайно изменчивы” — “ибо факт тот, что каждое следующее изъяснение довольно существенно отличалось от предыдущего” и “ни одно не было возвещено официально”...

Армянский патриот озабочен “чрезвычайно туманными словами”, прозвучавшими в Думе относительно Армении в устах

ушедшего С. Сазонова и надеется, что другой деятель, занявший его место, сообщит, как думает русское правительство распорядиться судьбой Армении, какие существуют на этот счет соглашения с союзниками, в какой мере “ожидания и упования армянского народа могут рассчитывать на осуществление”.²⁷

“Разгорится ярким пламенем или будет славо мерцать для “малoverных” меч царя Трдата над горою Сепух?” — задается вопросом А. Дживелегов, надеясь на лучшее будущее в свете “решительных успехов” русских войск в Западной Армении.

Армянский еженедельник “под зорким оком” Дживелегова живо и своевременно откликался на все более или менее примечательные события в общественно-политической и литературно-культурной жизни. Хотя подавляющее большинство передовиц еженедельника принадлежит Дживелегову, однако он “давал добро” столь ответственный раздел вести и другим армянским публицистам — при совпадении взглядов или позиций. В связи с выходом в свет нового журнала “Горц” (“Дело”) в Баку, 7 августа 1916г. “Армянский вестник” в лице Е. Арутюнянца приветствует “новый путь”, взятый новорожденной редакцией: это “солидарная деятельность представителей различных течений армянской мысли, у которых в сущности одна цель — создание благоприятных условий для развития армянской культуры, служение развитию ее”.

“Великая европейская война, — пишет “Армянский вестник”, — властно выдвинула вопрос об обеспечении прав малых народностей, о предоставлении им возможности свободно развиваться. И, вне всякого сомнения, что те из малых народов, которые хотят иметь свою самобытную культуру и ради этой цели принесли много жертв, рано или поздно, добьются своей заветной цели. В частности, армянский народ, имеющий великую культурную миссию в Передней Азии, потоками крови и слез добивается своей свободы, единственного условия для развития самобытной армянской культуры”.²⁸

²⁶ Там же, N 26, с. 3.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, N 28, с. 1.

Однако, напоминает еженедельник, для того, чтобы принесенные армянским народом жертвы не пропали даром, необходима “дружная и солидарная работа” всех течений, существующих в армянском обществе. И если бывают исторические моменты, когда и великие народы считают необходимым “священный союз” всех партий для охраны своего существования, то такой союз еще более нужен малым народам, в особенности, находящимся на положении армянского.

“Армянский вестник”, бесспорно, выражает и взгляды самого редактора А. Дживелегова, пером Е. Арутюнянца констатируя: “Когда поставлен вопрос о физическом существовании нации, хотя и несколько поздно, и среди армян начинается идея “священного союза”; партийные разногласия улеглись, началась солидарная работа армянских общественных организаций. И это обстоятельство сыграет существенную роль при окончательном разрешении судьбы турецких армян”.²⁹

По мнению журнала, такая солидарная работа армянских общественных течений должна существовать “до тех пор, пока условия для свободного развития армянской культуры будут прочно обеспечены”. Поручкой тому — сам жизнеспособный народ, который “благодаря своей стойкости, благодаря своим интеллектуальным задаткам, с помощью дружной работы всех армянских общественных течений добьется создания таких условий, при которых будет свободно и неуклонно развиваться самобытная армянская культура”.³⁰

Реакция А. Дживелегова на отмену армянской национальной конституции в Турции (принятой в 1863г.), не заставила себя ждать. 21 августа 1916г. он пишет в “Армянском вестнике”: “Разумеется, этого нужно было ожидать. Было бы удивительно, если бы младотурецкие дельцы, распоряжающиеся судьбами Турции, не пришли к этому. Народ армянский ликвидирован. Для чего оставлять в силе конституцию? Церковь армян-

ская разгромлена. Зачем оставлять нетронутой огромную общественную и политическую власть константинопольского патриарха? С Россией идет война на жизнь и на смерть. Как можно оставлять зависимость турецких армянских иерархов от католика, проживающего в России?.. По-видимому, цель реформы двоякая. Во-первых, уничтожить зависимость от эчмиадзинского католика, т.е. создать автокефальное положение для армянской церкви в Турции, а во-вторых, что для младотурок имеет гораздо большее значение — упразднить права константинопольского патриарха и подчинить его турецкому правительству”.³¹

Дживелегов убежден, что младотурецкая “реформа” стремилась к уничтожению армянской национальной организации, которая была “крепка и прекрасно приспособлена ко всякого рода политическим выступлениям”. Впрочем, по мнению публициста, упразднение национальных прерогатив армянского народа не носит характера непоправимой веды — “то, что отменило султанское ирадэ, может быть восстановлено таким же актом, но исходящим, быть может, уже не от султана и продиктованным не младотурецкими авантюристами”...³²

В статье “Помощь Соединенных Штатов армянам” публицист с благодарностью замечает, что “культурное человечество не может примириться с попранием самых элементарных прав человека, которое на глазах у всех совершается вот уже почти два года” — во всех культурных странах организованы специальные общества, которые ставят себе задачей прежде всего материальную помощь пострадавшим, а затем — “что в политическом отношении гораздо важнее для армянского народа”, — работу для подготовки наилучшего решения вопроса о будущем Турецкой Армении.

По мнению Дживелегова, проявление симпатий к армянскому народу со стороны общественного мнения Европы и Америки является “чрезвычайно важным фактором в подготовке

²⁹ Там же, с. 1-2.

³⁰ Там же, с. 2.

³¹ Там же, N 30, с. 1.

³² Там же, с. 2.

будущих судеб Армении". "Если в России реальный удельный вес общественного мнения невелик, если у нас позиция руководителей международной политики и до сих пор складывается почти независимо от той или другой ориентации общественного мнения, — замечает автор, — то на Западе, наоборот, общественные настроения непосредственно диктуют позицию дипломатии. Поэтому и приобретает такую важность проблема формирования общественного мнения на Западе".³³

Констатируя, что у армянского народа на Западе есть много друзей, Дживелегов убежден, что "это обстоятельство будет в полной мере учтено в тот момент, когда на конгрессе, призванном подвести итоги мировой войны, будут вынесены на свет все те точки зрения, которые до сих пор не могли проявиться по-настоящему официальным путем. В России армяне надеются на поддержку прогрессивного общества. На Западе, кроме общества, они найдут опору и в представителях официальной власти".³⁴

В заключение публицист надеется, что "признаки сочувствия к армянам, которые множатся непрерывно, дают основание верить, что армянский народ не будет обманут в своих ожиданиях". Заметим, эта нота почти всегда присутствует в статьях Дживелегова...

Привлекает внимание — меткостью и точностью определения самого явления — публикация "Неотуранизм и Армения", подписанная псевдонимом "Сюник". В ней Дживелегов, в частности, давая представление читателю о панисламизме и пантуруанизме, замечает, что "идея туранизма при текущем международном политическом моменте под влиянием потрясающих мировых событий имеет много шансов на успех и может найти подходящее настроение в туранском мире" и далее поясняет: "Неотуранизм, как политическая идея, будет ставить себе целью тесный союз всех туранских племен без различия веры и языка, а как идея национальная, — будет стремиться к тесному национально-

³³ Там же, N 40, с. 1.

³⁴ Там же, с. 2.

культурному единению тюркских племен туранского происхождения".³⁵ И действительно, то обстоятельство, что от Бруссы до Самарканда, за исключением одной лишь Армении, почти сплошь живут более чем двадцать миллионов туранцев, говорящих на разных наречиях одного и того же коренного тюркского языка, говорит о значении неотуранизма, как "политического фактора крупного значения".

Дживелегов в своей статье предрекает, что "идея неотуранизма рано или поздно должна стать в большей или меньшей мере угрозой государственным и политическим интересам России" и здесь же выдвигает становящееся "очевидным" "крупное значение" Армении в борьбе против неотуранизма именно с точки зрения высших государственных интересов России.

Отсюда понятна цель Турции — систематическим образом проводить в жизнь "задуманный план истребления армянского народа, который своим существованием стал политическим кошмаром Высокой Порты", ибо "Армения-Киликия своим географическим положением резко разъединяет тюркскую Анатолию от мусульманских Месопотамии, Ирана и Турции".³⁶

Дживелегов размышляет жестко и трезво: "Ввиду исторически сложившихся обстоятельств, или Армения должна быть могилой великих политических целей туранизма, или же туранизм будет могилой политических идеалов Армении". Публицист понимает, что "тот или другой результат долгой, кровавой борьбы Армении за свое существование" много зависит от России и союзных держав и их позиции на послевоенном международном конгрессе.

По мнению армянского патриота, некоторые деятели "никак не хотят понять ни глубокого значения переживаемого момента", ни оценить "надлежащим образом" Армению (равно как и Польшу в качестве естественной союзницы России против германизма. — Р. Б.) "с точки зрения государственных интересов". Дживелегов убежден, что необходимо руководящим орга-

³⁵ Там же, N 41, с. 2.

³⁶ Там же, с. 3.

нам “внешней государственной жизни” принять такой политический курс, который приведет к созданию “автономной области из всех соединенных армянских провинций Малой Азии, которая и будет верным форпостом России в Передней Азии”.³⁷

А. Дживелегов использовал для своих пламенных патристических или аналитических статей по Армянскому вопросу и геноциду армян не только страницы “Армянского вестника” – он часто выступал и с публичными лекциями в Москве и других крупных российских центрах. Так, например, в конце октября 1916г. в московском театре “Наука и жизнь” он представил обстоятельный и интересный доклад на тему: “Армения в ее прошлом, настоящем и будущем”. Благодарная аудитория, состоящая в основном из учащихся, т.е. той будущей России, с которой возрожденной Армении придется создавать свои отношения – “отношения, долженствующие сыграть немалую роль в будущей жизни будущей Армении”,³⁸ по мнению хроникера, свидетельствовала о пробуждающемся в русском обществе интересе к Армении и армянам.

В этой публичной лекции Дживелегов обрисовал основные моменты исторического прошлого Армении, с самого же начала заметив, что расположенная на стыке Европы и Азии, страна была той “проходной дорогой”, по которой неизменно шли “все народы-завоеватели по пути к великим своим победам”.

“При таких условиях, – подчеркивает лектор, – не только не приходится удивляться, что армяне не сохранили свою независимость, но, напротив, самое существование армянского народа, наличность особых его языка и культуры, культуры, выношенной в глубине веков, – составляет историческую загадку и указывает на необыкновенную силу и живучесть духа армянского народа”.³⁹

Дживелегов придает большое значение армянской церк-

³⁷ Там же, с. 4.

³⁸ Там же, с. 23.

³⁹ Там же, с. 24.

ви, считая ее влияние главенствующим в сохранении армянского языка и армянской культуры. Сопоставляя историю развития армянской и западноевропейской церковей, он подчеркивает, что последняя в эпоху своего развития отразила на себе феодальный строй, с представителями которого была тесно связана, в то время как у Армении, потерявшей независимость, не было уже феодальной аристократии – оставался только армянский народ и на него непосредственно должна была опираться армянская церковь.

“Отсюда отсутствие средостения между духовенством и народом, – замечает Дживелегов, – отсюда глубокая *демократичность* армянской церкви, выборная иерархия и крепкая спаянность последней с народом. Черпая из сокровищницы народного духа, армянская церковь стала носительницей национальных идеалов и чаяний армянства, светлым лучом настоящего, маяком его будущего”.⁴⁰

Обращаясь к современному положению армянского народа в Турции, докладчик указывает, что ситуация в Турецкой Армении резко ухудшалась по мере того, как Турция терпела “удар за ударом” от христианских народов Европы, “теряла лучшие куски” своей европейской территории и постепенно отеснялась в Азию, и территория Армении, прежде сплошь армянская, “запестрела этнографическими мусульманскими группами”. С другой стороны, горечь поражений от “гяуров” Турция вымещала на беззащитном, затерянном в горах Малой Азии христианском народе: “Все чаще, все грубее становились насилия над армянами, и отголоски страданий армянского народа стали доходить уже до Европы... Впервые открыто и ясно был поставлен Армянский вопрос в русско-турецкую войну в 1877-1878 гг.”.⁴¹

А. Дживелегов подробно излагает все перипетии дипломатической истории Армянского вопроса до принятия державами протокола 26 января 1914 года. Протокол был близок к осу-

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

ществу, но вспыхнула мировая война, и “Армянский вопрос вступил в последнюю, кровавую фазу своего развития”.

Отдав дань истории, докладчик заостряет внимание аудитории на Армении “настоящую” и Армению “будущую”. Итак, чего хотят армяне? Прежде всего – “ограждения своей жизни, чести и собственности, возможности свободного и мирного развития своей культуры”. По мнению Дживелегова, “только автономия может гарантировать им эти возможности, и ее они и добиваются. Ради нее армяне понесли и несут неисчислимые жертвы, ради нее бок о бок с русскими армиями сражаются армянские дружины... Ценой крови своих дружин и гекатомь трупов, ценой чести своих жен и дочерей армянский народ приобрел право на автономию”.⁴²

Армянский общественный деятель и патриот заключает свое выступление так: “Я верю, что Россия пойдет по пути, диктуемому ей ее интересами, по пути автономной Армении, лежащей на ее границе с Турцией, – по пути, указуемому лучшими традициями русской интеллигенции, всегда ратовавшей за права малых народов”.⁴³

В обзоре от 13 ноября 1916г. Дживелегов приветствует Госдуму и ее отношение к “малым народам”, к коим, естественно, относится и армянский народ: “Дума помнит о “народах” России, и “народы” за это не могут не быть признательны Думе, не могут не чувствовать, что Дума ведет борьбу, между прочим, и за них. В частности армянский народ, весь без различия, к какому бы государству не принадлежали его многострадальные осколки, – душою с русской Государственной Думой. Он не может не чувствовать, что от ее поведы зависит сейчас в значительной степени участь самых несчастных сынов Армении, армян турецких”.⁴⁴ Автор статьи приветствует победоносную русскую армию, ибо в ее руках, как в руках союзных армий – “все надежды армянского народа”, а у армянского народа сейчас “нет ни-

чего, кроме надежды”...

В статье “Наследие Турции и проливы”,⁴⁵ подписанной автором “Сюник”, затрагивается важнейший вопрос европейской и российской внешней политики. В ней ставится в довольно резкой и решительной форме проблема самого существования независимого турецкого государства. По мнению публициста, взявшегося за столь каверзный вопрос, Турция была почти всегда главной виновницей европейских войн на Ближнем Востоке и европейской дипломатии придется в настоящую войну искать такую форму решения Восточного вопроса, чтобы он “рано или поздно не стал опять причиной или поводом нарушения европейского мира”.

“Желательно ли, может ли быть допущено дальнейшее существование Турции, как независимой суверенной державы? – пишет А. Дживелегов. – При решении этого вопроса должны быть приняты во внимание интересы европейского мира и цивилизации, свободы и культурного развития населяющих Турцию жизнеспособных народностей и высшие государственные интересы союзных держав...”

В истории пятивекового господства османлисов в Европе, Азии и Африке нет ни одной страницы, на которой не были бы начертаны акты кровавых насилий, варварского угнетения. Там нет ни одной светлой главы, которая могла бы оправдать существование этой организованной угрозы культуре”.⁴⁶

Подвластные “османлисам” народы никогда не могли дышать свободно “в смертельном кошмаре, висевшем над царством ятагана от Альпийских гор до Персидского залива, от Кавказских высот до долины Нила. Мрачные развалины, разбросанные теперь по всей Турции, – разве не говорят они о том, что самая обычная, больше того, *единственная гениальная способность турок – это разрушение*” (подчеркнуто нами. – Р. Б.).⁴⁷

По глубокому убеждению автора статьи, “печальная и

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, N 42, с. 1.

⁴⁵ Там же, N 33, с. 2-3.

⁴⁶ Там же, с. 2.

⁴⁷ Там же.

кровавая” история Турции сама дает отрицательный ответ, может ли быть терпимым для культурного человечества оттоманское государство, и если оно столь долго существовало — то “только благодаря антагонизму европейских великих держав и главным образом соперничеству Англии и России”. Лишение Турции политического существования лишь оградит мирное и нормальное развитие Востока: “оно даст удовлетворение возмущенной совести человечества и требованиям высшего правосудия”.

Полагая, что при окончательном решении Восточного вопроса “османлисы” будут вычеркнуты из списка народов, имеющих политическое существование, и встанет вопрос “об устройстве турецкого наследия”, публицист напоминает о национальных интересах “малых народов”, льющих кровь во имя светлого будущего, к коим относит, естественно, и армян — “маленьких союзников” великих держав. Говоря в этом аспекте об интересах России, А. Дживелегов считает, что между многими государственными задачами, выдвинутыми историческим ходом событий в данный политический момент, самой главной является, с точки зрения России, вопрос о проливах, имеющий огромное значение — “и экономически, и политически, и стратегически, и морально”. Он напоминает, что свободный выход в Средиземное море всегда был “заветной мечтой” России во все времена ее государственного развития и уже давно стал “естественной необходимостью”. Господство над проливами, по мнению публициста, имеет для России не наступательное, а исключительно оборонительное значение в военном отношении — “вот почему ключи от дверей из Черного моря в Средиземное и из Средиземного в Черное должны храниться в России. Это — единственная реальная гарантия ее государственной безопасности, залог ее экономического преуспевания”.⁴⁸

В статье “Автономия Армении и интересы России”⁴⁹, также подписанной псевдонимом “Сюник”, читаем, в частности:

⁴⁸ Там же, с. 3.

⁴⁹ Там же, N 36, с. 2-3.

“Так как трудно надеяться, что Россия может получить и проливы и Армению, а так как проливы важнее для России, то ясно, что добиваться Армении ценою каких бы то ни было жертв — плохая политика... Если в сфере анализа государственных интересов ориентироваться исключительно соображениями экономического и политического характера, мы все же придем к результатам, согласным с политическими и национальными чаяниями армянского народа. Какие государственные интересы России, какие идеалы русского общества находятся в конфликте с национальными задачами армян и могут повудить Россию не согласиться с программой автономии Армении с Киликией? ... По многим причинам экономического и политического характера аннексия всей Великой Армении и Киликии, от Арарата до Средиземного моря... вещь едва ли осуществимая... Область аннексии (Россией. — Р. Б.) в лучшем случае будет включать в себя вилайет Эрзерумский, санджаки Ванский, Мушский, Битлисский... Лазистан, Трапезунд...”. Эта область обнимает 130-140 тыс. кв. км и “добрую ее половину составляют голые горы, скалы и озера”, годной для обработки земли 70-80 тыс. кв. км и заселены они армянами, курдами, турками, греками, лазами и др. Напоминая о существовании в российских верхах программы переселения на эти земли русских переселенцев и создании так называемого “новоевфратского казачества”, публицист недоумевает: “где именно сумеют поселить русских переселенцев, и притом миллионами, наши правые, творцы идей о новоевфратском казачестве, не совсем ясно... Предположим даже, что и мерами принудительного отчуждения земли можно будет найти участки для переселения нескольких десятков тысяч русских. Разве это может оправдать аннексию с точки зрения высших государственных интересов?”⁵⁰

Автор статьи напоминает, что подовные переселенческие движения, преследующие не столько экономические, сколько русификаторские цели, в Крыму и Бессарабии и даже в Закавказье не дали положительных результатов. В то же время под-

⁵⁰ Там же, с. 2.

черкивается, что важным фактором являются и природные богатства Армении – медь, серебро, железо, свинец, нефть, каменный уголь, хотя и нет еще “проверенных, научных данных, по которым можно было бы оценивать природные богатства Армении с точки зрения государственных интересов России” и “трудно еще определить возможное значение Армении для развития русской промышленности”.⁵¹

Последние две статьи, опубликованные в сентябре-октябре 1916г., свидетельствовали о том, что Дживелегов, впрочем как и многие другие российско-армянские деятели в Москве, Петрограде, Ростове-на-Дону и других центрах, воодушевленные успехами русского оружия, достаточно серьезно верил в реальное осуществление чаяний армянского народа в ближайшем будущем и, как видим, даже рассматривал варианты не только политического размежевания, но и хозяйственно-экономического освоения западноармянских земель...

Порою и прозорливые интеллектуалы бывают близоруки!

... “Армянский вестник”, как известно, был основан с целью укрепить знакомство русского общества с Арменией и армянами. Спустя год после плодотворной работы еженедельник уже мог писать: “... можно, по-видимому, признать, что цель эта достигается. Непрерывный рост интереса к журналу как в армянском, так и в русском обществе, участие в нем лучших литературных сил, русских и армянских, служит неопровержимым доказательством того, что журнал сумел ответить очень серьезной потребности. Черная сила в этой поддержке со стороны общества, редакция будет и впредь проводить в журнале взгляды, которые она проводила раньше и которые, как она надеется, в главном разделяются и русской и армянской интеллигенцией”. Овозревая далее прошедший 1916 год и говоря о задачах нового, 1917 года, “Армянский вестник” в январском номере отмечал: “Тяжела была задача журнала. Не в литературном смысле, конечно. Литературная задача была легка. Жизнь дает материал обильный... Тяжело было другое. За весь год – ни одного по-на-

стоящему отрадного факта. Кроме выражений сочувствия со стороны общественного мнения Европы и России, не утешало ничто. Но сочувствие было платоническое. Оно не давало уверенности в том, что будущее Армении сложится так, как об этом мечтает армянский народ. А настоящее... Настоящее развертывается в дыме пожаров, в кровавом зареве избиений – в смрадной пелене болезней, под торжествующую симфонию Смерти”.⁵²

Констатируя, что армянский народ представляет собой ныне “кучу обломков”, “материал для национального строительства”, “объект для политического творчества” – и не более, редакция журнала была уверена, что в этих условиях литературная задача превращалась в “задачу общественную” и нужно было “много веры в логику прогресса, чтобы не потерять самообладания, не поникнуть главою перед всесокрушающей тяжестью судьбы”. Еженедельник отмечает, что не дал подавить себя “темной мощи настоящего”, а старался поддерживать бодрость в своих читателях, будить в армянском обществе те моральные силы, которые так необходимы в нынешний период для нации, “без живого действия” которых невозможно говорить о будущем Армении.

“Армянский вестник” твердо убежден, что законы исторического процесса существуют и гласят, что *“народ не может быть уничтожен даже крупной исторической катастрофой, пока в нем не иссякла сила сцепления, пока язык и культура являют собою нечто живое, жизнеспособное”*.⁵³

Действительно, ознакомление с материалами журнала подтверждает: московский еженедельник черпал силу для работы именно в этом источнике незыблемого научного закона – отсюда и его вера в будущее армянского народа.

“Вековая культура Армении – не миф. Народ, ее создавший, – не обреченный народ. В нем быют ключом живые силы, неисчерпанные, неисчерпаемые, вечные”,⁵⁴ – заключает редак-

⁵¹ Там же, с. 3.

⁵² Армянский вестник, 1917, N 1, с. 1.

⁵³ Там же, с. 2.

⁵⁴ Там же.

ция и заверяет своих читателей и впредь “будить и организовывать” эти силы, показывать русскому обществу и самим армянам, в чем право армянского народа на национальное бытие, – вот его задача”. “Реализация” этой задачи в основном была на плечах А. К. Дживелегова, который организовывал и спланировал лучшие силы армянской и русской творческой и научной интеллигенции. Достаточно перечислить лишь “авторский актив” еженедельника – в нем имена В. Брюсова, А. и Ю. Веселовских, В. Иванова, С. Городецкого, профессоров А. Кизеветтера и С. Котляревского, Л. Мсерянца, В. Тотомянца, В. Немировича-Данченко, Ф. Сологува, С. Кара-Мурзы, Ов. Туманяна, С. Врацьяна, Лео, Х. Кучук-Иоаннесова, А-До, П. Макинцьяна, К. Микаэляна, Л. Халатяна, Гр. Чалхушьяна, Г. Чубара, Ал. Цатуряна, П. Терлемезяна, Х. Вермишева, М. Варандяна, А. Сафрастяна и многих других.

И имея “под рукой” столь мощный интеллектуальный потенциал, “Армянский вестник” мог с полным основанием заявлять: “Пока не угасла вера в культурную мощь народа, не должны опускаться руки у его идейных руководителей. Как бы ни было мрачно настоящее, его можно переносить во имя будущего... Работа, напряженная работа, родит силу. И до тех пор, пока нация не утратит энергию, в ее силы будут верить и другие, будут верить Европа и Россия, – те, от кого практически зависит будущее Армении. Так сама собой вырисовывается задача нашего журнала...”⁵⁵

Время показало и доказало неоценимую роль “Армянского вестника” – это было зеркало, объективное и чистое, армянской общественно-политической и литературно-культурной жизни периода Первой мировой войны и разразившегося над головой армянского народа страшного бедствия. Ныне невозможно представить летопись армянской трагедии без этого насущного издания, “крестным отцом” которого был А. Дживелегов.

В обзоре событий 15 января 1917 г. А. Дживелегов зовет внимание на ответе союзников (т. е. Англии, Франции и

России. – Р. Б.) на ноту президента США Вудро Вильсона в той части, которая относится к судьбам Армении.

“Там, где говорится о целях войны, – напоминает читателям автор передовицы, – нота содержит следующие слова: “... возвращение провинций или территорий, отторгнутых у союзников силой, вопреки воле населения... освобождение народов, находящихся под кровавым игом Турции, вытеснение из Европы Оттоманской империи, совершенно чуждой для западной цивилизации”. Фраза об “освобождении народов, находящихся под кровавым игом Турции”, должна быть сопоставлена с другой: “Нужно ли напоминать об ужасах, сопровождавших вторжение в Бельгию и Сербию, об ужасном режиме, установленном в захваченных странах, об избиении сотен тысяч незащищенных армян...”. “Беззащитные армяне”, подвергнувшиеся избиениям в Турции, конечно, принадлежат к числу тех народов, “освобождение” которых из-под “кровавого ига” Турции державы Соглашения считают одной из целей войны”.⁵⁶

В первой из цитированных фраз, замечает Дживелегов, “очень отчетливо” выражена доктрина, сформированная одним из “самых блестящих идеологов” держав Соглашения бывшим английским премьером Асквитом – “борьба за права малых народов”. Между тем “германские политики и германские воины” ежедневно со свирепой последовательностью громоздили доказательства своего очень определенного отношения к правам этих “малых народов”. Армяне также несут “на своем живом теле” “кровавые следы” этого отношения, с которыми Турция “расправилась по старому рецепту Пауля Рорбаха...”

Дживелегов приветствует державы Соглашения, еще раз подчеркнувшие в противоположность немецкой политической доктрине, попирающей права национальностей, свою точку зрения, требующую признания прав малых народов, не сомневаясь в том, что и сами “малые народы” встретят декларацию “с величайшим удовлетворением”. Он напоминает, что на послевоенном конгрессе должен быть документ, признающий доктрину о пра-

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, N 3, с. 1.

вах малых народов, и он теперь есть.

“Армянский народ, не избалованный обещаниями, — подчеркивает Дживелегов, — будет особенно рад встретить слова об “освобождении” в документе такой высокой авторитетности. В этих словах нет той определенности, которую хотелось бы видеть. Но дипломатические акты не любят определенных заявлений. Будем пока удовлетворены тем, что ответ союзников совершенно определенно обещает “освобождение” народам, живущим на турецкой территории, в том числе следовательно и армянам...”⁵⁷

Автор статьи выражает в заключение надежду, что к моменту мирного конгресса это освобождение “из понятия общего” превратится в “понятие политическое” и примет желательный для армянского народа облик автономии Турецкой Армении.

А. Дживелегов остро реагирует и отзывается и на современные злободневные темы — различные (положительные и не очень) публикации в русской прессе об армянах и Армении. Так, отвечая на выпады в “Петроградских ведомостях” относительно взглядов армянского публициста об автономной Турецкой Армении (в частности, о включенном в нее Трапезундском вилайете), Дживелегов парирует в еженедельнике “Армянский вестник”: “Трапезундский вилайет “завоевал” не я. Его “завоевал” для Армении Протокол 26 января 1914 года, подписанный представителями всех великих держав... На его включении настаивали Германия и Австрия... Я менее всего склонен настаивать на выход в Черное море, раз будущей автономной Армении будет дан выход в Средиземное”.⁵⁸

Решительно отметая обвинения петроградской газеты, в лице некоего господина Огюста, в том, что якобы он мечтает “уравновесить этнографически-племенные элементы на армянской почве” и смеет думать “о руководящей роли армян при тех неблагоприятных условиях, в которые они поставлены послед-

⁵⁷ Там же, с. 2.

⁵⁸ Там же, N 6, с. 3.

ними погромами и выселениями” и даже решается претендовать на то, что армяне в Турции получают право политического самоопределения из рук России и ее союзниц, А. Дживелегов отвечает: “Да, я верю, и верю не по формуле *quia absurdum*, — что если в Армении установится сколько-нибудь нормальный порядок, армяне, а не какая-нибудь другая нация, будут играть руководящую роль. Верить в это заставляет меня не националистическое опьянение, а убеждение, что культура всегда поведет дикость, что вековой опыт гражданственности, которым обладают на месте только армяне, сумеет одолеть разбойничьи инстинкты соседей, навязанных армянам историей: хотя бы у армян и не осталось численного перевеса. Ведь недаром та же история показала, что армянский народ может противостоять самым тяжелым политическим бедствиям, выходить несокрушенным из самых потрясающих политических катаклизмов (подчеркнуто нами. — Р. Б.) ... Что касается до притязаний получить свободу и политическое самоопределение из рук великих держав, ведущих войну с Германией, то ведь здесь я повторяю лишь то, что говорят сами великие державы. Сколько раз было провозглашено в официальных... заявлениях союзников, что они хотят поведы над врагом и для обеспечения судьбы “малых народов”! А разве Армения не принадлежит к числу “малых народов”?”⁵⁹

Относительно “раскрытия понятия “автономия” Дживелегов напоминает всем любителям поупражняться на этот счет, что это “самый вольный вопрос”, ибо “ни один армянский публицист не может, не имеет права взять на себя ответственность говорить тут от имени армянского народа” — “в этом вопросе нет места импровизациям на политическую тему”, “здесь веско и определенно должен звучать голос армянского народа”. А единое мнение армянского народа, по убеждению публициста, может прозвучать лишь на всеобщем армянском съезде, намеченном в Эривани, и было бы “весьма своевременно дать этому съезду

⁵⁹ Там же.

право столкнуться и по политическому вопросу”.⁶⁰

Говоря о национальных трениях в Закавказье, по следам выступления в газете “Утро России” депутата Госдумы от мусульманского населения края М. Джафарова, Дживелегов останавливается на вопросах, которые, по его мнению, заслуживают внимания. Речь идет, в частности, об армяно-мусульманских трениях. По существу, это тоже часть Армянского вопроса применительно к Восточной Армении, в некоторых частях которой преобладало смешанное армяно-тюркское (азербайджанское) население и ущемлялись армяне — по милости властей. “Армяне со своей стороны никогда не были сторонниками межнациональных распрей. Они с радостью пойдут навстречу мусульманам, с радостью пойдут на соглашения. Лишь бы это все было достаточно серьезно и достаточно искренне”,⁶¹ — подчеркивает армянский публицист, тонко намекая на отсутствие “серьезности”, и “искренности” в отношении армян со стороны мусульман и царской администрации...

Отвечая М. Джафарову, который считал, что натянутые отношения между армянами и мусульманами “долгое время шло армянофильской политикой” гр. Воронцова-Дашкова, а с началом войны обострились вследствие новой, “широкой” постановки армянской проблемы и вследствие “оттеснения на задний план чаяний других народностей”, А. Дживелегов называет подобное заявление “чрезвычайно характерным” и останавливается на нем более подробно: “Скажу прямо: армянофильство гр. Воронцова-Дашкова я всегда считал легендой... Гр. Воронцов исправил некоторые из самых вопиющих несправедливостей, причиненных армянам его предшественником... Но... положение армян при гр. Воронцове не стало лучше. Я не говорю о погромах: они были подготовлены при кн. Голицыне. Я говорю о гражданском положении армян по государственной службе, по землевладению, по всем тем постоянным отношениям, в которых власть могла все сделать и не сделала ничего. Гр. Воронцов поч-

ти всегда ничего не делал. Если нужно, я вернусь доказать это документально. А затем, роль гр. Воронцова-Дашкова в “широкой постановке” армянской проблемы тоже ведь требует коренного пересмотра. Мне кажется, что если бы не гр. Воронцов, — многое в “широкой постановке” было бы теперь по-другому: лучше... Практически сейчас “широкую постановку” очень успешно стараются сузить: успешно настолько, что “чаяниям” других национальностей она совсем не мешает”.⁶²

Армянский публицист подчеркивает, что погромы 1905-1906 гг. были “инсценированы искусственно” и “армянофильство” Воронцова-Дашкова “практических преимуществ армянам не создало”, а во многом и “равноправия для них не восстановило”. “Широкая” же постановка армянской проблемы едва ли может тревожить кавказских соседей армян — грузин или мусульман... “Соглашению не мешает ничто, — замечает Дживелегов. — Чтобы оно послужило к общему благополучию и к удачному разрешению краевых проблем, нужно, чтобы с обеих сторон была искренность, чтобы обе стороны отнеслись к делу серьезно и чтобы они... обнаружили готовность идти по пути соглашения достаточно далеко”.⁶³

Очевидно, что и русская администрация на Кавказе всячески старалась ущемлять национальные интересы армян и о “широкой постановке” армянской проблемы здесь и не могло быть речи, что и фиксировал А. Дживелегов.

А. Дживелегов высоко ценил своих русских коллег и соратников, служивших делу пропаганды армянских интересов и разрешения проблем. Среди них были В. Обнинский и М. Ковалевский. Люди очень разные по характеру, по темпераменту, они, по мнению армянского деятеля, были одинаковы в одном — они были “друзьями малых народов”. Ни тот, ни другой не представляли будущего России как “вечного, неизменного продолжения унитарного режима, режима поглощения малых народов государственными формами, созданными исключительно для ве-

⁶⁰ Там же, с. 3-4.

⁶¹ Там же, N 9, с. 3.

⁶² Там же, с. 4.

⁶³ Там же.

ликорусской народности". Оба они "с тревожным и радостным предчувствием старались разглядеть в туманной дали грядущего очертания нового федеративного строя, в котором каждая народность получит свое место, будет иметь возможность жить согласно своим собственным культурным традициям".⁶⁴

Потеря их была не только личным уроном для Дживелегова, но и для всей армянской интеллигенции. "Нет вечно горевшего огнем нетерпеливого порыва к свободе Обвинского. Нет спокойного в своем скептицизме и в своей необъятной эрудиции мудрого Ковалевского. И как раз теперь идеалы, за которые боролись всю жизнь оба, становятся плотью. Россия обновляется. Но светлый праздник русской свободы проходит без них. И острое горькое чувство, вспыхивающее при воспоминании об обоих, говорит, как много потеряла в них именно новая Россия, Россия, кующая на новых началах свое будущее. Не дождалась..."⁶⁵ - пишет армянский публицист в своем памятном слове о русских друзьях Армении, несших правду об армянах через средства массовой информации России, в своих лекциях и докладах в русской аудитории.

Армянская интеллигенция России, особенно наиболее активная ее часть - московская, с воодушевлением (в подавляющем своем большинстве) восприняла великий переворот в империи. На многолюдном торжественном заседании Московского Армянского комитета 19 марта 1917г. была принята резолюция московских армян, которая гласила: "... Мы, московские армяне, приветствуем возникшее по воле Государственной Думы и народа Временное правительство и великую русскую армию, расчистившую путь к поведе над прусским милитаризмом, стремящимся к мировому господству, к угнетению великих народов России, Англии, Франции и к истреблению малых культурных народностей.

Мы верим, что отныне Россия, согласно провозглашенным ее общественностью лозунгам, представит союз свободных

самоопределяющихся народностей, составляющих во главе с великим народом русским единую российскую демократию, сильную своим внутренним единством.

Безмерная радость наша, как российских граждан, омрачается, однако, сознанием, что вне государственных границ России есть родная нам страна, обращенная войной в пустыню.

Пред лицом воскресшего к свободной жизни русского народа мы, побуждаемые велением всенародной совести армян всех стран, считаем долгом сказать слово правды".⁶⁶

Московские патриоты вновь напоминают, что каждая пядь родной армянской земли "вспоена кровью мучеников и борцов за свободу народа, обильно орошена слезами обращенного в рабство трудового армянского крестьянства и она, эта земля, ставшая заветной для каждого армянина, где бы он ни находился, по праву принадлежит нашему народу".

В резолюции подчеркивается, что армянский народ "многими миллионами загубленных жизней" закрепил свое право на свою историческую территорию, а между тем, вопреки международным соглашениям, скрепленным и подписью России, вопреки обещанию, данному главе церкви, старая власть (т.е. царская. - *Р. Б.*) делала попытки к аннексии исконной армянской земли" (речь о Западной Армении. - *Р. Б.*).

Апеллируя к "великой совести" русского народа, московские армяне заявляли, что Армения должна быть "свободной в пределах, предусмотренных международными актами", и просят, "во избежание аннексионистских попыток агентов старой власти на местах", поддержать их требование "о полной государственной автономии Армении".⁶⁷

Резолюция, в разработке и принятии которой участвовал и А. Дживелегов, была отправлена в Петроград министру-председателю кн. Львову.

Следует сказать, что не только московские армяне радостно восприняли перемены в России. Армянская печать "с

⁶⁴ Там же, N 13, с. 2.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, с. 19.

⁶⁷ Там же.

восторгом” приняла известие об “освободительном перевороте” в государстве. “Великая русская революция, имеющая общегосударственное значение, нашла живой отклик и полное сочувствие в армянских органах всех направлений, — отмечал “Армянский вестник” в апреле 1917г. — Горячо приветствуя новый строй, газеты пытаются выяснить социально-историческое значение революции, вскрыть ее внутреннее содержание: ее основные причины, ее общий характер и отличие от революций других стран, условия ее успеха, блага, приносимые ею, горизонты, открываемые ею в жизни всех народностей, населяющих русское государство”.⁶⁸

Армянская печать (“Мшак”, “Пайкар”, “Оризон”, “Амбававер”, “Арев” и др), в том числе и русскоязычная (в частности дживелеговский “Армянский вестник”), публиковала в те дни пространные обзоры и комментарии свершившегося. Так, влиятельный “Мшак” смотрит на революцию, как на завершение всего того, что было сделано задолго до нее, за что боролись и проливали кровь с начала XIX века по 1905г. и заявляет: “Настоящая великая бескровная революция — мы бы сказали скорее, эволюция — лишний раз доказала, что хотя история повторяется, но самодержавные властители, автократы не берут никогда урока и примера из нее и не могут понять той неоспоримой истины, что невозможно приостановить развитие народа, жизненный прогресс”.⁶⁹

Естественно, российско-армянская общественность в первую очередь надеялась на решение в благоприятном свете новыми властями их национальных задач, считая армянский народ ущемленным старым режимом. Газета “Оризон” писала в те дни: “Всем известно, с каким воодушевлением вступил армянский народ вместе с Россией и союзниками в борьбу против общих врагов. Старое правительство сделало все, чтобы охладить весь этот пыл. Оно расстроило добровольческие дружины, предприняло своеобразные преследования против армян в новозаво-

ванных областях Армении. Правда, ему не удалось изменить наше отношение к войне, однако оно сумело помешать нашему желанию употребить все силы для защиты родины”.⁷⁰

Газета выражает надежду, что “в настоящее время положение дел в этом отношении изменилось или должно измениться совершенно” и новое правительство... охотно пойдет навстречу армянам при каждой попытке их “содействовать делу победы”. Эти попытки, по мнению “Оризона”, должны быть “тем шире, чем крепче в нас сознание того, что в настоящее время русские войска сражаются за *свободное отечество*, — отечество, в котором народ явится полным хозяином и вершителем своей судьбы”.⁷¹

Поддерживая революционное правительство и отдавая все силы, как духовные, так и материальные, для победы русской армии на фронтах Первой мировой войны, российские армяне мечтали о претворении заветной цели — освобождении исторической родины — Западной Армении от оков турецкого деспотизма. Говоря о заинтересованности армян в упрочении нового строя, журнал “Амбававер” писал: “... судьба армянской нации, ее будущее вдвойне зависят от нового правопорядка в России. Одна половина армянского народа живет в России; она пользуется политическими правами наравне с остальными гражданами и с полной уверенностью должна ждать и национальной свободы. Для другой же половины — для турецких армян — государственный переворот в России является большим залогом того, что они после успешного окончания войны в лице нового правительства России будут иметь могущую и верную защитницу, которая вы, освободив Армению от турецкого владычества, ввела в страну долгожданную автономию. Вот почему армянский народ более всего должен стремиться и желать, чтобы в России утвердился и упрочился новый правопорядок и русская доведшая армия одержала полную победу над врагом”.⁷²

⁶⁸ Там же, N 14, с. 14.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, с. 15.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

Реакцию на события в России турецких армян прекрасно представил их журнал "Ван-Тосп". "Беженцы — турецкие армяне с напряженным вниманием следят за происходящими историческими событиями, которыми должны определиться их настоящее положение и близкое будущее, — читаем в одном из весенних номеров 1917 года. — События в России, как соседей великой державы... всегда привлекали внимание турецких армян. У массы турецких армян всегда было какое-то инстинктивное тяготение к русскому "дяде" даже в те периоды, когда дядя очень плохо обращался со своим племянником. Когда ей говорили о том, что русское правительство закрывает армянские школы, конфискует церковные владения, лишает армянского крестьянина земли, тормозит национальное развитие армян и т.д. — то на все это она обычно отвечала так: все это временно; русские — благородный народ, и настанет день, когда он, безусловно, создаст более свободный и справедливый порядок управления, и тогда все это зло исчезнет. Да, все мы были твердо убеждены в том, что никак невозможно, чтобы русский народ, приносящий так много дорогих жертв в защиту высших принципов свободы и гуманности, вечно оставался при гнилых реакционных порядках..."⁷³

"Ван-Тосп" констатирует, что "неожиданный переворот" знаменателен для армян — он "совпал с самым критическим и роковым моментом", когда турецкие армяне, "потерпевши много ужасных ударов", ищут вокруг себя "сочувственного и разумного отношения к себе", когда армянский народ нуждается "в наличии таких государственных деятелей, которые бы широко смотрели на вопрос о малых народностях, а не с близорукостью, свойственной деспотизму, и не по системе агрессивной политики".

"Лишне говорить о том, — заключает армянский журнал, — что у турецких армян, издавна питавших неизменно симпатии к России, теперь, когда есть большие надежды на то, что этот великий народ свою внутреннюю и внешнюю политику будет ос-

⁷³ Там же, с. 16.

новывать на широко-демократических началах и доброжелательном отношении к малым народам, эта симпатия укреплется, станет более сознательной и перейдет тем самым в постоянную любовь".⁷⁴

"Дживелеговский вестник" таким образом постоянно и целенаправленно обозревал всю картину армянской общественно-политической жизни, отражаемой прессой самых различных течений. Излишне говорить о том, что сам Дживелегов одним из первых приветствовал свержение монархии и установление демократической республики в России на страницах еженедельника, в своей передовой статье от 12 марта 1917г.

"Долгожданная, наконец, пришла революция. Грозно надвигавшаяся, разразилась, как ураган, и смела... монархию, — пишет публицист. — Россия живет эти дни без царя, вольно и радостно дышит воздухом свободы и кует свое будущее. В величественном победном напряжении народ русский, — первый среди равных в кругу свободных отныне малых народов, населяющих необъятные пространства нашей родины... И в обновленной России должно наступить царство свободы и равенства для всех народов. Малые народы России были подавлены старым строем. Они задыхались в бесправии..."⁷⁵

Далее касаясь непосредственных интересов родного народа от свершившегося, Дживелегов подчеркивает: "Армянский народ приветствует революцию. Он не может не приветствовать ее. Ибо революция сразу подвинула его в тех двух направлениях, в которых его чаяния находили до сих пор столь мало сочувствия. У армянского народа... есть целый ряд таких интересов, которые общи со всеми остальными культурными народами России. Полное гражданское равноправие, прекращение политики, которая черпает свое вдохновение из нелепых опасений анархизма, которая искусственно не пускает армянина на Кавказ..., которая ставит препоны культурному развитию нации в духе ее исконных традиций... Но у армянского народа имеются

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, N 10-11 с. 3.

и особые требования, вытекающие из факта его национально-политической раздробленности. Турецкая Армения должна быть свободна и должна получить право политического самоопределения. Требование автономии Армении, требование чистое, как снег на вершинах Масиса, загрязнено клеветой, недоброжелательными ревнивыми подозрениями, шовинистическими предосторожностями. Свободная Россия должна смыть всю эту грязь и признать за армянским народом в Турции право на автономию”.⁷⁶

По убеждениям Дживелегова, в связи с этим должны быть устранены: ограничения, которыми высшая кавказская администрация затрудняет законную, “естественную, как луч солнца весной”, тягу турецко-армянских беженцев в Турцию, на освобожденную русской армией родину; затруднения, которые ставятся на пути освобождения военнопленных армян, солдат турецкой армии, сдавшихся добровольно русским войскам, преследования тех турецкоподданных армян, которые еще до войны поселились в России и здесь своим трудом увеличили производительные силы государства.

“Несправедливостей обеих категорий, — заключает свою статью публицист, — армяне терпели много в России. Революция должна все их устранить. Она и устранит их. Поручкою в этом те люди, которые заняли место в первом конституционном кабинете России... Россия не может равнодушно взирать на страдания малых народов. Армянский народ в этом твердо уверен. И он вместе со всей Россией радостно, одушевленно, из глубины своей исстрадавшейся души приветствует революцию.

Да здравствует новая свободная Россия и да утвердится в ней царство национальной справедливости!”⁷⁷

Как видим, воодушевление от революционных перемен в России и надежды на полное и окончательное решение Армянского вопроса в результате этого у Дживелегова велики, так же, как у всей передовой, прогрессивной российско-армянской ин-

теллигенции того времени. И не их вина, что история распорядилась иначе и очень скоро...

Быстро и непредсказуемо разворачивающиеся события 1917 года вносят соответственно и непредвиденные коррективы в судьбы армянского народа вообще и Западной Армении в частности. Дживелегов, приветствовавший судьбоносную революцию в марте, по его мнению, способную разрешить пресловутый Армянский вопрос с помощью “новой России”, осенью, в связи с изменяющейся день ото дня обстановкой, 20 октября, выступает с пространной речью в Совете Республики. В ней дан объективный и глубоко продуманный анализ всех перипетий армянской проблемы, как говорится, *ab ovo*, и нельзя не остановиться на ней...

Прежде всего речь была вызвана недовольством Дживелегова выступлением министра иностранных дел Временного правительства, на которое возлагалось армянами столько надежд после падения самодержавия в решении Армянского вопроса: “Армянский народ без различия партий и политических направлений ожидал услышать от министра иностранных дел, что русская иностранная политика отныне решительно разрывает со старым отношением к армянскому народу. Этого армянский народ не услышал в речи министра иностранных дел и этого армянский народ не может понять иначе, как желание министерства иностранных дел держаться по отношению к армянскому народу такой же политики, которая процветала до революции”.⁷⁸

А. Дживелегов напоминает, что политика старого русского правительства была направлена на ослабление Турции и принимала “разные формы в зависимости от того, насколько Россия чувствовала себя сильной”. Она добивалась ослабления Турции как политического единства и отчленения от Турции “отдельных кусков” ее территории. И в те моменты, когда Россия не могла рассчитывать на то, чтобы прямой силой отобрать от Турции тот или другой клочок ее территории, Россия поддер-

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, 1917, N 43-44, с. 3.

живала автономистские освободительные стремления в Турции (Македония, Армения).

Армянский публицист подчеркивает в своей речи, что турецкие армяне во всех политических играх русского правительства “всегда были жертвой русско-турецкой политики”: “Жертва внутри самой Турции, армяне должны были поневоле сделаться жертвой и русской политики. Постоянно приносимая на алтарь турецкой государственной необходимости, на алтарь идеи пантюркизма, Армения, которая вляется в тюркскую территорию, была вельмом на глазу турецкого правительства, и оно в последнее время стремилось искоренить армянский народ, чтобы тем самым разрешить все экономические и политические задачи, лежащие перед ним. Эта политика Турции была совершенно одинакова у старой турецкой власти и у новых руководителей политики – младотурок, которые после недолгого колебания вернулись на тот путь, на котором стоял Абдул-Гамид.

Для России армяне были также жертвой; Россия играла армянскими интересами, как и турецкое правительство”.⁷⁹

А. К. Дживелегов не может пройти мимо фактов, доказывающих это: “Армения без армян”, импонирующая русскому послу в Константинополе князю Лобанову-Ростовскому; “странное колебание” министра иностранных дел Сазонова в отношении к армянам и Армянскому вопросу, не позволявшее русскому правительству “найти надлежащую линию”, ряда других...

“И сейчас, в то время, когда власть принадлежит уже правительству революционному, – негодует армянский патриот, – мы видим в политике министерства иностранных дел отголосок старых приемов иностранной политики, отголосок старого отношения России к армянскому народу... Армяне не могут постигнуть, каким образом хотя бы отголосок старой политики русского правительства по отношению к Армении может еще держаться. От демократической России армяне ждут другого отношения, от демократической России армяне ждут другой политики по отношению к Турецкой Армении... Долг русского па-

рода, достоинство русской демократии повелительно требуют, чтобы Армения не была оставлена на произвол судьбы...”⁸⁰

Дживелегов представляет в Совете Республики будущий политический статут армян следующим образом: “Армяне думают, что полная автономия Турецкой Армении есть единственное возможное разрешение Армянского вопроса. Армяне считают, что свободная Армения должна обнимать 6 армянских вилайетов: Эрзерум, Ван, Битлис, Харпут, Диарбекир, Сивас и к этим 6 вилайетам великой и малой Армении должна быть присоединена территория Киликии...”⁸¹

“Каким образом может быть установлена территория новой, свободной Турецкой Армении?” – задается вопросом оратор и отвечает: “Армянский народ считает, что свободная Армения должна быть образована решением международного конгресса. Армяне надеются, что международный конгресс, который кончит, наконец, эту войну, даст армянам неоценимый дар, который когда-то Швейцария получила от венского конгресса – вечный нейтралитет, и что этот вечный нейтралитет будет гарантирован Армении общим решением всех держав”.

Разумеется, ни Дживелегов, ни другие общественно-политические деятели не столь наивны, чтобы предполагать, что это новое политическое устройство преподнесут им тотчас же: “Армяне прекрасно понимают, что прямо сейчас же после окончания войны ввести это новое политическое устройство является делом очень трудным, и поэтому армяне думают, что после окончания войны должен быть введен некоторый интерим, промежуточное политическое состояние, которое опять-таки должно быть гарантировано всеми державами. Каким образом гарантия того, что за время этого интерима армянский народ сумеет приступить к устройству своего национального дела и к устройству своего политического быта, будет обеспечена? Единственным решением этого вопроса был бы мандат, врученный от международного конгресса какой-нибудь державе или какой-нибудь

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, с. 4.

⁸¹ Там же.

группе держав, и армянский народ приветствовал бы, если бы державой, которой будет вручен этот мандат, была бы Российская республика”.⁸²

Оратор не может удержаться, чтобы не напомнить об исторических заслугах и культурном прошлом армян: новая, революционная аудитория как бы требовала вновь прописных истин и “повторения пройденного”: “... Старая, вековая культура армянского народа, роль Армении в Передней Азии, как защитницы европейской культуры, как страны демократической общественности, какой Армения была и в свободные времена своего существования, когда она представляла собой независимое государство, и тогда когда она попала под турецкое иго, дает ей право на то, чтобы сейчас в семье свободных малых народов Армения могла занять подобающее ей место. И еще другой титул на то, что Армения должна получить свое новое свободное устройство, заключается в том, что во имя культуры, во имя свободы, во имя тех идеалов защиты прав малых народностей, из-за которых началась война, Армения принесла столько жертв”.

А. Дживелегов говорит, впрочем неназойливо и не давя на аудиторию психологически, о той “потрясающей жестокости”, о тех “неописуемых варварствах”, которые творились над армянами в 1915 году в Турции и плавно переходит к той важной, концептуальной мысли, что “существование на границах Российской республики свободной Армении ни в коем случае не является угрозой для России, ни о каких ирредентистских чаяниях со стороны русской Армении не может быть и речи”.⁸³ Не может быть речи и по объективным, и по субъективным причинам, поясняет публицист: “объективно потому, что никогда ирредента не возникала в державе сильной, малая часть которой потянула к державе слабой. Ирредента всегда рождалась в сильной державе, всегда питалась мечтами о расчленении слабой державы. Вот почему в отношениях между Россией и Арменией

объективных причин, которые могли питать ирредентизм, которые могли бы вызывать среди вас (т.е. русских. — *Р. Б.*) ирредентистские опасения, не существует. Но нет и субъективных причин. Армянский народ так долго и тяжело выносил иго старого режима, так много страдал от царизма и притеснений его, что ни у кого из русских армян, населяющих территорию Закавказья, не может явиться мысли поднять оружие против новой России или начать пропаганду отложения от России...”⁸⁴

Последний момент Дживелегов считает “чисто российским вопросом” и “совершенно самостоятельным”, обсуждение которого возможно в будущем, задачи же нынешнего этапа — “только обустройство той части Армении, которая изнывает под турецким игом”. То есть, по существу, он не отрицает того, что, подчеркивая первоочередность разрешения проблемы Турецкой Армении и ее права на самоопределение, когда-нибудь может встать проблема самостоятельного существования и Восточной Армении...

Свое выступление армянский общественный деятель завершает весьма оптимистическими надеждами и упованиями на демократическую Россию: “На своем хребте в течение веков армянский народ испытывал все прелести старого режима в России, переносил всевозможные мучительства в Турции как старого режима, так и режима нового, и он должен получить то, что ему по праву принадлежит, — место на солнце среди свободных народов. Армянский народ всем своим служением культуре и всем своим демократическим вытом поставил свою историю и свою общественную и политическую работу как в России, так и в Турции в уровень требований своего времени, в уровень требований демократического развития... Армения должна быть свободна, и русская демократия в этом отношении должна ей помочь... Если русская демократия своим могучим словом скажет, что Турецкая Армения должна быть свободна, — это навсегда закрепит моральную связь между Турецкой Арменией и

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

Российской демократической республикой”.⁸⁵

Яркое и аргументированное выступление А. Дживелегова по животрепещущей проблеме перед новой российской властью, пытающейся вновь завести Армянский вопрос в хитро сплетения политических интересов различных держав, было гражданским долгом по отношению к родному народу и выражало настроения и помыслы российско-армянской интеллигенции, всего общества. Алексей Карпович вновь был “героем дня” и последовательным, честным деятелем-патриотом в глазах всех армян...

1918 год нес с собой все новые проблемы: Россия неумолимо скатывалась к гражданской войне, страна шла к неописуемому хаосу, национальные окраины заполонили центробежные силы, политические партии, в частности Закавказья, “тянули одеяло на себя”...

Период был весьма сложным и сумбурным для России, а следовательно и для армянского народа — не только подданных Российского государства, но и всех других его частей... “Армянский вестник” писал в своем новогоднем номере: “Никогда еще будущее, и притом не очень далекое, не казалось чреватым такими серьезными переломами в жизни армянского народа как сейчас. Поставлены самые коренные вопросы существования нации. И они могут получить самое различное решение в зависимости от того или иного хода мировых событий. Освобождение от турецкого ига или продолжение вековой неволи? Независимость или вассалитет? Перспектива свободного развития с овладением средиземноморского побережья или стиснутое в горах прозябание без выхода в море? Воссоединение частей исторической территории или сохранение национальной раздробленности? Словом, прогресс или упадок, свет или тьма, жизнь или смерть?”⁸⁶

Автор передовицы четко осознает, что армянский народ бессилён добиться нужных ему решений по этим вопросам (“он

всего только “малый народ”, истекающий вдобавок кровью”), однако и трудно сказать, кто “из сильных” скажет в ближайшем будущем об армянах “последнее слово”.

“Если до большевистского восстания все было ясно по крайней мере в самом крупном, — читаем в еженедельнике, — то теперь замутились самые ясные прогнозы, и каждый день может принести какую-нибудь новую неожиданность, меняющую всю картину... Многое в том, что определить судьбы Армении не во власти армянского народа. Многое ему придется принять так, как ему будет навязано силою...”⁸⁷

Журнал прекрасно осознает в то же время, что в столь критический для Армении момент необходима консолидация всех сил, в том числе и военных. “Возможно, что народ окажется в таком положении, когда только своими силами он будет ковать свою судьбу. Армянская нация показала, что она способна жертвовать людьми, — пишет автор передовицы. — Армянская молодежь широко участвовала в добровольческом движении в начале войны с Турцией. Но жертвы людьми не достаточно. Нужны жертвы финансовые... Момент, к которому мы приближаемся — критический в истории Армении. Вопрос ставится и решается совершенно определенно. Быть или не быть Армении — вот в чем этот вопрос. Сознание трагической значительности, рокового величия момента должно быть во всех душах. И готовность к жертвам должна объединить всех”.⁸⁸

В противном случае, предупреждает “Армянский вестник”, будущее Армении “будет определено, и надолго, силами, чуждыми интересам самого армянского народа”.

В январском, от 14-го числа, номере (N 2) еженедельника помещен Декрет о Турецкой Армении в свободном изложении его сути. Армянскому народу объявлялось, что рабоче-крестьянское правительство России поддерживает права армян в оккупированной Россией Турецкой Армении “на свободное самоопределение впредь до полной независимости” и гарантиями

⁸⁵ Там же, с. 5.

⁸⁶ Армянский вестник, 1918, N 1, с. 2-3.

⁸⁷ Там же, с. 3.

⁸⁸ Там же.

для своводного референдума армянского народа советское правительство считает: вывод войск из мест Турецкой Армении и немедленное образование армянской народной милиции; беспрепятственное возвращение армян, а также эмигрантов в пределы Турецкой Армении; возвращение в Армению насильственно выселенных во время войны турецкими властями в глубь Турции армян.

Комиссар по делам национальностей Джугашвили-Сталин по поводу декрета заявлял, что судьба народов России и особенности армянского народа тесно связаны с судьбами Октябрьской революции.

Знакомя своих читателей с содержанием документа, "Армянский вестник" подчеркивает: "... Советское правительство указывает в декрете на необходимость образования временного народного правления в Турецкой Армении в виде советов депутатов армянского народа, избранных на демократических началах. Что касается географической границы Турецкой Армении, то она будет определена представителями армянского народа по соглашению с представителями смежных мусульманских и иных округов, совместно с чрезвычайным временным комиссаром по делам Кавказа".⁸⁹

Между тем ситуация на фронтах войны, особенно на Кавказском, менялась ежедневно, не суля ничего хорошего армянам. В эти судьбоносные дни Армянский Национальный Совет обращается с воззванием, которое было опубликовано и в "Армянском вестнике": "Всем Армянам. Кавказский фронт в опасности вследствие того, что большая часть войск покинула его. Опасность грозит всему государству, всему Кавказу, Армении и кавказским армянам. В эти исторические дни нам на долю выпала общегосударственная, общекавказская и общенациональная миссия... Национальный Совет... призывает всех армян с напряженными силами приступить к делу. Мы делаем распоряжение, чтобы все дезертиры немедленно вступили в национальные армянские войсковые части. Зовем, чтобы армянские

интеллигенты весь свой опыт и искусство приложили к делу защиты родины. Наказываем имущему классу представить в распоряжение Национального Совета обильные денежные средства. Каждому армянину вообще мы предлагаем безропотно исполнить распоряжение Национального Совета.

В сей роковой час, всякий армянин, уклоняющийся от исполнения своего гражданского и национального долга, предатель родины и как дезертир заслуживает жесточайшего наказания".⁹⁰

В свою очередь исполнительный орган Армянского Военного Союза в своем воззвании к армянским воинам Кавказского фронта призывал организовать национальные корпуса и не покидать фронт, который "вследствие ошибочного понимания сущности перемирия и ряда условий внутренней жизни страны распадается и остается открытым", так как "если фронт не сохранится неприступным до окончания мирных переговоров, враг, воспользовавшись первым удобным моментом, устремится в наши пределы, и прекрасный Кавказ превратит в ад, как было с Турецкой Арменией".⁹¹

Аналогичные призывы были сделаны и армянским студенчеством. Бакинские студенты через "Армянский вестник" призывали своих молодых соотечественников: "С Кавказского фронта и из Турецкой Армении идут грозные вести. Население голодает, страдает от холода, нужды и разрухи. В связи с массовым уходом войск с Кавказского фронта ликвидируются отделы Согора, Земгора и т.д. Имущество их переходит в руки Генерал-Комиссариата по управлению областей Турецкой Армении (во главе которого стоит д-р Завриев), но в распоряжении его нет достаточно интеллигентных сил. Народ ждет их. Положение фронта еще более катастрофично... Защита фронта должна перейти к тем, чьему существованию грозит опасность. ... Чтобы не угас дух армии, чтобы не упала воля к борьбе, надо влить в армию интеллигентную силу. Необходима работа всех живых

⁸⁹ Там же, N 2, с. 3.

⁹⁰ Там же, с. 2.

⁹¹ Там же, с. 3.

сил, необходим максимум напряжения, т.к. поставлен вопрос о физическом существовании армянского народа и всего Закавказья”.⁹²

В полном сознании своего долга и грозящей свободе и самому существованию народа опасности, армянское студенчество было полно решимости придти на помощь погибающей стране, “обреченному на смерть народу” и предлагало своим молодым соотечественникам-студентам немедленно принять “военную или трудовую повинность”.

В мартовском (N 4-5) политическом обзоре фактически последнего номера “Армянского вестника” читаем: “Пожар русской революции перевернулся за пределы государства Российского. Для армян развивающийся клубок событий также полон кровавого смысла. Быть может это начало совершенно новой стадии, знаменующей окончание “дипломатического” периода в истории Армянского вопроса, открывающей в нем новую эпоху – эпоху реального государственного существования... Судьба малых народов... решается по большей части на поле брани не силой их собственного оружия, а в далекой Европе. На конгрессах и мирных конференциях малые народы играют роль гирек, при помощи которых достигается равновесие народов и государств... Среди этих величайших мировых потрясений судьба невольной страны, слава населенной, пустынной и обезлюдившей, страны с красивым именем и печальной историей может показаться лишь мелкой деталью. Но это не так... Армения тоже получила право быть свободной... Но известно ведь, что даром не достается ничего. И тех гигантских жертв, которые принесены армянами, – оказалось недостаточно...”⁹³

Завершая свою передовицу, “Армянский вестник” выражает надежду: “Пусть окажется наше поколение достойным той миссии, которую возлагает на него наступивший страшный год. И свобода Армении – реальность в недалеком будущем, будет венцом всех наших стараний, лучшей и благородной нашей па-

⁹² Там же, с. 4.

⁹³ Там же, N 4-5, с. 2-3.

градой”.⁹⁴

... Революция 1917 года настигла Дживелегова в возрасте 42 лет, когда трудно менять свои взгляды и, несомненно, принятие им марксизма носило “внешний характер”, а внутренние большевистская идеология была ему чуждой. В целом же последующие годы (20-30-е) стали для ученого временем адаптации к существующему режиму, попыткой установить компромисс с советской властью. После Октябрьской революции политическая деятельность Дживелегова прекращается – он полностью “уходит” в науку, что было для него, как и для многих талантливых людей эпохи, своего рода внутренней эмиграцией. Изменяется тематика его научных трудов – если в первые годы после революции и особенно в первой половине 20-х годов он занимался традиционными для него темами (историей социальных движений и внешней политики), то в последующем Дживелегов полностью переключается на изучение истории культуры и искусства, создает огромную серию работ, посвященных гуманистической культуре эпохи Возрождения, продолжается его редакторская (в издательстве “Academia”) и педагогическая (Институт Красной профессуры, Московский институт истории, филологии и литературы, ГИТИС) деятельность. Научный и педагогический авторитет А. К. Дживелегова был очень высок, хотя и он в сталинские годы оказался жертвой кампаний против “объективизма” и “буржуазного космополитизма”: его обвиняли в “эклектичности” методологических установок, в аполитичности, сочетании марксизма с культурно-историческим методом, в “профессорском объективизме”...⁹⁵

Где бы ни работал А. К. Дживелегов, о чем бы ни писал, проблемы родного армянского народа никогда не отодвигались им на задний план – исторические судьбы Армении, так и не нашедший своего окончательного решения болезненный Армянский вопрос всегда волновали его, заставляли взяться за перо, привлекая тем самым к армянам (вновь и вновь!) мировое и в

⁹⁴ Там же, с. 3.

⁹⁵ См.: Армянский вестник (Возобновленное издание), 1998, N 3-4, с. 168.

первую очередь, конечно, российское общественное мнение.

Достоверных данных о том, как А. Дживелегов воспринял установление советской власти, нет, так же, как и нет свидетельств о начале его сотрудничества с ней. Однако видный ученый и патриот весьма неоднозначно отнесся к одному из первых документов большевистской власти, имеющему самое непосредственное отношение к судьбам армянского народа и Армении. Остановимся на нем подробнее, так как ранее в советской армянской историографии он цитируется, как мы убедились, лишь в той части, которая “удововарима” для идеологических установок того времени, а в целом подчеркивается, что Дживелегов “приветствовал” советский декрет “О Турецкой Армении”. В своей работе, посвященной публицистическому наследию А. Дживелегова, Дж. Киракосян, например, уделяет несколько абзацев содержанию декрета и лишь вскользь цитирует самого Дживелегова, акцентируя: “Он (т.е. Дживелегов. — Р. Б.) отмечает, что “демократические принципы международной политики большевиков во многом совпадают с интересами армянского народа”.⁹⁶ Между тем вышеприведенная мысль заканчивается у Дживелегова несколько на иной ноте: “... если бы его в корне не портила доктринерская прямолинейность, пропитывающая его от начала до конца” (подчеркнуто нами. — Р. Б.).

Таким образом, нетрудно понять, что Дживелегов “не совсем” “приветствовал” вышеназванный документ... “Высказаться” по данному вопросу ему помогла “родная трибуна” — “Армянский вестник”...

Одной из привлечших внимание публикаций еженедельника в 1918 году, когда журнал, в силу смутного времени, прекратил свое существование, выпустив всего 4 номера (с января по март), была реакция А. Дживелегова на декрет Советской власти о Турецкой Армении. Блестящий публицист и на сей раз проявляет весь свой писательский дар, характеризуя этот важный документ большевистской России в своем обзоре от 1 фев-

раля 1918г.

“Декрет, разумеется, нестерпимо демократичен, как и все, что выходит из горнила большевистской законодательной лаборатории, — пишет он. — И так как демократические принципы международной политики большевиков во многом совпадают с интересами армянского народа, то декрет мог бы быть горячо приветствуем последним, если бы его в корне не портила доктринерская прямолинейность, пропитывающая его от начала до конца”.⁹⁷

Оценивая провозглашенный декретом лозунг о свободном самоопределении Турецкой Армении вплоть до “полной независимости”, автор публикации задает вопрос, как эти заверения могут быть осуществлены практически? Этого ощущения и нет у армянского народа, поскольку уже начавшийся вывод русских войск из Западной Армении “означает возвращение завоеванной с таким трудом Армении туркам” и “очищение Армении русскими войсками будет знаменовать собою не независимость Армении, а уступку ее Турции”. Вывод Дживелегова однозначен: “При существующих условиях это будет самым настоящим предательством по отношению к армянам” и результаты нетрудно предвидеть: “вступив в очищенную русскими войсками Армению, турки покажут армянам такую “независимость”, которая превратит страну в ни что иное, как огромное кладбище”. И если советское правительство действительно хочет дать Армении независимость, оно должно помнить, напоминает автор статьи, одно: “что малые народы никогда или почти никогда не завоевывали своей независимости собственными силами, им всегда помогали народы сильные”. (Мысль, возможно, несколько обидная, но трезвая! — Р. Б.).

А. Дживелегов прямо обращается к большевикам: “Пусть гг. Ленин и Троцкий вспомнят пример Греции, Болгарии, Сербии, Бельгии, и это им станет ясно. А помощь России может выразиться только в том, что в Армении будет оставлена хотя бы

⁹⁶ Дж. Киракосян. А. К. Дживелегов и его историко-публицистическое наследие, с. 74.

⁹⁷ Там же, 1918, N 3, с. 2.

часть русской армии”.⁹⁸ Другим славным местом советского декрета публицист и видный общественный деятель видит неопределенность в формулировке о границах Армении: “... комиссар по делам национальностей г. Джугашвили (И. Сталин. – Р. Б.) ... сказал, что границы Армении будут определены представителями армянского народа по соглашению с представителями мирных мусульманских и иных округов совместно с чрезвычайным временным комиссаром по делам Кавказа”.⁹⁹ И следовательно, речь идет только о территории, занятой до большевиков русскими войсками и об этнографических границах Армении (вместе с Киликией) речи нет.

“... При этих условиях, - резюмирует Дживелегов, - Армения, если даже ей удастся получить независимость, не получит никакого выхода в море, даже в Черное. Что это будет за самостоятельное политическое существование, видеть нетрудно. Нам хочется верить, что советское правительство действительно желало добра армянскому народу. Но декрет и комментарии к нему составлены так, что если все то, что в них содержится, не дай Бог, осуществится на практике, армянский народ окажется жертвой самых тяжелых несчастий. Пусть гг. Ленин, Троцкий, Джугашвили и их товарищи подумают об этом серьезно. Есть еще время пересмотреть решение”.¹⁰⁰

Смелое, решительное заявление А. К. Дживелегова, к сожалению, не заставило “гг. Ленина, Троцкого, Джугашвили” изменить свою позицию в отношении Западной Армении, так как Москва уже заигрывала с турками за спиной армянского народа. Между тем стоит напомнить, что в советской историографии десятилетиями насаждался миф о “спасительном” и “судьбоносном” для армянского народа Декрете о Турецкой Армении, показавшем “подлинный интернационализм” Советской России! “... Одним из первых постановлений, принятых Советским правительством, – читаем в одной из работ, изданных в последние

годы существования СССР, - был декрет “О Турецкой Армении” (29 декабря 1917г., по новому стилю – 11 января 1918г.), который в истории дипломатии нового времени, в практике международных отношений был первым документом, признавшим право армянского народа на свободное самоопределение, на восстановление издавна утраченной государственности. Этим документом Советское правительство официально признавало, что защищает “право Западной Армении на свободное самоопределение, вплоть до полной независимости”... Оно требовало обеспечить беспрепятственное возвращение на свои родные земли рассеянных в разных странах или насильственно высланных вглубь Османской империи армян. В то время, как младотурки подвели западных армян к краю гибели, а правители и дипломаты империалистических держав прикрывались фарисейством и пустопорожними обещаниями в отношении армян, первое социалистическое государство признало самостоятельность и права армянского народа и стало разрабатывать практические мероприятия по претворению в жизнь этих прав”.¹⁰¹

Увы, история показала, что знаменитый, высоко оцененный в десятках научных исследований армянских ученых советского периода декрет также по сути был лишь декларацией, “холостым выстрелом”, и о “разработке практических мероприятий по претворению в жизнь” прав армянского народа (вернее – западноармянского, о котором вроде бы “пеклись” авторы декрета) не могло быть и речи в силу отсутствия реальных “рычагов воздействия” на процесс...

Опять армяне были предоставлены сами себе... Опять пролитая реками армянская кровь оказалась для сильных мира сего, увы, всего лишь водицей!..

Основное впечатление, которое получает читатель и вообще общественность (русская и армянская) от многочисленных статей и выступлений Дживелегова, – это глубокая, где-то даже фанатичная вера его в жизнеспособность и жизнестойкость армян, в освободительную миссию России, с помощью ко-

⁹⁸ Там же, с. 3.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Дж. Киракосян. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1989, с. 223.

торой только и можно разрешить болезненный Армянский вопрос.

Видный исследователь данной проблемы Дж. Киракосян писал: "А. К. Дживелегов принадлежал к тому числу армян-политиков, публицистов, историков, которые постоянно изучали политику младотурок, глубоко вникали в суть их человеконенавистнической политики в отношении армянского народа. Он зорко прослеживал главные вехи политики турецкой государственности в Армянском вопросе, начиная с абдулгамидовских времен до кемализма. Армяно-турецкие отношения постоянно находились в поле его зрения. До конца своей жизни он не переставал заниматься этой проблематикой".¹⁰²

А. Дживелегов действительно был пламенным патриотом своего народа, своей родины, хотя и жил в России. Будучи ученым с европейским именем, с широким спектром научных интересов, он, как нетрудно убедиться из вышеизложенного, не только не сторонился "опасных" политических проблем армянского народа, но и оказывал существенное влияние на общественное мнение во многих важнейших вопросах, связанных с Арменией, с настоящим и будущим армян. Его публицистическая деятельность, развернувшаяся с своеобразной трибуны его "детища" – "Армянского вестника" – ярчайшее свидетельство тому.

А. К. Дживелегов, таким образом, был одним из самых видных, благородных и деятельных поборников защиты исторических прав и справедливых требований армянского народа, разрешения Армянского вопроса – болезненного и до сих пор не решенного в полной мере в международной политике. Заслуги его в этом направлении кипучей и многогранной деятельности очевидны и общепризнанны не только в армянском, но и российском обществе.

¹⁰² Дж. Киракосян. А. К. Дживелегов и его историко-публицистическое наследие, с. 38.

Среди армянских деятелей в России, развернувших активную общественно-политическую и патриотическую работу в период Первой мировой войны и геноцида армян, был и известный юрист, филолог и публицист, председатель Армянского благотворительного общества донских армян, новонахичеванский депутат Григор Чалхушьян (1861-1931 гг.). Родился он в одной из старейших и влиятельнейших армянских колоний на юге России, в Нор-Нахичеване (Ростов-на-Дону), учился в московском Лазаревском институте восточных языков и Московском государственном университете, на факультете юриспруденции. Вернувшись на родину, Чалхушьян, помимо специальности – юридической практики, занимался литературной и общественно-культурной деятельностью, снискавшей ему любовь и уважение сограждан. Авторитет его возрос особенно в годы геноцида армян... Заметим, что к тому времени Нахичеван-на-Дону не только вырос как город численно, но и стал играть, как отмечалось исследователями, "значительную роль в армянской общественно-политической жизни, зачастую задавая тон армянскому освободительному движению".¹

Статьи и выступления Чалхушьяна – в связи с все более ухудшающимся положением армян в Турции, проблемы в различных сферах жизни донских и кавказских армян – составили целый том, содержащий около сотни блестящих, порою полемически заостренных работ.²

В публицистике и беллетристике Гр. Чалхушьяна периода геноцида – острая боль за судьбы родного народа, попытка раскрыть богатый духовный облик турецкоподданного армянина, показать его нравственную высоту и страдания безвинных людей, стонущих под чужеземным игом. Прекрасно пишущий и на армянском, и на русском языке, Чалхушьян все же делал

¹ См., напр.: Г. Казарян. Армянское общественно-политическое движение в 50-60-х гг. XIX в. в России. Ереван, 1979, с. 57.

² Гр. Чалхушьян. Мысли, думы, лица. Тифлис, 1914 (на арм. яз.).

упор на русскоязычную печать — с целью как можно шире и глубже ознакомить многослойное российское общество и официальные власти с трагедией армян (тем более что отношение к последним было весьма неоднозначным и в самой России).

Нельзя без волнения и душевного трепета читать его очерки, статьи, эссе и рассказы, отражающие геноцид армян, историю и переипетии Армянского вопроса. Среди них — “Кровавый год”, “Длинен еще путь нашей Голгофы”, “Дети”, “Кто знает?”, “Другие дети”, “Чудесная оправа”, “У пределов ужаса”, “Кери”, “Бедные вогачи”, “Еле-еле врезжит луч света”, “Протянем руку”, “Армяне и русские самодержцы”, “Когда же народится твой Христос?”, “Черствые сердца” и др., опубликованные в 1915-1918 гг. в самых различных органах российской печати (“Армянский вестник”, “Приазовский край” и др.).

Интерес к этой проблематике (т.е. к Армянскому вопросу) прослеживается у Чалхушьяна еще с конца XIX в., когда мир впервые содрогнулся от армянских погромов и резни в Турции в 1894-1895 гг. Уже в, казалось бы, чисто “литературном” труде “Армянская поэзия в лице Рафаэла Патканяна” (1886) автор представляет тяжелейшее положение западных армян, дипломатические игры европейских держав в ставшем международным Армянском вопросе.

На заре XX в., когда разгорелся пожар межнациональных армяно-тюркских (азербайджанских) столкновений на Кавказе, спровоцированный самодержавием в 1905г., Гр. Чалхушьян в своей работе “Армянский вопрос и армянские погромы в России. Панисламизм”³ напоминает о тех привилегиях, которые были даны в свое время армянам указами российских императоров, о роли армян в русско-турецких войнах, обращается к политике царских властей, направленной на ущемление армян, — закрытию армянских школ в 80-90-е гг. XIX в., преследованию армянской церкви с конфискацией ее имущества (1903), закрытию армянских благотворительных учреждений и т. д.

³ Гр. Чалхушьян. Армянский вопрос и армянские погромы в России. Панисламизм. Ростов-на-Дону, 1905.

Автор книги скрупулезно, с позиций юриста-правоведа, рассматривает армяно-татарский (т.е. азербайджанский) конфликт 1905г. в Закавказье, подвергает критике реакционную, продажную прессу России, которая предвзято освещала происходившие события, разоблачает позицию русского правительства и в особенности сущность панисламизма как учения, направленного против человечества вообще. (Как новый виток “старой истории” можно рассматривать аналогичные события в Закавказье и адекватную реакцию “советских властей” в 80-е годы к “советским армянам”...).

“Армянский вопрос и армянские погромы в России. Панисламизм” — тема для периода брожений в Российской империи и первой русской революции 1905 года весьма и весьма щекотливая, волзненная, и публикация книги (даже и в провинции — Ростове-на-Дону) вряд ли вызвала удовлетворение официальных властей, хотя и была разрешена царской цензурой 3 июля 1905 г.

Неутомимый патриот, Гр. Чалхушьян, имел в ней смелость сказать о том, что другие муссировали в армянском кругу, в “кулуарных” беседах или, чаще всего, замалчивали и обходили стороной. Автор книги, в нескольких главах этой почти стостраничной работы, на большом фактическом материале раскрывает всю двусмысленность и двойственность политики русского самодержавия по отношению к своим подданным — армянам. Уже названия глав говорят сами за себя и свидетельствуют об аналитическом настрое публициста: “Немного истории и немного статистики”, “Закрытие армянских школ”, “Закрытие армянских просветительских и благотворительных учреждений”, “Отобрание церковного имущества”, “Отчего волнуются армяне”, “Армянские погромы в Закавказье”. Авторская позиция жестка и правдива, рассуждения зрелые, прозорливые, причинно-следственные связи возникновения межнациональной напряженности на Кавказе, бездействия, а порою и провокационное поведение властей, приведшее к кровопролитным столкновениям между двумя соседними народами — армянами и татарами (азербайджанцами), указаны верно, без “дипломатических увер-

ток” и оглядки на “возможные последствия” для самого автора. Григор Чалхушьян, бескомпромиссный и честный общественный деятель, уже в который раз доказывает армянской обществу, что способен поднимать “каверзные” вопросы национальной (а в целом – и общероссийской) жизни. Публицист в “Армянских погромах...” зрит в корень!

Проблематика книги столь актуальна (как в те грозные годы, так и в не менее сумбурные времена краха советской империи, повлекшего аналогичные события в конце XX века), что хотелось бы остановиться на ней несколько подробнее.

Книга “Армянский вопрос и армянские погромы в России” посвящена памяти выдающегося деятеля-патриота Гр. Джаншиева. Чалхушьян писал во вступлении к своей работе: “Настоящий свой скромный труд я посвящаю незабвенной памяти своего старшего товарища по Лазаревскому институту и alma mater, Московскому университету, глубоко симпатичного Григория Аветовича Джаншиева, чье отсутствие среди нас так чувствительно нам, армянам, в особенности теперь, в эти бесконечные тяжелые дни кровавых погромов от мусульман в начале XX столетия, в христианской стране!... Как тяжело нам, волея душой, страдать и мучительно, главное, – молча переживать издали все это!... Кто знает, быть может судьба сжалилась над Джаншиевым и оберегла его от позорного зрелища всех этих ужасов, которые могли пошатнуть, убить его бесконечную веру в добро и правду! Да и одну ли веру в добро и правду?...”⁴

В первой же главе – “Немного истории и немного статистики” – автор книги замечает: “то государство жизнеспособно, сильно, и хранит в себе все задатки развития и процветания, когда все народы, его населяющие, и все классы, его составляющие, равны во всех правах, когда нет господ и рабов, нет париев, лишенных прав, поставленных вне защиты закона”.⁵ Развивая мысль, Чалхушьян констатирует одну из очевидных несправедливостей: “... армянский вопрос, в котором, как в фоку-

⁴ Там же, с. 3.

⁵ Там же, с. 5.

се, отражаются все отрицательные стороны бюрократической формы правления... Пока отношение нашей бюрократии к армянам основано было на доверии и любви, пока армяне пользовались всеми правами и преимуществами русских граждан... армяне представляли из себя самый надежный, мирный, желанный элемент в России вообще и на Кавказе в частности. Но как только армяне очутились в положении “бесправных и обездоленных” – то возник армянский вопрос. А армянский вопрос существовал только в Турции, но наша бюрократия искусными мерами сумела создать такой вопрос и в России, помимо всякого желания и воли армян”.⁶

Задаваясь вопросом, чем же армяне заслужили к себе недоверие русской бюрократии, Чалхушьян сам же пытается на него ответить: история указывает, насколько близорука она (т.е. бюрократия), восстанавливая против государства и делая для него враждебным “самый надежный и испытанный элемент”, который и в будущем может оказать не малые, главное, необходимые услуги. “Симпатии армян, – подчеркивает автор книги, – что вы ни говорили наши недоброжелатели, всегда и неизменно были на стороне России, за которой, начиная с самой славной эпохи гениального преобразователя Петра Великого, упрочилось имя покровительницы христиан на Востоке”.⁷

Проследивая развитие армяно-русских взаимоотношений с петровской эпохи, Чалхушьян доводит повествование до возникновения так называемого Армянского вопроса в международном праве: “19 февраля 1878 года был заключен Сан-Стефанский договор, по §16 коего Турция обязалась безотлагательно произвести улучшения и реформы... областей, населенных армянами и обеспечить их безопасность от курдов и черкесов. §61 Берлинского трактата повторяет целиком §16 Сан-Стефанского договора. Так было положено начало Армянскому вопросу в Турции в области международного права, но воз и ныне там, и §61 не оказал никакой пользы армянам. Лучше бы если

⁶ Там же, с. 6.

⁷ Там же.

бы вовсе не существовало этого §: так много он нам стоит мук и крови! Пока будет существовать Блистательная Порта, будет существовать пресловутый европейский концерт, пока будет существовать этот концерт, по капле раньше истечет последняя армянская кровь, чем разрешится армянский вопрос в Турции!”⁸

Послевоенные реалии для армян очерчены Чалхушьяном зримо и просто: русские войска очистили области, занятые ими. Настали тяжелые испытания армян – турки сразу стали непримиримыми врагами. “Все эти восторженные встречи русских войск, все эти молебны, дары и услуги, – все приходилось искупать тяжелой ценой долгих унижений, мучительных испытаний, позора и бесконечных жертв! – пишет публицист. – Султан обязался ввести реформы в областях, населенных армянами и так как султан вовсе не желал ввести реформы, то ему на выбор оставалось одно: чтобы его области не были населены армянами. Средство для разрешения армянского вопроса, таким образом, было найдено и из Ильдиз Киоска выпшел тайный приказ истреблять армян: тогда Европе не за что и не за кого будет заступаться! Этот адский план приводится в исполнение непосредственно после Турецкой кампании (1877-1878 гг. – *Р. Б.*)”.⁹

Таким образом, подводит черту Чалхушьян, начало армянской резни было положено, и “преступная рука красного султана с тех пор продолжала свое дело”: положение армян в Турции после этой войны “сильно ухудшилось”, и “жизнь стала там невыносима”.¹⁰

В целом суть книги несколько отходит от темы нашего исследования – геноцида армян в Турции, поэтому мы не останавливаемся подробно на содержании ее глав, выше уже указанных. Однако в целом книга эта явилась следствием того же пресловутого “Армянского вопроса”, созданного европейской и российской дипломатией и бюрократией... И любые факты, приводимые Чалхушьяном о политике самодержавия на Кавказе в

⁸ Там же, с. 16.

⁹ Там же, с. 16-17.

¹⁰ Там же, с. 19.

отношении армян, провоцировании им межнациональных столкновений здесь, в результате которых страдали тысячи мирных армян (Баку, Нахичеван и др.), даются им в свете этого самого “вопроса” – теперь уже не в Турции, а в христианской России.

“Со времени водворения русского владычества на Кавказе армяне, движимые сознанием гражданского долга, принимали деятельное участие в работах по устройству Кавказа и насаждению в нем культуры, – отмечает Чалхушьян. – Армянское население, сознавая необходимость единения с русским обществом, предавалось своему мирному труду в том глубоком сознании, что законы страны обеспечивают ему свободное, гражданское и национальное развитие. Но после освободительной эпохи наступил период усиленных репрессий и административного гнета. Армяне в полной мере испытали на себе всю горечь такого строя, подвергаясь систематическим стеснениям”.¹¹

“Стеснения” (мягко сказано! – *Р. Б.*) армян, по Чалхушьяну, это и обезземеливание, и закрытие армянских школ, просветительских и благотворительных обществ, воспрепятствование публичному армянскому слову (печатному и устному), преследования и кары даже за естественное сочувствие российских армян к своим турецким соотечественникам... В довершение всего – отобрание имуществ армянской церкви, которое вызвало протест и повлекло репрессивные меры. Естественно, все это довело армянское население “до состояния крайнего возбуждения, завершившегося народными волнениями”.

Венцом всех этих армянских “стеснений” (как все же корректен и сдержан слог публициста! – *Р. Б.*) стали “бакинские кровавые события, изумившие весь цивилизованный мир” и доказавшие, что “жизнь, честь и достоинство армянина – вне закона”.¹²

Самой печальной констатацией Чалхушьяна было то, что “движение, направленное против жизни, чести и достоинства армян, все растет” в крае, а сознание своей безнаказанности и рас-

¹¹ Там же, с. 62.

¹² Там же, с. 63.

пространяемое подстрекателями движения мнение, что погромы армян соответствуют “видам правительства”, дают смелость не вежественным массам к осуществлению своих темных целей. Другая важная констатация автора книги – армянское население обезоруживается и, становясь фактически беззащитным, отдается в распоряжение вооруженных варварских (т.е. турецких – *Р. Б.*) масс... Как жестока и неумолима пресловутая истина “история развивается по спирали” – не то же самое мы фиксировали в годы агонии советской империи по отношению к армянам на Кавказе?... Истерия в печати, обезоруживание простых сельчан – армянских мужчин, вставших на защиту своей земли, своей чести, своих семей...

Чалхушьян убежден: “погромы армянские никогда бы не имели места, если бы армяне не были париями на Кавказе”.¹³ Но это был “один шайтан”, о котором татары (т.е. азербайджанцы – *Р. Б.*) говорили открыто. Другой, “худший шайтан”, которого татары бережно, старательно скрывали, – был панисламизм!

Панисламизму, его сущности Гр. Чалхушьян посвящает главу, в которой развенчивает это опасное для армян течение, приводя полемику в российской печати и массу фактов фанатичности невежественных мусульманских низов по отношению к христианам.¹⁴

В последней главе, озаглавленной “Как разрешается Армянский вопрос?” автор актуальнейшей по тем временам книги задается рядом вопросов и сам же умело, точно и аргументированно отвечает на них.

Прежде всего он останавливается на “одном явлении” в Армянском вопросе, привлечем к себе внимание русского общества и “многими непонятно” и “во всяком случае преднамеренно неверно освещенном известной частью” русской печати. Это – армянские революционные комитеты. Чалхушьян, напоминая, что армяне всю жизнь руководствовались принципом “я тружусь, я страдаю, следовательно, я существую” и все ино-

странцы сходились на том, что армяне – “мирный” элемент “без всякой воинственности”, “с прирожденным отвращением к оружию”, отвечает на вопрос, откуда же взялись “армянские революционные комитеты”.

“Когда вся Турецкая Армения плавала в крови, – пишет публицист-патриот, – армяне преодолели свое отвращение к оружию и взялись за него... Молодежь вооружалась, переходила турецкую границу, шла на верную смерть, доведенная до отчаяния всеми ужасами и зверствами курдов. Считайте, если хотите, их революционерами, но это было движение не против России, а против Турции”.¹⁵

Далее Чалхушьян поясняет: “... говоря об Армянском вопросе в России, не следует говорить о “революционном” движении, преследующем иные цели. Я скажу более, это движение не только не враждебно России, как государству, но безусловно ей полезно, как известный противовес другому, более могучему движению, еще неизвестному русскому обществу, – панисламизму, с которым нам приходится уже считаться и для которого достаточно готовит почву близорукая политика кавказской бюрократии”.¹⁶

Увы, “кавказская администрация” сделала все, чтобы эти комитеты проявили свою деятельность и в России, однако, замечает автор книги, “миллионный армянский народ” не может отвечать за действия группы лиц. “Принципом всякого законного управления мирным краем должна быть справедливость, – провозглашает Чалхушьян. – Этой справедливости ищут и этой справедливости не находят армяне!...”¹⁷

Своей нужной и своевременной работой Чалхушьян апеллирует к русскому обществу и просит справедливо разбираться в Армянском вопросе, утверждая, что все разговоры о крамоле и о сепаратизме армян – “недобросовестные измышления праздного ума”.

¹³ Там же, с. 77.

¹⁴ См. там же, с. 77-86.

¹⁵ Там же, с. 87.

¹⁶ Там же, с. 87-88.

¹⁷ Там же, с. 89.

“Армяне никогда не были против русской культуры, подчеркивает автор книги. – Напротив того, они и по своему историческому положению, и по современным условиям своего быта были всегда естественными союзниками России в осуществлении ее задач и ценою тяжелых испытаний являлись всегда и неизменно проводниками русских культурных идеалов”.¹⁸

Армянский публицист напоминает (на примере, в частности, статей Юрия Веселовского в “Русских ведомостях” за 1905г.), насколько русские поэты и писатели, публицисты и ученые читаемы, любимы армянами и какое “неотразимое влияние” они имеют на армянскую мысль и на армянскую литературу. Более того, в Персии и Турции именно армяне – носители и проводники русской культуры. “Но воспринимая чуть ли не с молоком матери русскую культуру, – резонно замечает Чалхушьян, – воспитываясь на ней и разнося повсюду в самые темные азиатские уголки ее великие и плодотворные семена, мы, оставаясь верноподданными нашего государства, твердо, неукоснительно и безусловно желаем сохранить свой язык, свою веру и передать их в целостности и неприкосновенности нашим детям. Но разве это крамола?”¹⁹

Искусственно созданный и раздуваемый царской администрацией на Кавказе “армянский вопрос” – бесспорно “ошибка” и “еще полбеды”! “Беда будет полная, беда будет непоправимая”, по мнению армянского патриота, если кавказская администрация будет упорствовать в своих ошибках и не исправит их. “Несомненно, что все полицейские суровые меры обрусения армян окончились полнейшей неудачей и дали отрицательные, чисто обратные результаты, – констатирует Григор Чалхушьян. – Они разожгли национальные чувства, вызвали взаимное и опасное отчуждение и безусловно отдалили желанный момент духовной ассимиляции всех кавказских народностей с русскими на почве всепокоряющей и всепобеждающей культуры, тот момент, для которого работало благородно столько русских гениев

и талантов на ниве литературы, художества и искусства!”²⁰

Чтобы создать спокойствие среди армян, необходимо, по мнению публициста, отменить все ограничительные законы, с которыми армяне не могут примириться, – иначе спокойствие будет “наружное, лицемерное, лживое”. Но не достаточно создать спокойствие, надо упрочить его, дав уверенность армянскому народу в России, что прошлое пронесется, как “дурной сон, кошмар” и больше не вернется никогда! Поэтому следует признать, что армяне имеют те же неотъемлемые человеческие права, что и русские, “а главное, следует установить на Кавказе правовой порядок, коего он лишен и без которого не может страна процветать, а население жить и предаваться своим занятиям спокойно, уверенно без страха за завтрашний день”.²¹

В заключение книги Чалхушьян подытоживает: “... Армянский вопрос, имеющий, конечно, свои особенности, подлежащие немедленному разрешению и устранению, находится вместе с тем в непосредственной связи и зависимости от другого более крупного вопроса, – общероссийского. Армяне не желают себе никаких льгот, никаких преимуществ. Армяне добиваются только человеческих прав, прав полноправных граждан Российского государства...”²² “Когда же, наконец, рассеется этот густой темный мрак, в котором не один десяток лет мы ведемся, страдаем и задыхаемся? – вопрошает озабоченно автор. – Неужели же все народности Кавказа со своими старшими братьями, русскими, рука об руку, в любви, согласии, вместе и твердо не пойдут по желанному и плодотворному пути труда, культуры, свободы. И неужели Кавказ, этот лучший бриллиант нашей империи, потускневший от покрывшей его густой наносной пыли, не засияет своим дивным блеском никогда?!...”²³

Этим обращенным к властям отчаянным вопросом, в надежде на лучшие времена, и завершается книга-размышление,

¹⁸ Там же, с. 90.

¹⁹ Там же, с. 90-91.

²⁰ Там же, с. 91.

²¹ Там же, с. 92.

²² Там же.

²³ Там же, с. 92-93.

книга-обвинение, книга-документ.

Мог ли тогда предполагать армянский патриот, что антиармянская истерия и кровавые события и смута на Кавказе в 1905 г. — лишь прелюдия к той страшной трагедии, которая разыграется спустя десятилетие над его соотечественниками уже в Западной Армении...

Остановимся на весьма важной для оценки общественной и творческой деятельности Чалхушьяна книге “Мысли, думы, лица” (1914), куда вошли в основном статьи, опубликованные в тифлисском “Мшаке”, частично — в новопахичеванском еженедельнике “Луйс” (“Светоч”) и сворнике “Кусок хлеба зейтунцу”. В ней отражены “мысли” и “думы” патриота о положении западноармянского населения, национальных чаяниях, о “друзьях и врагах” армянского народа, о темных и светлых сторонах армянской общественной жизни в России и на Кавказе. Статьи написаны с активных гражданских позиций (что вообще присуще Чалхушьяну), в яркой публицистической манере — метко, образно, “с душой”. О своем публицистическом “кредо” сам Чалхушьян писал в статье “Публицистика — мое чистилище”, предваряющей сворник: “Как человек, как юрист, как общественный деятель, я, быть может, допустил и допускаю много промахов, грехов, ошибок, но как только я беру за перо, как будто искупаю все свои вольные и невольные грехи, и удивительное дело: те черные чернила, на кончике пера рисующие красивые буквы св. Месропа, связывая их друг с другом, — омывают, очищают мое сердце и душу. И я имел счастье брать в руки перо только тогда, когда сердцем ощущал потребность раскрыться, говорить, когда моя душа пела, петь те прекрасные, нежные мелодии, которые мое перо всегда было слабо и бессильно передать и описать, мелодии, которые столь же похожи на мое написанное, сколь прекрасный, сладкий и золотой сон — на жесткую действительность тяжелой жизни. Перо для меня всегда было священно, а писательство — свято. Писал то, что чувствовал в глубине сердца и написанное всегда подписывал”.²⁴

²⁴ Гр. Чалхушьян. Мысли, думы..., с. Б.

Эта небольшая вступительная статья немногословно, лаконично и образно говорит многое об авторе — его мировоззрении, взглядах, бескорыстном патриотизме, подлинной гражданственности.

“Я всегда избегал принадлежать какой-либо одной партии. Потому что признавал только одну партию — Армянскую... Этому следовал неукоснительно, непрестанно и действовал во имя ее настолько, насколько и как понимал мой ум и диктовало и требовало мое сердце, — замечает Чалхушьян. — Вот почему когда деятели, принадлежащие ко всем партиям, стараются обустроить, построить наш, жаль, вечно полуразрушенный очаг, — они любимы мною, приятны, мои друзья и товарищи”.²⁵

Публицист подчеркивает, что признает “реальную политику”, учитывающую “время и обстоятельства”, и считает, что в современных условиях “вне армянства нет спасения” для армян, “патриотизм — это вопрос самосохранения”. Чалхушьян верит в свою нацию, в свой народ, в его будущее, в его возрождение. Его не удручает, что народ “погряз в пороке, темноте, невежестве”, поскольку “эта нация сохранила в себе свой талант, свой гений, свои притягательные особенности”, поскольку эта нация может быть той “культурной силой”, которая “подстегнет усилия и труд” армянских деятелей, “излечит порок, рассеет мрак, распространит просвещение и науку, даст силу, душу и жизнь замученному, истерзанному народу и разовьет его талант — это не будет напрасно, а увенчается успехом”.²⁶

Разумеется, все вышеуказанное относится не к российско-османским армянам, которые под сенью России имели возможность не только безопасного физического существования, но и процветания и приобщения к европейской культуре, образованию, развивали собственную литературу, искусство, просвещение... Вся боль Чалхушьяна — положение армян в Османской империи, в Западной Армении: “Вот просыпаются от долгого, тяжелого сна шесть вилайетов, папа обетованная страна, вилай-

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, с. Б-Г.

сты, которые так нуждаются в просвещении, науке и, что главное, в материальных средствах – для развития экономической жизни, чтобы воспрепятствовать губительному для нации безвестию. Какая великая и тяжкая борьба перед нами, незнакомая европейцам. Этой борьбе нужны силы всех нас, деятельность всего народа. Нужна большая работа, нужна вера в эту работу. Только умный, честный, чистый, незапятнанный патриотизм может внушить нам подобную веру.

Умный патриот должен исследовать среду, соседние нации, их прошлое, настоящее, их литературу, культуру – чтобы соревноваться с ними. *Честный* патриот должен постараться вывести вперед национальную культуру, должен избежать вырождения, не забывая вместе с тем, что все народы – братья, значит с уважением, с любовью, с терпением он должен относиться ко всем нациям.

Когда он утолит жажду и голод нашей нации, тогда он поспешит помочь и чужим. И никогда ранее! Патриотизм, да, ныне – вопрос самосохранения. Для этого самосохранения нам необходимы: в первую очередь *язык*, затем *церковь*. Так понимали Абовян, Раффи, Гамар-Катинца. Так понимаем и мы”.²⁷

Заметим, все общественно-патриотические начинания Гр. Чалхушьяна преследовали вполне определенные, направленные на пользу нации, цели. Сборник “Мысли, думы, лица” – это не лишний повод для “самоутверждения” достаточно хорошо известного в новонахичеванской и кавказской армянской среде деятеля. Издание публицистом своих избранных статей также преследовало вполне конкретную цель – на ожидаемую выручку от продажи книг материально помочь так называемым “марава”.

“В тяжелой атмосфере Турции, – пишет Гр. Чалхушьян, – ныне, когда благодаря высокому покровительству Российского Императорского правительства наконец-то принята скромная программа для улучшения положения наших живущих в Турции братьев, значительная часть этих наших братьев продолжает влачить... тяжелую, постыдную, подлую жизнь выючного живот-

²⁷ Там же, с. Г.

ного. Это “марава”. “Марава” – означает раб, слуга, “есир”.

Часть армян, чтобы спасти себя во время резни, сдались туркам, курдам, стали их рабами, слугами, “марава”... Курды и турки “*покровительствовали*” им, “*рассчитывались*” за них, став их кредиторами, князьями, настоящими *ага*.

Лишенные каких-либо человеческих прав, “марава” должны были служить как бесправные рабы, в качестве четвероногих, обрабатывая поля турок, курдов – до тех пор, пока не возместят долг, который все рос, отдавая и даже делая невозможным миг желанной свободы.

“Маравство” для наших армян ужасно постыдно, тяжкий проступок, вольшой и неискупимый грех. Невозможно спокойно жить, есть, пить, спать, когда часть нашего народа – рабы, слуги, “марава”...

Пусть единственной ценностью моего труда будет то, что весь его результат полностью пойдет на благо вольшого, святого и главного дела – свободы “марава”.²⁸

Обращаясь к своим более благополучным соотечественникам в России, на Кавказе, “к стару и к младу”, автор сборника призывает помочь и помнить о несчастных “марава”, которые лишены всяких человеческих прав и, будучи такими же армянами, стали выючными животными для диких курдов и турок... Чалхушьян страстно призывает служить делу искоренения этого “постыдного для всех армян” явления, сделать “марава” такими же свободными, как они сами.

Разумеется, вряд ли выручка от продажи книги могла оказать существенную помощь и освободить хотя бы десяток-другой “марава” в далекой Турции, но важно было то, что российские армяне, да и тем более русские, узнали о самом явлении как таковом, ужаснулись правам в дикой, азиатской стране, растаптывающей человеческое достоинство более культурного, более развитого народа, низводимого до уровня выючного животного... Публицист исподволь, непазойливо давал понять цивилизованной Европе и России, что пора серьезно обратить внимание

²⁸ Там же, с. Д.

на единоверную нацию, стонущую под невыносимым игом варваров...

В статье “Как я стал армянским писателем” Чалхушьян рассказывает о своем знакомстве и близости с видным на Кавказе деятелем Григором Арцруни и воздействии редактора “Минака” на его судьбу и творческую жизнь. Это примечательная публикация с точки зрения характеристики нравственных взглядов автора-патриота.

“Мы можем ошибаться. Кто не ошибается? – пишет Чалхушьян. – Ошибка не грех, простительна. Надо быть, оставаться искренним, всегда искренним, и когда берем в руки перо, мы должны уподобляться высокому служителю святого храма – с крестом в руке, стоящим перед алтарем. Свят алтарь, свята печать. Нужно неподкупно, чистосердечно служить ей... Честная печать – прекрасное царство, а перо – корона для понимающего и ценящего”.²⁹

В новогодней статье 1914 года – “С Новым Годом!” с подзаголовком “Будем жить, действовать и верить”³⁰ писатель-патриот вновь и вновь пытается воздействовать на общественное мнение, “будоражит” его своими пламенными строками о положении нации, о ложных приоритетах и смехотворных амбициях: “Мы так боимся показаться глупцами в глазах чужих, мы так хотим числиться культурным народом, мы так резво бежим за хвостами всех новостей и всю жизнь тратим усилия, пытаемся приобрести свидетельство... свидетельство разума, чтобы мир знал, что мы – вольшого ума... и умираем так... глупо... как простые глупцы... Во имя этого свидетельства мы делаем столько много глупостей. Глупостей, главная и опасная из которых – наше неверие. Мы ничего не признаем и ничему не верим. Нация невежественна и должна оставаться невежественной... у нас нет будущего... наши действия напрасны... энергия лишняя вещь, все равно ничего не выйдет... мы пропащие... не стоит бороться... мы граждане всего мира... Вот что мы говорим, думаем и

²⁹ Там же, с. 8-9.

³⁰ Там же, с. 15-19.

проповедуем. Подозревать, сомневаться, колебаться, гадать – самое худшее, чтобы... ничего не делать и не действовать...

Не действовать вчера, сегодня и завтра, никогда не действовать, всегда дремать, всегда мечтать, убегать и избегать дела как сатаны, потому что... все равно... ничего не выйдет... напрасный труд... вот наша жалкая вера... прошлых лет, десятков лет... потерянного времени, когда можно было сделать столько дел... Какая великая потеря, какая великая потеря для нашей нации...”³¹

Вспомним, что эти строки написаны Чалхушьяном еще в преддверии Первой мировой войны, но уже после отпугивших вулканских войн, принесших освобождение от турецкого ига некоторым европейским народам. Именно эти победы вдохновляют армянского деятеля и призывают интеллигенцию и массы к действию, к вере в торжество справедливости, наконец, и для армянского народа.

“Рожденный умным, наделенный природным талантом, в нынешней нашей атмосфере армянин настолько старается показаться умным, что делает глупости, глупо живя, глупо дремля и глупо умирая... – рассуждает публицист. – Среди этих глупостей самая глупая та, что мы отрицаем патриотизм, смеемся над ним, стараемся быть, казаться космополитом, считая самым последним ругательством фразу “настоящий армянин”, совершенно забывая наши обстоятельства, которые не позволяют даже издали сравнивать настоящего армянина с настоящим русским, не понимая даже всю ничтожность и беспомощность подобного сравнения... Не эта ли причина, что армянский талант, считая себя сыном и гражданином всего мира, – боится служить делу армянства, а армянский богач не думает об армянине и дает свои суммы всем народам без исключения, в то время как среди чужих нет страдающих, помогающих, опекающих нас – армян...”

И вновь, как и в других своих выступлениях в печати, Чалхушьян считает, что *патриотизм для армян* в сложившихся условиях – “*вопрос самосохранения*”. Разумеется, считает он,

³¹ Там же, с. 15-16.

когда эти условия “исчезнут, кончатся, уйдут”, патриотизм окажется лишним, но сейчас он “*необходим*” (подчеркнуто нами. Р. Б.).

Публицист сравнивает положение армянского народа с ребенком, которого родные родители забили и не кормят, думая о пропитании и существовании чужих детей... Конечно, кормить можно и чужих детей, но тогда, когда сыты свои... В противном же случае родители уподобляются вору, потому что воруют у собственных детей. И так написано в Библии. Это же, по мнению Чалхушьяна, говорят и человеческая совесть, справедливость и закон. “Наш народ находится в положении грудного младенца — по сравнению с другими счастливыми и сильными нациями”, — замечает он и дополняет сказанное удручающей картиной реальной действительности: “Посмотрите на него: в темноте, невежественный, неграмотный, жертва тысячи и одного предрассудка и порока, являющихся плодом его жалкого положения — рабства под игом Турции и Персии, — голодный, жаждущий, лишенный помощи, с непокрытой головой, босой, с ветосью на плечах, не прикрывающей его наготы и не защищающей от холода и сырости, — он стоит перед нами и дрожа протягивает свои руки, просит, ждет, с холодным потом на трудовом лбу, с солеными слезами в усталых глазах, молча — этот великий немой... И я скажу: тот армянский талант, тот армянский богач, который не видит этого бедного ничтожества, не понимает этого многозначного молчания, не думает о его возрождении и не ставит свой талант и имущество на службу ему — этому великому немому, а дает чужому, как мать, которая отрывает грудь от рта своего ребенка и дает ее чужому, такой ворует, да, ворует у нации, у родного народа...”³² Публицист выражает свое презрение к подобным “талантам” и “богачам”: “Прочь от нас, и вместе с ними мы вынесем свое время...”.

В заключение Чалхушьян призывает свой народ изгнать из своей жизни “омертвелость, бездействие, неуверенность” — “трех демонов”, которые властвуют и царствуют над мыслями и

³² Там же, с. 17-18.

сердцами людей. В то же время автор убежден, что надо верить в народ, в нацию, в его жизнеспособность, в его будущее, надо жить для народа. Заметим, за несколько лет до этого Чалхушьян пишет статью, связанную с аданскими и зейтунскими событиями (“Что делать?”), в которой, в частности, замечает: “Конституция была стерта армянской кровью, надо было задушить конституцию в той же армянской крови. Султан приказал разрушить наши дома и уничтожить наш народ”...³³

Как бы успокаивая родной народ после всех обрушившихся на него несчастий, Чалхушьян в этой статье призывает залечивать свои раны со стойкостью, свойственной армянам, — снова строить, собирать сирот, трудиться, просвещаться... Как видим, нет и намека на призыв к вооруженному сопротивлению поработителям (статья 1910-го года!). Автору кажется, что “трудом” и “просвещением” можно еще залечить раны... Впереди еще балканские войны, которые впоследствии резко изменят тон и направление мыслей писателя и публициста. И в этом мы убедились по некоторым вышеприведенным работам.

В 1913 г. в статье “Мы не отчаялись и никогда не будем отчаиваться”, в ряду других интересных выводов, находим примечательную и, пожалуй, актуальную и в наши дни мысль: “Нация — целое: одно тело и одна душа. Есть армяне, нет бакинцев, ескатеринодарцев, нор-пахичеванцев — есть армяне, только армяне. Во имя веры нельзя их делить, уж куда там во имя городов...”. Чалхушьян уверен, что будущее нации не в колониях, а в исторической Армении, в обетованной земле, где “страдают, мучаются шесть вилайетов...”. Правда, недоумение вызывает следующая фраза: “... Баку, Тифлис и Ереван рано или поздно, может через сто, через двести лет также станут могилами армянства...”³⁴ Если, действительно, столицы Азербайджана и Грузии не через “сто, двести”, а всего лишь через несколько лет, уже в советские годы, потеряли свое былое значение как центры средоточия армянской общественно-политической и культурной

³³ Там же, с. 23.

³⁴ Там же, с. 47.

жизни, что вполне естественно (на чужой почве трудно долго продержаться и процветать), то странно, что Чалхуньян в одном ряду с ними видел и Ереван – административный и духовный центр Восточной Армении, находящийся в Араратской долине – сердце, колыбели армян с библейских времен! Впрочем, вряд ли патриот и публицист не осознавал и не понимал этого: просто в этот сложный период истории надо было заострить внимание именно на западных армянах, на Западной Армении. Именно названия Эрзерум, Ван, Муш, Зейтун заставляли сильнее биться сердца армян во многих уголках мира, а молодые, сильные мужские руки тянулись к оружию во имя освобождения замученного и систематически истребляемого народа...

Среди публицистического наследия Гр. Чалхуньяна особое звучание имеют выступления, связанные с зейтунскими событиями (св. “Кусок хлеба зейтунцу”, 1910). В одноименной статье читаем: “... Судьбы народов похожи на судьбы людей. Есть великие, сильные, счастливые нации со славным прошлым, блестящим настоящим и прекрасным будущим. Для них нет наказов, законов: наказы они сами диктуют, законы они сами пишут. Любят ли их? – не думаю, не знаю, но их любви стараются удостоиться все...”

Мы, армяне, из несчастных народов. Числом малые, эмигранты, рассеянные, как евреи, мы теряем свои добродетели, самосознание, и если вдали от родной земли, на чужбине, – удостоиваемся уважения, любви, равенства, мы ассимилируемся, развращаемся, уничтожаемся. А в тех местах, где еще не ассимилировались, не ассимилируемся – с тяжелым крестом на слабых плечах – мы поднимаемся на свою Голгофу с утра до вечера, из года в год, поднимаемся непрерывно, не достигая вершины... Наше прошлое? Разве не резня? Наше настоящее. Разве не резня и голод? Каким же будет тогда наше будущее?

Будущее будет дитя голода и резни – наше уничтожение, если мы предадим завещанию напу добродетель, особенности и пренебрежем наш язык, веру и лучшие идеалы”.³⁵

Горька жизнь несчастного и его успокоение – в грезах, замечает писатель. “Во сне он забывает голод, жажду, боль своих ран и мечтает о счастье... И для кого из нас Зейтун и зейтунцы не были таким прекрасным сном?” Колыбельной песней были для армян Зейтун и зейтунцы, тот самый Зейтун, где ныне властвуют царь-Голод и тот зейтунец, что сегодня лишен простого куска хлеба.

“В Зейтуне голод... – с тревогой пишет Гр. Чалхуньян, – голод, чья резня страшнее содеянного людьми и зверьми, голод, от которого невозможно спрятаться, убежать. Он входит в плотно закрытые двери, проходит через высокие стены, доходит до вершин гор, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни стариков... И свободолюбивый и храбрый зейтунец, который в тяжелые дни наших несчастий был привлекательной песней нашей колыбели, был для нас успокаивающим душу, прекрасным сном, данным нам если не как счастье, но хотя бы как успокоение, сегодня, голодный, протягивает к нам свою дрожащую руку”.³⁶

Публицист призывает помочь своим голодным, нагим соотечественникам, “утереть их слезы”, спасти от когтей неотвратимой смерти... Призывы к армянству, особенно южнороссийскому, звучат и в других статьях (“Помощь зейтунцам”, “Помогите”, “42 рубля 50 коп.” и др). Автор их обращается особенно к тем армянским богачам, которые оказались довольно прижимистыми в выделении средств для голодающих в Турции соотечественников. “Они жаждут хлеба, – пишет Чалхуньян, – и мы даем им камни... даем им хуже чем камни, мы говорим... Слова, слова и слова. Есть ли среди нас преданные деятели? Где они? Неужели мы умеем только говорить: почему же мы удивляемся, когда народ изменяет вере. Что мы сделали для этой нации? Ничего”.³⁷ Не без огорчения и усмешки он замечает, что, например, в Тифлисе за три месяца было распродано “всего на 42 рубля 50 коп.” изданного с благотворительной целью сборника “Кусок хлеба зейтунцу” – “мучительно на сердце” и “мы теряем напу веру”. “До

³⁵ Там же, с. 120-121.

³⁶ Там же, с. 121-122.

³⁷ Там же, с. 114.

каких пор мы должны просить, умолять, попрошайничать во имя нации?” – вопрошает Чалхушьян и как бы между прочим сообщает, что собранные и пересланные в Константинопольский патриархат 1500 рублей “выкляпаны” в Нор-Нахичеване и Ростове...³⁸

Примечательна статья “Василий Немирович-Данченко и Пьер Лоти”³⁹, вичующая нравы европейского деляги от политики и приветствующая подлинно гражданскую позицию русского интеллигента... Чалхушьян в ней, в частности, пишет: “Василий Немирович-Данченко и... Пьер Лоти”. Первый – известный русский писатель и публицист, второй – столь же известный французский писатель и публицист. Лица обоих обращены сегодня к нам – армянам. Лицо Василия Немировича-Данченко улыбается. В доброй, дружеской улыбке мы видим искреннее уважение, любовь, доброжелательность и сочувствие. Пьер Лоти смотрит на нас строго, грубо, враждебно, со злобой в сердце, двуличием в глазах. Пьер Лоти, француз, талантливый сын прекрасной Франции”.⁴⁰

Едко, иронично армянский публицист замечает, что давно знал, что “во Франции пресса издавна подкуплена”, а мы, армяне, “бедны” – у нас нет золота подкупать и французская печать не защитила нас и не защитит. Давно знает он и о том, что Франция предала завеннию свою старую историческую традицию защитницы христиан и креста на Востоке и не поможет нам... “И тем не менее, – пишет Чалхушьян, – с детских дней в наших сердцах глубоко засела и внедрилась особая любовь к Франции и французам... как всегда мы радовались всем ее успехам, победам...”

И вот “один из талантливых сыновей” этой Франции заговорил об армянах и “дважды солгал”: когда в “Жиль Блаз” защитил Турцию, усмотрев причину ее поражения в армянских “плохих солдатах”, хотя сами турки признавали преимущества

³⁸ Там же, с. 115.

³⁹ Там же, с. 219-223.

⁴⁰ Там же, с. 219.

армянских войцов; когда в “Дейли телеграф” распространялся о том, что вроде бы в Адрианополе болгары обещали армянам оружие в обмен на уничтожение ими греков...

Отвергая гневно эти измышления, Чалхушьян заявляет, что армяне всегда любили болгарских братьев и с радостью боролись бы вместе с ними против турок, но “болгары – не разбойники” и не намерены были убивать мирных турок. Но если даже болгары хотели бы резать турок, “мы бы не последовали их примеру”, тем более, что армяне “никогда не были врагами греков”, “мы любим, уважаем их и всегда радуемся их победам”.

Армянский публицист напоминает всем: “Я бы сказал, Библия нас учила не этому. Еще в объятиях язычества и идолопоклонства, за тысячи лет до заповедей Библии, мы всегда были миролюбивым элементом, далеким, очень далеким от воровства, грабежей, развоя, убийства. История прекрасно свидетельствует об этом на своих страницах”.⁴¹

Пьер Лоти, убежден Чалхушьян, продался, как Иуда, за тридцать сребреников... Лоти предал “целый народ”, “жалкий”, “несчастный”, “исчезающий” – благодаря “систематической резне”, “мучающийся”, каждый день “по капле” проливающий кровь и “каждый день поднимающийся на крест на вершине своей Голгофы”. “И что же надо получить, чтобы предать завеннию все эти преступления и подвиги? – вопрошает, негодуя, армянский патриот. – Что должен был получить Пьер Лоти, чтобы свой божественный талант, гений поставить на службу тяжкому и грязному делу оправдания, обеливания бесконечных преступлений турок и курдов?” И не надеясь получить ответ, обращается к совершенно иному портрету: “В то время как Пьер Лоти бесстыдно плюет в наш уставший, вспотевший лоб и везжадостно вьет по мокрым от бесконечных слез щекам, вдруг выступает Немирович-Данченко с интересной статьей “Клевета на смарку” в 263-м номере “Русского слова”. Он не говорит, он поет прекрасную, чудную, исцеляющую песнь, которая успокаивает волю нашего сердца, горести и дает полную надежду ды-

⁴¹ Там же, с. 220.

шать, жить, работать, — пишет Чалхушьян. — И какой красивый язык. Мы знаем этот язык, привыкли к нему, любим. Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский, Чехов, Герцен, Ткачев, Некрасов, Некрасовский, Немирович-Данченко и другие, известные русские писатели, публицисты, которых мы усвоили, полюбили и не забывали, предавали даже в холодные, жестокие дни Величко и Суворова, когда не оставалось грязи, которую не лепили бы нам в лицо, так, как это делает ныне академик Пьер Лоти...”⁴²

Армянский публицист заворочен “объективными”, “свободными” словами русского интеллигента, этим “бальзамом на наши раны” — они жгут “уставшие, истерзанные сердца и сдвигают огромные горы, те огромные горы, что разделяют народы, сев между ними взаимную ненависть, злобу и вражду. В его песне слышится одна прекрасная мелодия — что народы — братья, та мелодия, которую мы с гордостью считаем своей, потому что издавна армянская печать, армянский писатель, армянский публицист пером и делом проповедовали мир между всеми соседними народами, взаимную любовь, благожелательность и общую деятельность во благо единой родины, где живем веками и удостоились доверия и покровительства”.⁴³

Сравнивая в своей статье эти два образа-антипода, Чалхушьян продолжает свои рассуждения.

Член Академии Пьер Лоти оказался не жалким Иудой, предавшим за тридцать сребренников, — он великий Иуда, предавший интересы малого народа. “Не тридцать сребренников получают великие Иуды, — пишет Чалхушьян, — они не пожалеют и купят веревки, чтобы повесить, к удовольствию турок и курдов, эти кие незащищенные, покинутые народы, как мы, и когда они умрут, их могилы украсят богатыми надгробными памятниками, и лживые слова этих надгробий расскажут потомкам о лживых делах, сотворенных покойными великими Иудами — для сохранения чести прекрасной Франции, чести Франции...”

На нее я бы вылил только одну каплю армянской крови,

⁴² Там же, с. 221.

⁴³ Там же, с. 222.

чтобы Пьеры Лоти и их прекрасная Франция, наконец, узнали, что и кровь армян красная...

Эта красная кровь льется по капле веками, каждый день, каждый час — руками воров-разбойников турок и курдов, и миролюбивая и талантливая нация, которая еще в четвертом веке приняла христианство, сегодня исчезает, умирает, погибает под оком цивилизованной Европы — во славу, к чести и радости Пьеров Лоти... Льется веками эта святая кровь, а различные талантливые и весталаные Пьеры Лоти своими подкупленными верьями лгут, сплетничают, клеветают на нас и перед всем миром пытаются очернить нашу красную кровь... Великие Иуды...”⁴⁴

“Два талантливых сына двух талантливых народов” обратили на армян внимание: русский писатель и видный общественный деятель Немирович-Данченко проявляет к ним “искреннее уважение, любовь, доброжелательность и сочувствие”, французский академик “бранит, предаст, продает, как Иуда”...

Гр. Чалхушьян презирает подлых Пьеров Лоти, которые “роют пропасти между народами, гнусные преступления проповедуют как святыню, а святыню толкают в грязь, растаптывают и стараются доказать просвещенным европейцам, что армянская кровь не алая, а черная, черная, как совесть и душа подлых Лоти...”⁴⁵

Эта волнующая и эмоциональная статья в связи с Армянским вопросом, опубликованная в “Мшаке”, вызвала положительную реакцию в обществе. А сам В. Немирович-Данченко, в частности, писал Чалхушьяну: “Дорогой и многоуважаемый друг, я очень благодарен за те несколько прекрасных строк, что напечатали в “Мшаке”... Питаемые мною к армянскому народу симпатии лишь одна сторона правды. Этот народ особенно близок моему сердцу потому, что я сам наполовину армянин. Ведь моя мать армянка — Ягубян”.⁴⁶

Гр. Чалхушьян, как истинный патриот и верный сын сво-

⁴⁴ Там же, с. 222.

⁴⁵ Там же, с. 223.

⁴⁶ Там же, с. 224.

его народа, чутко следил за всеми событиями, имевшими хоть малейшее отношение к положению турецких армян, к событиям в Западной Армении и, как правило, откликался в печати или в выступлениях как на положительное, так и отрицательное в европейском общественном мнении по Армянскому вопросу. Помимо вышеприведенного, еще одно свидетельство тому – статья “Поцелуй, только один теплый поцелуй”, написанная еще в преддверии Первой мировой войны, в 1913 г., в связи с кончиной другого француза, но на этот раз “благородного” сына Франции – публициста Пресансе, который на протяжении последних десяти лет словно бил в колокол из Парижа и “сверхъестественной силы” удары этого колокола были приятны армянскому слуху: “Потому что будили заснувшую совесть, прощали мозг и напоминали о долге. Долге перед павшими, страдающими, утопающими и умирающими в жестокой атмосфере, перед жертвами, перед жертвами всех народов”.⁴⁷

“Звонарем” этого колокола был публицист Пресансе, который умел тревожить совесть, защищать человечество от зверств и варварства. Характеризуя французского деятеля как защитника не только армянских интересов, Гр. Чалхушьян пишет о его высокой гражданственности и порядочности: “Если в каком-либо уголке мира происходило зло, если в каком-либо уголке мира забывалась человечность, если в каком-либо уголке мира человеческие права растаптывались и насиловались, Пресансе, мужественный звонарь, поднимался на свою колокольню, и слышался звон его колокола, слышался мощно, смело, неотразимо... Человеческое право, человеческие права – вот о чем он звонил.

И этот сладкозвучный набат давал силу малым, слабым и изгонял сон тиранов и сильных. Он опекал жертвы и метил молнии на головы эксплуататоров”.⁴⁸

Приводя в пример “дело Дрейфуса”, Чалхушьян напоминает, что в связи с ним одним из первых подал свой голос и за

щиту еврейского деятеля Пресансе. Дрейфус благодаря мощной волне протестов стал, наконец, свободным гражданином свободной Франции. Связывая этот процесс с “армянской долей”, Чалхушьян пишет, что вдруг “вся Турция стала дьявольской страшной для армянства, и два миллиона армян – два миллиона Дрейфусов – несправедливо арестованных...”. Удивленный Пресансе увидел, что “весь армянский народ – море пота, море слез и море крови”, что армянин “утопает, и не слышно даже крика его – благодаря подкупленным и неподкупным вольным и малым Писерам Лоти... Застыдился Пресансе за честь Франции. Возмутилась его душа, увидев насилия людей-зверей. Он поднялся на свою колокольню и ударил в набат...”⁴⁹

И никогда не был его колокольный звон так приятен и сладкозвучен, столь силен и смел, потому что он “пробуждал уснувшую совесть европейцев”, вызывал их интерес к Армянскому вопросу. Гр. Чалхушьян глубоко огорчен, что “честный, неприкосновенный, мужественный и храбрый звонарь сошел со своей колокольни” и шлет ему “поцелуй, только один теплый поцелуй” в широкий, трудолюбивый лоб, увы, уже охладевший...

“Мужественный звонарь, смельчак Пресансе...”, – заключает свое властящее публицистическое выступление в печати армянский общественный деятель.

Вышеприведенные статьи из сборника 1914 года Гр. Чалхушьяна красноречиво свидетельствуют, что все интересы этого деятельного, энергичного представителя армянской интеллигенции России пронизаны беспредельной любовью к родному народу, его трагической судьбе – особенно в критический период конца XIX – начала XX века.

С началом Первой мировой войны, а точнее с открытием Кавказского фронта русско-турецкой войны осенью 1914 года, положение западноармянского населения Османской империи становится все более угрожающим и чреватым непредсказуемыми бедами. В российских армянских общинах все более возрастает тревога за далеких соотечественников. Григор Чалхушьян

⁴⁷ Там же, с. 225.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, с. 226.

одним из первых предпринимает энергичные меры по консолидации новонахичеванской колонии, мобилизации всех интеллектуальных сил и материальных ресурсов донских армян и в целом юга России, становится в ряды активных организаторов и координаторов добровольческого движения, призванного вместе с русскими войсками способствовать освобождению родного народа от ненавистного турецкого ига. Одесский журнал "Армяне и война" в своей корреспонденции сообщает из Ростова и Нахичевана-на-Дону: "Деятельность местных армянских комитетов развивается с каждым днем. Благодаря энергичному руководству председателем Ростовского комитета прис. пов. Г. Х. Чалхушьяна удалось собрать на нужды армянских добровольческих дружин и беженцев очень крупную сумму".⁵⁰

Вместе с плодотворной организаторской деятельностью Чалхушьян продолжает активную публицистическую работу – его боевое и острое перо писателя-патриота будоражит, воодушевляет и призывает к действию армянский народ.

В статье "Кровавый год" Гр. Чалхушьян овозревает армянскую трагедию 1915 года:

"Медленно, тяжело шел кровавый год для армянской страны. И обычные, невеселые, кошмарные, короткие наши дни сменились одной вольшой, темной, беспросветной и бесконечной ночью.

Геройский народ, переживший в течение тысячелетия всякие ужасы, всякие варварства вплоть до лицемерия Европы, которая во имя своих интересов терпела существование турок и курдов и вездомовно взирает на наши страдания, геройский народ, внесший свою немаленькую лепту в сокровищницу культуры человечества, теперь весь в крови и сотни тысяч безымянных могил страдальцев-армян обозначают тяжелый, бесконечный путь на Голгофу, которая еще так далека от нас!

Мы привыкли к этим кровавым годам. Они бесконечной вереницей идут по пожелтевшим, запыленным страницам нашей истории. Всегда они оставляли большие, длинные, страшные

следы. Но этот, последний, в особенности был *кровавым*..."⁵¹

Далее, говоря о том, что далеко от фронтов, в тылу, у людей нервы "притупились", многие "равнодушны, черствы к судьбе павших в боях или умученных жертв настоящей войны" и словно танцуют "мрачный танец на обширном кладбище, не смущаясь могилами и мертвецами, близкими, дорогими, погибшими за святое и великое дело", публицист вопрошает, будет ли конец этому "особому верхоглядству"... В мирных российских городах – веселые звуки оркестра, легкомысленные речи и танцы... Жизнь есть жизнь... "А в далекой от нас стране армян, где ночь бесконечно распростерла свои крылья, армян режут, режут сегодня, как резали вчера, как резали неделю, две недели, месяц, год и годы назад... Кончился этот ужасный, кровавый, старый год. Но плохо, что за ним пришел другой, такой же кровавый, такой же ужасный, когда уже некому оплакивать жертву, некому одевать траур и некому плакать!.. Будет ли конец и ему? И что готовит нам колесница истории впереди?..."⁵²

"Война захватила армян и понесла в своем бурном водовороте, – пишет патриот в другой статье, призывающей помочь семьям армянских добровольцев, которых война лишила кормильцев. – Она их бьет, хлещет, истребляет сотнями тысяч, словно грозный смерч, разметая и превращая в пустыни цветущую страну трудолюбивых пахарей. В стройной системе, по выработанной ранее программе, с дьявольской энергией и последовательностью хищник-турок и дикарь-курд вырезают армян поголовно с благословения и одобрения высококультурных немцев, "лучшие" умы которых... эту кровавую баню одобряют. Но, удивительно, – вместо ужаса отчаяния, вместо паники, упадка сил, страха и растерянности, тысячами и тысячами стекаются новые борцы, и новые силы зарождаются в усталых и измученных сердцах и новые мечты встают, кружатся, окрыляют, оживляют армян-войцов..."⁵³

⁵¹ Армянский вестник, 1916, N 2, с. 8.

⁵² Там же, с. 9.

⁵³ "В пользу семейств армян-добровольцев". - Там же, N 5, с. 6.

⁵⁰ Армяне и война, 1916, N 1, с. 23.

Чалхушьян, обращаясь к своим соплеменникам, в том числе и в колониях, надеется с помощью частной благотворительности “вернуть долг” “славному добровольцу” — “за кровь, которую он проливает, за раны, которые он получает”. “Честь нашей страны, честь каждого из нас, и бессмертная слава, которой покрывается наша родина, благодаря доблести, мужеству, отваге и самопожертвованию этих дорогих, славных добровольцев, озаряет своим блеском и нас... И сколько бы вы ни дали, вы не покрываете за раны, за кровь, за холодные, сырые окопы, тяжелый, святой труд, молодую жизнь...”⁵⁴

В дни Всероссийского армянского съезда в Петрограде Григор Чалхушьян писал в “Армянском вестнике”: “Армяне к делу обороны страны в текущей войне отнеслись чрезвычайно серьезно и вдумчиво, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Помимо засвидетельствованной историей преданности армян русскому делу, на этот раз здесь играло большую роль еще другое обстоятельство. Слишком памяты были благородные усилия русской дипломатии в пользу облегчения тяжелой участи зарубежных армян. С объявлением Германией войны... на всем необъятном пространстве России армян без различия направления охватил могучий энтузиазм, и все горело одним желанием помочь государству в его борьбе с врагом. Когда затем началась турецкая кампания, воодушевление армян достигло высшего напряжения... тысячами армяне-добровольцы отзывались под русские знамена, и новые силы зарождались в усталых и измученных сердцах армян”.⁵⁵

Далее публицист напоминает, что “в общем порыве сочувствия государственному делу” армяне не остановились ни перед какими жертвами и со временем история “беспристрастно”, “внимательно” пересчитает все жертвы армян, а “общество увидится, что армяне принесли на алтарь отечества в этой войне все, что только могли”.

Григор Чалхушьян говорит об ужасном положении ар-

мянских беженцев, которые в результате отступления российских войск на отдельных участках русско-турецкого фронта вынуждены были оставлять насиженные места: “Армяне, которые встречали русские войска торжественно, из боязни мести должны были поспешно очищать свои очаги, причем одни не успевали это делать и являлись жертвами насилия курдов и турок, другие же за отсутствием перевозочных средств и провианта терпели невероятные лишения, и когда волны беженцев хлынули к Эчмиадзинскому монастырю, положение их оказалось ужасным...”⁵⁶

Разумеется, признает публицист, армянское общество широко откликнулось на призыв католикоса всех армян, но поддержать на частную благотворительность сотни тысяч беженцев не представлялось возможным: “бедствие оказалось настолько грандиозным, что частная благотворительность не могла помочь всем пугающимся... правительство... широко откликнулось на армянское бедствие, стало помогать и армянам, в сущности пострадавшим за свою преданность русскому делу”.⁵⁷

По мнению Чалхушьяна, армянский съезд и должен решить “ряд серьезных задач”, выдвинутых войной, и в первую очередь сложные вопросы, стоящие перед беженцами. Авторитетным органом, координирующим деятельность благотворительных организаций Эривани, Эчмиадзина, Тифлиса и других армянских организаций России, и является созданный съезд, с которым видный общественный деятель связывает большие надежды.

Великолепен по своей эмоциональной силе и лаконичности очерк “Кери (Венок на могилу героя)”, написанный вслед пришедшему скорбному известию о гибели всенародного любимца, легендарного гайдука.

Гр. Чалхушьян пишет: “Короткая телеграмма Армянского бюро... о смерти в бою Кери как короткий удар острого ножа кольнула меня прямо в сердце и стало мне вдруг невыносимо

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Армянский вестник, 1916, N 18, с. 6-7.

⁵⁶ Там же, с. 7.

⁵⁷ Там же.

больно и тоскливо не за героя, не за его семью и его близких, а за тех обездоленных армянских вдов, сирот и старцев, защитником которых он являлся. И Кери вдруг встал передо мною во весь свой рост с мужественными чертами энергичного лица, с орлиным характерным носом и густыми бровями, нависшими над орлиными глазами, мечущими искры в минуты гнева и раздражения. Слегка он был сутуловат, словно погнулся, как крижистый дуб, растущий на скалистой вершине армянских гор...”⁵⁸

“Кери” значит дядя, продолжает знакомить читателя с героем Чалхушьян. Это было его прозвище; настоящее имя — Аршак Кафафян, шорник родом из Эрзерума, лет за пятьдесят, с юных лет числившийся в рядах гайдуков, мечтавших о свободе, равенстве, братстве народов. В 1895-1897 гг. в отряде Андраника в Сасуне и в Персии, в пору армяно-татарской резни на Кавказе, он организует самозащиту армян, ограждая их на местах от войны. В Персии — он рядом со знаменитым Епремом, “который всецело управлял судьбами Персии, внося порядок и закон в этой стране, так близкой к развалу”. С гибелью Епрема его место занимает Кери. Простой шорник делается шефом жандармерии и командующим действующей армии конституционалистов. С объявлением войны Турцией и по первому зову Армянского бюро он уже в Тифлисе. Во главе армянской добровольческой дружины он сражается против турок, воевал в Персии, шел на Багдад и... по дороге, в бою, сложил свою голову.

“Какая жизнь, богатая приключениями, простого шорника, вознесшая так высоко к славе и бессмертию, — пишет Чалхушьян. — Много раз он рыскал один, рыскал и со своими товарищами в этой бессудной стране, называемой Арменией. Он зачастую видел матерей и жен обездоленных, нежных девушек, уводимых в плен, стариков умученных, детей вырезанных. Много несправедливости, лжи, обмана, коварства, изуверства видел на своем веку Кери. Много видел Кери своими глазами. Многих разбойников и насильников он сам наказал своей рукой

Но то, что он видел в прошлом году (имеется в виду 1915 год. — *Р. Б.*), он не видел никогда. Эти горы тел умученных сотни тысяч армян, эти цветущие села, превращенные в пустыни, эти алтари оскверненные и святыни поруганные — все это не поддавалось никакому описанию. Погнулся еще больше, еще ниже Кери, как крижистый дуб армянских горных вершин от урагана, и только глаза засверкали гневом и он молча повел свою дружину в бой, уничтожая врагов своего народа и каждым шагом вперед приближая его к рассвету бледной зари, свободы, тускло мерцающей еще так далеко! И вот в бою, смертью славных почил герой... Нет места слезам на могиле героя! Уверите ее цветами и низко-низко склоните свои головы перед этим шорником-героем, слава которого отныне будет сверкать на челе моем, вашем и всего нашего народа!”⁵⁹

В очерке “Длинен еще путь нашей Голгофы...” Гр. Чалхушьян дает посвящение: “... всем, которые забыли Бога”. И все последующее повествование свидетельствует, сколь, действительно, долг путь к Голгофе, к концу армянских ужасов:

“Не видать конца этим ужасам, хотя мы у пределов их. Поистине чудовищно длинен и чудовищно страшен путь армянской Голгофы, усеянный далеко еще неубранными трупами миллиона жертв. И народ истекая кровью, истерзанный, замученный, среди всех этих лишений, горя, слез и ужасов, превосходящих размерами все то, что выдумало воображение гениального Данте Алигьери, идет, все идет на свою Голгофу, идет без ропота, без жалоб, преданный интересам держав согласия и с верой в свое лучшее будущее, наперекор всему, злой воле людей и народов и всем стихиям. А путь на эту Голгофу бесконечно длинен, и не скоро кончатся армянские ужасы. Маленький культурный народ много пережил этих ужасов и много ему придется еще пережить, пока густой мрак ночи рассеется и заврежет луч прекрасной зари”.⁶⁰

Чалхушьян представляет положение армянских бежен-

⁵⁸ Армянский вестник, 1916, N 19, с. 2.

⁵⁹ Там же, с. 3.

⁶⁰ Там же, N 30, с. 2.

цев, которые, однажды уже возвратясь на свои пепелища в Мупше, Хнысе, Битлисе, Ване, “забыв все прошлогодние ужасы беженства, набеги курдов, вероломство турок, сожженные деревни, смерть близких”, вновь засеяли свою землю, создали новое хозяйство и... вновь “дикие курды и турки, опять беженство”.

“В ужасе плетется на свою Голгофу маленький народ... Скоро ли кончатся армянские ужасы? — вопрошает публицист и сам же отвечает: “Не скоро! Конец не виден. Они как-то беспримельны, неизмеримы обычными мерами человеческих весов”...

И все же Чалхушьян видит и отрадную сторону — это “безусловная вера каждого интеллигентного армянина” в России и каждого турецкоподданного армянина в Турции в конечную победу держав Согласия и в свое лучшее будущее. Он, напоминая известную турецкую позицию о том, что русские — “исторические враги и никакой мир невозможен, пока этот наследственный враг не будет отброшен по ту сторону Кавказских гор”, напоминает читателю и другую истину: “судьбу свою армяне связали исключительно с интересами русских” и на Кавказе и в Турции они были тем элементом, который всегда тяготел к России.

Армянский общественный деятель в то же время не скрывает и оборотной стороны: некоторые бездарные администраторы в России всегда мечтали получить “Армению без армян”, заселить Армению казаками и “искусственным путем обезкровить Армению, удалив армян”...

И тем не менее, убежден Чалхушьян, “армяне будут идти без ропота, без жалоб по начертанному свыше длинному пути на свою Голгофу, с верой в лучшее будущее” и верят, что “если они пострадали много, как маленькие союзники великой России, они не будут забыты, брошены и покинуты в момент распада”...⁶¹

“Ужасы вавилонского пленения евреев, которые описываются ярко в книге Бытия, — размышляет публицист, — ведь эти ужасы существуют теперь, по прошествии нескольких десятков

⁶¹ Там же, с. 3.

столетий, в Армении!”

Взывая к совести соплеменников, под тем же подзаголовком — “Посвящается всем, которые забыли Бога”, Гр. Чалхушьян публикует в очередном номере (N31) заметку “У пределов ужаса”. Она немногословна, но каждое предложение, каждая фраза — это неизбывная боль за страждущего беженца армянина, которого нужно уже “выкупать” — по лире за человека — у курдов и, увы, нет такого армянского богача, который бы сразу бы внес требуемую сумму и тем самым прекратил бы эти “позорные для человеческого достоинства призывы — лиру за человека”...

“Что могут стоить честь, свобода и жизнь человека? Что могут стоить честь, свобода и жизнь... народа? — пишет Чалхушьян. — Такой проклятый вопрос выдвинула турецкая действительность.

Когда по программе младотурок, одобренной германцами, миллион армян сразу подвергся погромам, насилиям, истязаниям, резне и систематическому уничтожению, когда образовались горы трупов, которые долго не убирались, и реки изменили свой желтый цвет и окрасились в красный от алой армянской крови, — заговорила... совесть даже в диких курдских сердцах. Но многих местах остатки армян нашли приют и спасение у курдов. Но курды сами нищие, бедные... И армяне, приютившиеся у них, стали похожи на живых мертвецов. Теперь мы этих армян... покупаем, простите, впрочем, за резкость выражения, мы их выкупаем... И вот в то время, когда мы здесь купаемся в довольстве, в веселии, золоте, там далеко, в затерянных саклях, в убогих палатках, у диких курдов, голодные, почти голые, живые мертвецы, стонут наши братья. Лир за человека!.. Только лиру за человека, чтобы получить свободу, жизнь!.. Это уже пределы ужасов человеческой жизни!”⁶²

Очерк “Дети” — также призыв помочь обездоленным детям Турецкой Армении, оставшимся без родных, которые или вырезаны или уведены в плен. Чалхушьян приводит выдержку

⁶² Там же, N 31, с. 10.

из опубликованной в парижской газете "Le Journal" статьи Анри Барби об армянских "детях-зверенышах": "Бесприютные, беспризорные, эти дети живут в развалинах разоренных армянских деревень. Брошенные на произвол судьбы, они совершенно одичали и потеряли образ и подобию Божье... Дети с голодным рычанием и какими-то чисто животными ухватками рвали руками и зубами мясо с... трупа павшей лошади, от которого шел невыносимый запах. Увидев людей, одичалые дети бросились с дикими криками бежать. Удалось задержать только одного. Несчастный ребенок оказался совсем зверенышем. Он совершенно утратил дар речи и умел только ворчать. Пищу брал только в сыром виде, наврасываясь на нее с диким урчаньем... Таких детей-зверенышей встречается много"...⁶³

Автор очерка сопоставляет детей российских армян "веселых, довольных, счастливых, окруженных вниманием, заботами, ласками и нежной любовью с самой колыбели" и этих "зверенышей", которые пищу верут в сыром виде и потеряли великий, святой дар речи и восклицает: "Боже, есть ли, наконец, пределы и ужасам или они беспредельны, как эти холодные невеса?" Чалхушьяну грустно и не по себе от того, что иные армянские богачи "жестоки" и "черствы", сердца их высушены, "словно кожаные мешки" и они не видят и не желают видеть трагедии этих детей. "Любовь к нашим детям пусть толкает нас к тому, чтобы мы заинтересовались этими несчастными, этими зверенышами..."⁶⁴

10 мая 1916 г. в Петрограде открывается Всероссийский армянский съезд, созванный для рассмотрения вопросов по устройству беженцев-армян Турецкой Армении. В северную столицу Российской империи съезжаются видные деятели, представляющие многие влиятельные и авторитетные организации: Кавказское Армянское Благотворительное общество, Кавказское общество армянских писателей, Армянское Этнографическое общество, "Ннастаматуйц" (Тифлис), Культурный Союз, Че-

⁶³ Там же, N 33, с. 6.

⁶⁴ Там же, с. 7.

ловекολюбивое общество, Общество любителей армянской словесности (Баку), Армянское общество вспомоществования жертвам войны, Совет по управлению имуществами армянских церквей, Армянское попечительное общество (Петроград), Общество армян г. Москвы, Московский комитет, комитеты "Братской помощи" Еревана, Эчмиадзина, Александрополя, Карса, Игдыра, Тавриза и т.д.⁶⁵ Председателем съезда избирается С. Мамиконян – председатель Московского Армянского комитета, в президиуме также присяжный поверенный Гр. Чалхушьян. Прекрасный публицист не менее красноречивый оратор – веская, аргументированная, яркая речь на представительном форуме новонахичеванского депутата произвела сильное впечатление на собравшихся своей эмоциональностью и патриотическим напором.

"Страшное бедствие обрушилось на наши головы, – заявляет Гр. Чалхушьян. – Может быть, общему мировому делу мы оказали и незначительную пользу, зато велики страдания, выпавшие на нашу долю. Война захватила весь армянский народ. Русское правительство не желало осложнений, всячески избегало войны с Турцией, и точка зрения правительственная совпала с нашими желаниями, так как мы боялись погромов и резни. Но возникла война, и началось движение добровольцев, стекавших отовсюду... Тогда началась беспримерная резня, и нам, армянам, осталось только то, что так прекрасно выражается на ивритском языке: "Кричать устами своих раб". В бессудной стране Турции в течение веков мы, армяне, кричали устами своих раб, глубоких, зияющих. Но лицемерие европейской дипломатии заглушало наши крики..."⁶⁶

Оратор надеется, что в Петрограде их услышат русское правительство, "благородное русское общество" и "всегда неподкупная русская печать"... "Это – не крик отчаяния, – замечает Гр. Чалхушьян. – Иногда он будет криком наболевшей души, когда мы будем касаться вопроса о беженцах... когда будем

⁶⁵ См. там же, N 12-13, с. 26.

⁶⁶ Армяне и война, 1916, N 2-3, с. 31-32.

касаться неопределенного положения десятков тысяч сирот, когда будем касаться вопроса о восстановлении разоренных хозяйств... о положении плененных армян...". О положении плененных армян, в частности, выступающий высказался горячо и образно: "Кто здесь, в Петрограде, мне поверит, если я громко заявлю, что положение плененных армян хуже положения плененных турок или курдов? Плененных армян гонят в Сибирь, а о турках заботится турецкое правительство через соответствующие посольства... Армяне же в глазах русских – турецкоподданные, а в глазах турок – союзники русских. Спросят: а где же родственники армянских плененных? Отвечу: одни вырезаны, другие разбежались. Армянство в Турецкой Армении представляется глухим морем, полным крови и слез. Оно выбросило на берег трупы замученных армян. Но мы верим, что эта кровь и эти слезы сольются в общем океане человеческих страданий и будут печальным и позорным достоянием истории народов и веков. Мы верим, что со дна забьют новые родники, и когда воды заполнят пространства, при помощи великодушной России и держав Согласия они выбросят на берег три жемчуга. Пусть название первому жемчугу будет справедливость. Когда турецкоподданные армянам говорят о справедливости, они не смотрят прямо в глаза, ибо им стыдно за человеческое достоинство. Они смотрят вниз, на землю, или вверх, на голубое небо, в котором, по их понятиям, творят эту справедливость. Пусть название второму жемчугу будет право, которое должно заменить шариат, слепой и глухой для армян. Наконец, третий жемчуг, самый важный, название ему – свобода".

Гр. Чалхушьян верит, что эту свободу западные армяне "заслужили и получают" – благодаря содействию великих держав, дело которых считает "святым, правым и нашим"...

В юридической секции съезда он выступает с докладом "О недвижимом фонде для турецкоподданных армян-беженцев", в котором считает необходимым "озаботиться составлением инвентаря всего имущества, захваченного турками и составляющего собственность армян". Армянские владения, по мнению Гр. Чалхушьяна, "не должны более оставаться в руках ту-

рок, они должны быть отобраны и возвращены армянам".⁶⁷

Вряд ли можно считать Гр. Чалхушьяна наивным человеком и недалеким деятелем за его оптимистические взгляды на будущее устройство Западной Армении – успешные действия России на кавказском театре военных действий, занятие большей части территории армянских вилайетов Турции позволили еще в 1916 г. надеяться на окончательное освобождение армянского народа и создание собственного независимого или автономного в составе России государства...

Об этих робких надеждах и разочарованиях и статья "Еле-еле брезжит луч света", появившаяся в ежемесячнике "Армяне и война". Как и прочие, она написана блестяще.

"Среди страшного мрака запустения еле-еле брезжит луч света. Это луч желанной свободы моей далекой страны. Луч весь багровый, но не от робкой стыдливости зари перед восходящим солнцем. На нем отражается причудливо зарево пожаров армянских сселений и море крови, в которой плавают восемьсот тысяч вырезанных армян... Эти пожары, эти гравежи и все насилие, неслыханная резня невинных, тщетно взывающих к холодным небесам, топот, ржание коней турок и курдов, – все так отчетливо, ясно вижу, слышу, чувствую, переживаю... Среди страшного мрака запустения еле-еле брезжил луч света, который теперь погас... И в то время, как в этом мраке льется наша невинная кровь, а сотни тысяч голодных беженцев и малюток-сирот напрасно стучатся в зачерствелые сердца людей, я думаю: "Несей этот тяжелый кошмар, конечно, пройдет... Ужасы кончатся – ведь всему бывает конец, и... счастливая жизнь настанет, настанет для усталых народов... Они опять, как раньше, станут друг другу братьями, забудут весь позор, весь стыд за эту бессмысленную войну и, рука об руку, пойдут по проторенному, теперь забытому, пути цивилизации и прогресса... Одни армяне будут забыты, покинуты, брошены... Широкая, милая, счастливая улыбка жизни скользнет, не осветив и не согрев нас лаской и теплом и вдруг мы, которые больше и дольше всех терпе-

⁶⁷ Там же, с. 34.

ли, страдали, больше всех народов разорены, больше всех пролили крови, хотя и не на полях славной брани, — мы окажемся пасынками, непрошенными гостями на прекрасном пиру народов”⁶⁸.

Гр. Чалхушьян вопрошает: “Многие ли знают про наше страдание? Кто будет помнить о наших бесконечных жертвах и кому нужны миллионы мучеников, которых вырезали кровавые турки и курды?”

Тягостны мрачные предчувствия патриота: “Мучеников всех похоронят. Следы крови тщательно будут смыты, стерты. Несколько красивых, холодных слов, несколько красивых речей и жестов — и все будет забыто и, — кто знает? — быть может, когда мир и благодать будут упрочены всюду и довольные народы братски хором пропоют хвалу небесам, нам, армянам, придется подальше спрятать наши траурные облачения, молча глотать слезы и через силу сдерживать нечеловеческие страдания, чтобы... не мешать общей радости, не вносить диссонанса и не устраивать пира, где мы — чужие, где нам нет места!”

Не без сарказма Чалхушьян замечает: “Быть может, когда от моей дорогой страны и от моего несчастного народа останутся одни могилы, кладбища, руины, мусор и пыль — вежливая европейская дипломатия будет считать остатки моего народа и потребует от нас статистики, точных цифр... для автономии.

Но если наши страдания, жертвы и миллион мучеников за свои надежды, верования и любовь к культуре, к человечеству и к Европе еще не возбудили к себе внимания, сострадания, любви народов, если все наши усилия выбиться наружу из этой тины клеветы, злословия и несправедливости бесполезны, тишины, — пусть наша заря вагровеет, станет пурпурной: я не верю, я не верю, чтобы за ней пришел желанный, светлый день свободы моего народа!.. Луч света желанной свободы моей страны...”

Человек неземной энергии и патриотического накала, Гр. Чалхушьян вудоражит общественность, поднимает ее к осознанию важнейших для того времени проблем: беженцев, пленных и др.

⁶⁸ Там же, N 6, с. 80-81.

В страстном выступлении в печати — “Протянем руку...” читаем: “Среди тысяч обид и ударов судьбы, преследующих армянский народ с самого начала войны до сегодняшнего дня, есть одна обида кричащая и требующая немедленного удовлетворения. Мы бессильны вернуть к жизни несколько сотен тысяч вырезанного населения! Мы бессильны вернуть на родные пепелища несколько сотен тысяч народу, истекающего ныне кровью в далеких и безлюдных степях глухих медвежьих углов Аравии! Мы бессильны восстановить разрушенные и сравненные с землею цветущие когда-то селения пахарей армян. Все это так! Все это так!

Тысячи молодых жизней, тысячи молодых армян-солдат, взятых в плен, в далеких и негостеприимных углах Сибири или на каком-то острове недалеко от Баку, страдают от многих лишений! В селе Спасском, в Никольско-Уссурийске, Хаваровске — вы везде найдете бледных, худых, как скелеты, армян, сестры которых обесчещены, уведены в плен! Разве мы не должны дать им свободу, как даем славянам, итальянцам и дать им возможность вернуться в покоренные теперь земли и предаться мирным занятиям?.. Ведь многие из их братьев среди армян добровольцев несут службу нашему Государству, проливают за него кровь. Кто должен о них заботиться? Кто должен поднять за них голос? Не может быть сомнения, что такой голос будет услышан и томящимся в плену молодым людям, которые перенесли так много, вернут свободу!.. Много у нас обид и ударов судьбы, частью поправимых, частью не поправимых. Но эта обида — кричащая, требующая немедленного удовлетворения”⁶⁹.

Трудно сказать, помогло ли реально это выступление турецкоподданным армянам-солдатам, оказавшимся в русском плену... Но Чалхушьян сделал свое дело...

Озабоченность новонахичеванского общественного деятеля вызывал и другой болезненный вопрос: о так называемых “курдских” землях. В одноименной статье, опубликованной в “Армянском вестнике” в рубрике “Восстановление Армении”,

⁶⁹ Там же, N 7, с. 94.

читаем: “Когда началась настоящая война, с которой у нас, армян, связано столько ожиданий, заслуженных вполне, гр. Воронцов-Дашков согласился на скороспелый и не достаточно обдуманный проект о заселении исконно армянских земель Алан-кертской, Диадинской и Баязетской долин казаками... Мы считаем, однако, полезным и своевременным любителям всех этих проектов сказать, что они глубоко заблуждаются относительно характера, свойства так называемых “курдских” земель. Обычно предполагалось, что армяне “захватят” земли и после войны трудно будет у них отобрать эти земли. Так ли на самом деле? Много ли, действительно, земли у курдов? Ведь все это курдское землевладение – следствие той политики красного султана и младотурок, против которой с таким благородством боролась русская дипломатия... *Нет курдских земель. Это все земли армянские, отнятые обманным путем и насильственным образом дикими курдами при полном бездействии турецких властей, а чаще еще при их содействии и помощи*” (подчеркнуто нами. – Р. Б.).⁷⁰

Далее Гр. Чалхушьян приводит документальные факты из “Оранжевой книги” 1915 года, в частности сообщение русского посла Гирса от 26 ноября 1912 г. министру иностранных дел России о поощрении турецкими властями захвата курдами армянских земель. Автор статьи заключает, что из вышеозначенных фактов ясно, что, во-первых, курды захватывали армянские земли при покровительстве властей; во-вторых, после поражения турок на Балканах мусульман стали переселять в армянские области и армянские земли стали переходить насильственно в руки курдов и турок; в-третьих, армян силою заставляли даже совершать акты о переходах их земель к мусульманам; в-четвертых, российское правительство, “благожелательно относясь к нам”, поддерживало протесты армянского патриарха; в-пятых, “все державы, даже враждебные нам, как Германия, согласились, чтобы пересмотрены были права мусульман на те земли, относительно которых заявляли претензии армяне”.⁷¹

⁷⁰ Армянский вестник, 1916, N 8, с. 12.

⁷¹ Там же, с. 13.

Автор статьи выражает уверенность в том, что “теперь, когда победоносная Россия несет мир, успокоение, культуру в турецкие владения, когда прихода русских армяне ждали, как манны небесной, когда из-за любви и преданности русскому делу мы перенесли так много, называть армянские земли “курдскими” не приходится. Эти земли должны быть возвращены армянам, которые больше не могут быть пасынками и на Кавказе, где они задыхаются от малоземелья... Переселенческие проекты пора сдать в архив”.

Гр. Чалхушьян не мог пройти мимо курдофильской политики самодержавия, которая не замедлила принести свои плоды в ущерб армянам. “Изо дня в день, – пишет публицист в “Приазовском крае”, – все наши газеты полны сообщениями, что курды обстреливают и отрезают русские обозы, нападают на те или другие войсковые части и беспокоят наш тыл, вселяя ужас в мирных округах и внося дезорганизацию в военном отношении. Но что всего хуже, – это то, что курды вооружены ружьями нашего казенного образца и, что всего подлее, – это то, что мы сами доставляли им это оружие. Курды считались “друзьями” самодержавия. О них с похвалой отзывались все русские черносотенные издания. Русские генералы были в восторге от них. Курды считались надежными монархистами, а армяне, хотя наши “маленькие союзники” – представлялись опасными с точки зрения самодержавия. И вот, после кровавой армянской войны, после того, как армяне дали столько блестящих доказательств верности русским интересам, с которыми неразрывно были связаны армянские интересы, в противовес армянской автономии русская дипломатия выдвигала идею курдской автономии”.⁷²

Автор заметки напоминает читателям, что “генералы в роде Чернозузова” открыто приняли сторону курдов, дружили с ними и продавали им русские ружья, а кн. Шаховский “разъезжал по курдским селениям и вооружал их против армян, боясь, что ко времени окончательной оккупации Армении все же оста-

⁷² Там же, N 24, с. 13-14.

нуты там армяне”.

Гр. Чалхушьян пишет, как курдские главари “десяти раз” изменяли русским, переходили к туркам, грабили мирное население и убивали казаков и солдат, не останавливаясь ни перед какими зверствами, но “близорукая политика” русских в курдах “видела друзей и поощряла их”. Результатом явилось то, что курды беспокоят русских “беспрерывно”, а армянское население, которое было на стороне России, “вырезано благодаря беспечности бездарных генералов” (вряд ли благодаря “беспечности”! — Р. Б.).

Публицист возмущается тем, что курды не только вооружались, но и теперь “продолжают вооружаться русскими винтовками”. “Каждый день, — констатирует Чалхушьян, — на полях останавливаются туземцы, у которых отбираются русские ружья казенного образца. Почему-то эти туземцы не арестовываются, а отпускаются на свободу. Зачем? По чьему распоряжению? Или во имя свободы? Во имя святой свободы отпускаются все эти хищники, словно благословляются на новые подвиги. Надо разоблачить всю организацию хищения у нас такого ценного теперь имущества, как казенные ружья. Какая гарантия, что все количество похищенного оружия здесь отбирается?”

В заключение с чувством горечи армянский общественный деятель пишет: “Как-то на душе становится жутко, скверно, когда знаешь, что из наших же ружей стреляют в нас же, стреляют ежедневно...”⁷³

Гр. Чалхушьян прекрасно осознавал крайнюю опасность взглядов “черносотенной” России для судьбы изувеченного, перебитого родного народа, которому уже и места не находили на собственной же его земле...

В отменном по силе воздействия и образности являясь очерке “Когда же народится твой Христос?”⁷⁴ Гр. Чалхушьян повествует о трех волхвах, совершающих свой далекий путь в поисках святой колыбели спасения и возрождения человечества.

Шли они долго, везде по дороге встречая довольных, счастливых, сытых людей, “мирно предававшихся труду и творчеству”. Наконец, в поисках Вифлеемской звезды, они двинулись к горе, которую “все более заволакивал туман”, “темные тучи покрыли все небо”, стало “темно и жутко”. Беспросветная, бесконечная, мрачная ночь окутала волхвов. Кругом слышны были шаги, крики, стоны, всхлипывания, “скрежет зубовой” и быстрые, частые удары свистящих жгутов озверевших палачей над головами детей, старцев, женщин...

Волхвы обращались к встречным в поисках дороги к Вифлеему, но они не отвечали — “потеряли дар слова”. Они не плакали — “все слезы были выплаканы давно”! Худые, бледные, они “истекали кровью, от которой все ручьи были окрашены в красный цвет”. И чем дальше шли волхвы, тем “гуще становилась толпа страдальцев, тем страшнее казались и стон и подавленные вздохи, теперь наполнявшие ужасом и отчаянием души волхвов из далекой и счастливой страны...”

Но звезды все не было видно на небе, которое “густо заволокло тучами и едким дымом”. Пылали села и города, пылали пашни и нивы, “пылала вся страна, и багровое зарево пожаров делало ночь еще мрачней, еще страшней. “Нет, очевидно, что тут не могло быть даже близко колыбели спасения и возрождения человечества, которое страдало, стонало и корчилося в муках”, — пишет Чалхушьян.

Потому что здесь мертвецов даже не хоронили, “изуродованные трупы лежали горами повсюду”, а оставшиеся в живых мужчины, женщины, все голодные, босые, в лохмотьях, бежали, “объятые ужасом переживаний”. Они только всхлипывали, но не плакали, ведь они выплакали все свои слезы, “и глаза их стали больные, большие, полные отчаяния, страданий, сухие, страшные...”. И вдруг “показались дети... сотни тысяч детей-сирот, никогда не знавших любви, ласки, радости... искалеченных, замученных, истерзанных, голодных, худых, бледных. Они как звереныши рыскали по дорогам и рукавами рвали сырое, гнилое мясо падали, чтобы утолить голод... Это, должно быть, Армения, подумал про себя старший из трех волхвов. “Мы в Ар-

⁷³ Там же, с. 14.

⁷⁴ Армянский вестник, 1917, N 2, с. 5-6.

мени”, – сказал громко самый младший. “Да, это Армения”, – согласился третий”.⁷⁵

Глубокое отчаяние охватило сердца волхвов, и тогда послышался голос свыше: “... Вы ищите Христа, который должен спасти мир и его возродить. Длинен, бесконечен и бесцелен ваш путь: он ведет на армянскую Голгофу, где Христа распинают каждый день и где Христос ежедневно страдает, тоскует и умирает. Идите назад!”

И волхвы идут назад – вскоре вдаль им вновь стала “улыбаться и светить звезда Вифлеема”...

... Красивый звон колоколов возвещает человечеству о рождении Христа для его спасения и возрождения. Но чужой на этом празднике человечества армянин: “у меня нет радости в душе, я словно один из тех волхвов, сбившихся с пути и попавших в страну, забытую Богом, которые блуждали в беспросветном мраке бесконечной ночи, – пишет Чалхушьян. – Я вижу большие, большие застывшие от ужаса страданий, голода, холода глаза, вижу сотни тысяч сирот, худых, бледных, печальных, вижу горы изуродованных трупов страдальцев, слышу ясно быстрые, частые удары свистящих жгутов палачей турок и курдов над головами моих братьев, моих сестер, и я чувствую, что там, в Армении, Христос еще не родился, но уже распят. По бесконечному длинному пути бледный, худой, истекающий кровью в терновом венце, сгибаясь под непосильной пошью тяжелого креста идет мученик-народ... Страна юдоли и плача, когда же народится твой Христос?”⁷⁶

Надо сказать, что большинство статей и очерков Чалхушьяна обладает огромной силой воздействия зачастую именно благодаря яркой художественности, оригинальности формы повествования – сухой, черствый язык страшной реальности может оказаться просто “неудововаримым” для рядового обывателя, который, возможно, просто отложил бы материал в сторону в силу чисто психологических моментов. Но перо Чалхушьяна

⁷⁵ Там же, с. 5.

⁷⁶ Там же, с. 6.

завораживало всех – и не было равнодушных к его слову, и была благодарность многих...

К числу подовных работ относится и очерк “Черствые сердца” – о людях, которые равнодушны к чужим страданиям, к чужим слезам, которых не трогает чужое горе. Их сердца похожи на часы, которые “монотонно, правильно тикают” и есть “что-то холодное, жесткое и жуткое” в этом однообразном повторении одного и того же звука бесконечно долго. “Может, это секунды, минуты, часы глубоких страданий, тяжелых испытаний, мук, мрака ночи? – вопрошает автор. – ... Эти черствые сердца, которые так похожи на часы, имеют ли переживания они?... Почему они не протягивают руки помощи беженцам, нашим сиротам, нашим пленным...”⁷⁷

Чалхушьян возмущается тем, что находятся еще среди соотечественников люди, которые “устали давать”: “Устали давать” это те, которые *еще* не давали ни на что или дали так до смешного ничтожно мало; это те, которые презирают нищету, страдания и слезы *других*, чужих, посторонних! Боже мой, какое время мы пережили и какое еще переживаем. Какие исторические события протекали и еще протекают!”⁷⁸

Публицист напоминает читателю: “Мы воодушевлялись, горели, пламенели и, распевая старые песни, до слез трогавшие нас, мы посылали своих детей, дружинников, на фронт, за будущую свободу, за будущую славу, за счастье многострадального народа. А в это время холодные, черствые сердца монотонно, однообразно били: “тик-так, тик-так”. Потом настали тяжелые, черные дни армянских ужасов. Пошли погромы, ссылки, резня. Запылала от пожаров забытая богом Армения. Тела убитых стояли горами, непогревенные. Люди уводились в плен, продавались в кабалу, как в старые, языческие времена. Девушки изнашивались, святыни осквернялись”.⁷⁹

Чалхушьян замечает, что армянам в России ничего дру-

⁷⁷ Там же, N 5, с. 2.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, с. 3.

того не оставалось, как бессильно метаться и чтобы “по возможности облегчить страдания и горе оставшихся и утереть слезы сирот”, собирать деньги, которые несли все — старики, молодые, дети, богатые и бедные. И только черствые, жестокие сердца сторонились, шли мимо и словно стальные, старые часы стучали “тик-так, тик-так”...

“Самодовольный блеск роскоши, — бичует публицист, — вызов всему страждущему. Это прекрасно учитывают эгоисты, которые свое благополучие возвели в презренный культ. Их радости *омрачаются* самым видом нищеты и самой возможностью обращения к ним за помощью... Они крепко уселись на своих золотых мешках, далеко забросили заветы и идеалы юности и не понимают и не видят страданий своего народа и отказываются, и предают его, как Иуда Христа... Тик-так, тик-так... Это не часы бьют свои быстрые, неуловимые секунды, короткие, преходящие минуты, томительные, долгие часы. Это бьется черствое сердце эгоиста, бьется правильно, монотонно, однообразно и порой мне кажется, что сказочный чародей пришел откуда-то, вынул все его сердце и вложил в его пустую грудь часы, простые часы...”⁸⁰

Не без иронии Чалхушьян замечает, что тем не менее на фоне подлых эгоистов еще существуют “какие-то там безумцы”, которые изо дня в день кричат о страданиях, нуждах народа, просят о милосердии, находятся “другие безумцы”, которые идут навстречу, протягивают руки помощи... И таких больше!

Бурные события в России начала 1917 года — отречение Николая II, падение монархии и переход власти к Временному правительству не могли не затронуть и армянскую интеллигенцию. В частности, свое отношение высказал и Чалхушьян. Он телеграфировал в марте 1917 г. из Тифлиса Московскому Армянскому комитету: “Частное совещание представителей всех армянских организаций, партий, интеллигенции пришло к единому гласному решению: никаких в данное время политических и национальных вопросов не возбуждать, всемирно способствуя де-

⁸⁰ Там же.

лу революции и укрепления основ нового строя. На первом месте победа над врагом, ибо поражение значило бы возврат к пошлому старому режиму”.⁸¹

Даже в статьях, казалось бы, не имеющих отношения к армянской трагедии вплотную, он не упускал случая “вернуть” хотя бы абзац на эту болезненную тему. Так, в своем небольшом очерке-некрологе на смерть выдающегося поэта Ал. Цатуряна “Венок на свежую могилу”, блестяще и образно воссоздающем жизненный и творческий путь писателя, Чалхушьян пишет: “... И вот теперь его не стало. Как будто я вижу его красивые, грустные глаза, его обычную подкупавшую всех улыбку и слышу его протесты против действий кавказской администрации, которая желала измором взять армян и более воевала против нас, чем против турок и курдов, в единственных заботах — заплодучить всю Армению, пустынную, чтобы заселить ее “эфратским” казачеством... Неужели все это было летом 1916 года?.. Как будто нас столетия отделяют от этих позорных страниц нашей истории...”⁸²

Некролог об Ал. Цатуряне под пером пламенного патриота и публициста превращается в своеобразный обвинительный акт против политики царского самодержавия в отношении армянского народа...

Гр. Чалхушьян, как и все трезво мыслящие, передовые представители армянской интеллигенции России приветствовал падение монархии, отречение Николая II и его наследника от престола, выразив свое отношение к происшедшему в государстве эпохальному событию аналитической статьей “Армяне и русские самодержцы”, опубликованной в “Утре России” (N 94-95, 1917 г.) и незамедлительно получившей отклик в “Армянском вестнике”.⁸³

“Все армяне, — читаем в статье, — без различия направлений, вздохнули, когда узнали о совершившемся перевороте, бес-

⁸¹ Там же, N 13, с. 17.

⁸² Там же, N 15, с. 3.

⁸³ Там же, N 15, с. 12-13.

конечно рады и искренне приветствуют обновленный строй, в котором, по их представлению, находится верный залог будущего духовного обновления их многострадальной и всеми забытой страны... Чтобы понять общее и неподдельное ликование армян, надо пережить все то, что пережили они. Если от железных тисков самодержавия страдал и истекал кровью великий русский народ, — эти тиски так туго и остро сжимали армянский народ, что он положительно *вымирал*”.⁸⁴

Автор статьи замечает, что политика русских самодержцев по отношению к армянам отличалась поистине византийскими чертами — “двойственностью” и “грубым лицемерием”. “Начиная с XVIII столетия и до последнего времени ряд государей Романовской династии дает нам заманчивые обещания и их не выполняет, — подчеркивает он. — При походах против Персии и Турции, когда вооруженная помощь и материальные средства армян оказываются необходимыми, им обещают автономию, представителей народа осыпают щедротами. Но вот заключается мир: армяне оставляются совершенно на произвол судьбы, и когда высшие и мужественные иерархи армянской церкви пытаются напомнить об обещанном, их ссылают, с ними расправляются”.

Чалхушьян в своей статье “раскрывает все скровки”, говоря о том, что подспудно было в умах многих армянских деятелей, но тщательно замалчивалось: не принимали ли русские самодержцы то или иное участие в резне и погромах армян в Османской империи, “чисты ли их руки”?

“Я не желаю твердо сказать, что нечисты, — размышляет публицист, — но есть сомнения тревожного свойства. Сам Абдул Гамид открыто говорил, что он резню устроил по совету приближенных русского самодержца. Первая ужасная сасунская резня происходила 1 августа 1894 года. В следующем году новая резня. Европа возмущена, негодует, предлагает реформы. Совершенно особняком стоят Вильгельм и русский двор. На другой день после резни, когда протестует почти вся Европа, Виль-

гельм подчеркивает свою дружбу к султану и посылает ему свой портрет, а русская государыня первый тур вальса танцует демонстративно с Шакир-пашой. Кн. Лованов-Ростовский открыто становится на сторону султана и рассматривает всякое давление на него как *casus belli*... Наконец, кн. Лованов-Ростовский совершенно цинично заявляет, что *России Армения пужна... без армян*” (подчеркнуто нами. — Р. Б.).⁸⁵

Чалхушьян напоминает, что и политика последнего русского царя Николая II ничем не отличается от политики его предшественников — достаточно вспомнить армяно-татарскую резню 1905 года, “истинным вдохновителем которого было то же правительство русского самодержца”; расправу с дашнаками... Не без иронии публицист замечает, что страшным и овидным кажется то доверие, которое питали к русскому правительству армянские буржуазные круги. Он приводит факты недавнего времени, когда во время встречи летом 1916 г. в Тифлисе армянского католикаса с царским наместником на Кавказе последний бросил фразу: “В России так же нет армянского вопроса, как нет и якутского”. А на вопрос его святейшества о том, что такой вопрос есть в Турции, наместник не среагировал и лишь на прощанье повторил слова своего племянника-монарха Николая I: “Армян ожидает блестящее будущее”, закончив ее фразой “Горожане вернутся в свои города, поселяне в свои селения”.

“Для того, чтобы понять весь цинизм этой оговорки, — с негодованием пишет Чалхушьян, — надо знать, что в завоеванных областях Армении устроена черта оседлости для армян, которые могут жить на севере, например, Ванского озера, а не на южной его стороне, причем каждый армянин, спасшийся от резни, погрома, должен предъявить крепостные документы, чтобы вернуться в город или в свое селение. Конечно, таких документов в бессудной Турции трудно разыскать. Так вот в чем заключалась “автономия” армян по рецепту гг. Романовых! Это “блестящее будущее” было установление такой же особой черты

⁸⁴ Там же, с. 12.

⁸⁵ Там же, с. 12-13.

оседлости для армян, какая существовала для евреев в России”.⁸⁶

Публицист, как и другие армянские деятели (А. Дживелегов и др.) был уверен, что “не самодержавию было дать свободу угнетенному, пострадавшему народу, который напрягал все свои усилия, чтобы рядом с русскими своими братьями завоевать свою свободу – ее можно получить “только через демократию и от демократии”.

Чалхушьян, продолжая характеризовать политику царского самодержавия по отношению к армянам на Кавказе, пишет: “Чтобы успешнее и плодотворнее провести черную работу обрусения, усвоена была самая подлая система управления *divide et impera* – царские ставленники и клеветы разделяли искусственно национальности, сеяли вражду, рознь; одних как бы поощряли, приближали, других преследовали, попеременно меняя свои симпатии и антипатии, не останавливаясь перед провокацией”. Публицист напоминает о механизме потворствования и осуществления армяно-татарской резни в начале 1900-х годов, о “заслугах” перед армянами неведомого графа Воронцова-Дашкова, почему-то приобретшего славу “друга и покровителя армянского народа”.

“Граф Воронцов-Дашков, – пишет Чалхушьян, – правда, настоял на возвращении нам церковных имуществ и приостановил открытое преследование армян, но двойственность, лицемерие, с одной стороны, вовлечение в открытое восстание части турецкоподданных армян, с другой, – все это имело пагубные для нас последствия. Реально не получая ничего, мы, армяне, в глазах грузин и татар считались национальностью, которой правительство сочувствует, которой что-то дает. Рознь между грузинами, татарами и армянами росла и ширилась... Насколько грузины и татары ошибались, предполагая, что граф является другом армян, всего нагляднее доказывается документом... Это доклад командующего Кавказской армией 5 апреля 1915 г., на имя наместника о необходимости плодотворных армянских дел

ны – Алашкертскую, Диалинскую и Баязетскую, только что завоеванные у турок, всегда принадлежавшие армянам, заселить казаками. Граф положил на этот доклад свою резолюцию: “Согласен”. Так бы поступили турки, наши враги, – так не мог поступить русский человек, тем более друг армян”.⁸⁷

Чалхушьян на ряде примеров в своей статье замечает, что политика последнего наместника, Николая Николаевича, ничем не отличалась от политики его предшественника и “короткое, грубое, чисто фельдфебельское управление краем Николая Романова” чувствовалось всегда в отношении к армянам.

Статья армянского общественно-политического деятеля “Армяне и русские самодержцы” выделяется своей прямоотой и аргументацией фактов, занимает особое место в публицистике Чалхушьяна беспощадной критикой канувшего в лету режима. Публикация его в российской печати была весьма знаменательной, а отклики о ней появились не только в “Армянском вестнике”, приведшем из нее пространные выдержки, но и в других армянских периодических изданиях.

Григор Чалхушьян в это сложное время в водовороте дел и событий, происходящих, в частности, в новонахичеванской колонии. Так, в апреле 1917 г. он телеграфировал в Москву из Нахичевана-на-Дону, выражая чаяния и настроения местной общины: “Состоялся многолюдный митинг армян Нахичевана всех партий. Единогласно вынесена следующая резолюция: полное доверие Временному правительству и не желая создавать ему никаких затруднений, армяне считают невозможным в данное время возбуждение каких-либо национальных и политических вопросов, которые властно разрешить лишь Учредительное Собрание. В первую голову следует ставить вопрос о завершении войны на началах, возведенных правительством. Поражение равносильно возврату самодержавия, которое являлось непримиримым врагом армянского народа. Армяне должны направить все свои усилия на упрочение основ нового строя, углубление революции и внедрение ее начал в сознание темных

⁸⁶ Там же, с. 13.

⁸⁷ Армянский вестник, 1917, N 17, с. 12.

масс вообще, а армянского крестьянства в частности”.⁸⁸

Это вовсе не банальный конформизм, “игра” с новыми властями, как может показаться на первый взгляд... Даже в условиях политической неразберихи в России Гр. Чалхушьян радуется об интересах собственного народа, предлагает проявить политическое чутье в зыбких реалиях, дабы не повредить делу освобождения армян на исторической родине.

... Чалхушьян писал много, на разные темы, но никогда – серо и буднично! И всегда – о Личностях, имеющих неоспоримые заслуги прежде всего перед армянским народом, перед армянской общественностью. Не мог не упомянуть он одного из виднейших представителей армянского общества – городского голову “столицы Кавказа”, Тифлиса, Александра Ивановича Хатисова, так много сделавшего не только для города, но и всего армянского народа в трагические годы геноцида 1915-1916 гг. Очерк Чалхушьяна “Идейный человек” о “большом человеке, яркий талант которого обращал на него внимание порою всей России”.

“Идейные люди, – пишет публицист, – уже имеют такой первородный грех: они излишне доверчивы... Прежде всего не могли ему (Хатисову. – Р. Б.) никогда простить его армянское происхождение: как! армянин – и городской голова столицы Грузии? Этого было достаточно, чтобы вооружить против него всех шовинистов. Но еще меньше могли примириться с его все спорным блестящим талантом крупного общественного деятеля с широким взглядом...”⁸⁹

Очеркист напоминает, что как “представитель Кавказа” он держался всегда “с большим достоинством” на разных съездах в Москве и Петрограде и его выступления отличались обыкновенно “оригинальностью, искренностью и подкупали слушателей и отмечались в печати как выдающиеся”.

“Первоклассный оратор, – продолжает Чалхушьян, – Александр Иванович умел в томительные, серые будни самодер-

⁸⁸ Там же, N 16, с. 20.

⁸⁹ Там же, N 39-40, с. 22.

жавия воодушевить людей, и он сам жил и горел огнем такой веры. И когда революция наступила и смела всех приспешников царизма, А. И. был избран председателем исполнительного комитета в Тифлисе... А. И. был долго городским головой столицы Кавказа. Ему вносили упреки, как главному представителю богатой буржуазии. И как, однако, в смущении должны были все его враги и противники потупить глаза, когда бывший городской голова богатого города сказал громко и гордо: “Господа, я покидаю свой пост городского головы более бедным, чем когда пришел сюда в первый день моего избрания...”. Таков удел всех идейных людей... Захоти А. И., – и всякая партия его бы приняла, сделала бы его первым своим избранником и привела бы вновь к лорд-мэрскому креслу... Но есть волежные люди, волежные единицы, которые всегда останутся “дикими”, мысли, чувства, опыт, знания которых не укладываются в трафаретные рамки партийных катехизисов. Такие теперь не в моде. Теперь достаточно изучить партийную программу, громко выкрикивать лозунги и стать сразу – “деятелем”.⁹⁰

Все это старо, “все это было” и “все это пройдет”, заключает публицист, но “останется одно – истина, и она в идее, которая бессмертна и в носителях ее – истинно идейных людях, одним из конх является Александр Иванович”.

Напомним, что А. И. Хатисов был в курсе всех событий, происходивших в Западной Армении в годы геноцида, – ему сообщали самые достоверные сведения с места событий, с ним советовались, к нему обращались за помощью и находили ее... Так, в одном из писем, направленных Хатисову с передовых позиций Кавказского фронта в январе 1915 г. неким доктором Э., читаем: “... К Вам я обращаюсь потому, во-первых, что помню о Вас, как о сокурснике в Харьковском университете, во-вторых, потому, что пользуясь влиянием, Вы можете сделать в смысле осведомления общества о курдских зверствах больше, нежели я. Ряд армянских селений, которые я прохожу в походе

⁹⁰ Там же, с. 23.

с полком, буквально вырезаны. Страшная картина!”⁹¹

Имя Хатисова фигурирует во многих документах Архива внешней политики России (АВПР) как человека, осведомленного во многих событиях войны и преступлениях, творимых турками и курдами, и доводящего подобную информацию до сведения МИД России и других союзных и нейтральных государств. Так, в одной из секретных телеграмм от 3 апреля 1915 г. чиновника для дипломатических сношений в МИД России читаем о том, что Хатисов передал ему телеграмму “о систематической резне” в Эрзеруме, Зейтуне, “о кровавых столкновениях” в Битлисе, Ване, Муше, “насилиях, грабежах, убийствах” в Акине и “всей Малой Азии”. Здесь же приводится: “... Хатисов доложил телеграмму Петерсону для получения указаний Наместника на Кавказе относительно способа передачи протеста. При этом Хатисов подробно изложил последний фазис армянского вопроса и результаты переговоров с Министерством”.⁹²

Сам Хатисов не раз выступает в печати с объективными материалами о положении дел в Турецкой Армении, о ведущейся на Кавказе работе. Нельзя не отметить, например, его статью об армянском добровольческом движении в журнале “Армяне и война” (N 1, 1916), другую актуальную информацию – в “Армянском вестнике” (N 12-13, 1916) и т.д.

Заметим, что в эти трагические годы А. И. Хатисов был также Главноуполномоченным Кавказского отдела Всероссийского Союза Городов, делая все возможное в меру своих полномочий...

Патриот и правдолюбец Чалхушьян еще раз предстал перед армянским обществом не изменяющим своих принципов человеком в очерке “Предали и... продали...”⁹³ Поводом к ней для армянского публициста послужила опубликованная секретная дипломатическая переписка европейских держав, оставившая горький осадок в сердцах армян. И хотя многие находили

что ничего нового не было в этих документах, Чалхушьян выносит свой суровый вердикт: “Для армян все было *ново*. Армяне теперь увиделись, что их *предали... и продали...*”

Автор статьи приводит, так сказать, “анатомию” этого предательства. В 1913 г. Германия предлагала армянам автономию ценою отхода их от России, в 1914-ом, накануне войны с Турцией, немцы вновь, через младотурок, приглашали армян стать на их сторону с обещанием автономии. Армяне, напоминая Чалхушьян, “с брезгливостью” прошли мимо этих “блестящих предложений” и крепко связали свою судьбу с судьбой России, которой “бесконечно верили” – ведь “русские учителя, русские профессора, русские историки уверяли нас, что Россия – освободительница народов”. Даже “малоумный Николай” трижды торжественно повторял, что “армян ожидает влестящее будущее”. А на деле – политика создания Евфратского казачества, систематическое преследование турецких армян, объявление Армении зоной, где “как это ни странно все могли иметь оседлость, кроме армян”, создание около Вана в роде черты оседлости, роковые неоднократные отступления от Вана (“без всякой необходимости”), раздача русским генералом Чернозузовым оружия курдам в тылу армянских дружин – “все это вместе взятое мало-помалу раскрывало нам, армянам, глаза. Политика неуклонного Лованова-Ростовского воскресала: России нужна была Армения... без армян”.

Не без едкой иронии Чалхушьян продолжает: “Неисправимые идеалисты, мы тогда обратили свои усталые глаза в сторону Европы, могущественной Англии и прекрасной Франции. Нам так льстило, что эти великие державы нас называли “нашими маленькими союзниками”. И как “маленькие союзники” мы делали все возможное и невозможное, чтобы час “окончательной победы” союзников пробил... А тем временем мы истекали кровью. Если на полях брани рядом с русскими сражались двести тысяч армян, там, в сердце самой Армении мы выставили десятитысячное нерегулярное войско. Мы давали проводников, которые знали каждый холм, каждую тропинку. Мы все это делали одновременно вынося чудовищную резню в самой Турции.

⁹¹ Сб.: Русские источники о геноциде армян..., с. 6.

⁹² Там же, с. 11-12.

⁹³ Армянский вестник, 1917, N 50-52, с. 5-6.

Эта резня вместе с выселением стоит нам миллиона жертв. Миллиона жертв для *маленького* народа. Оказывается, что жертвы эти *напрасны, напрасно* пролита наша кровь”.⁹⁴

Публицист поясняет: вся Армения делится между основательницей народов Россией и прекрасной Францией. Первой достается историческая Армения, второй – киликийская, но не называются ни Армения, ни армяне – говорится о Курдистане и об образовании Аравского государства! Вывод однозначен: предала не только Россия, но и Англия с Францией.

“Все ложь. Все коварство. Напрасно пролита наша кровь, – восклицает возмущенно Чалхушьян. – ... Оказывается, нас *одурачили*. Играли с нами крапленными картами, громко называемыми дипломатами политическими соглашениями и секретными документами”.⁹⁵

Армянский общественно-политический деятель был разочарован и Временным правительством, которое, по его мнению, также проявило нерешительность: “Даже социалистическое министерство во главе с Керенским не захотело или не сумело пролить в огонь эти крапленные карты”. И не только разочарован, но и растерян политикой демократической России: “Дипломаты прекрасно усвоили премудрость Талейрановской школы, что слово дано человеку, чтобы скрыть его мысли. Но когда таким обманом толкают целый народ в бездну, чтобы обратить всю страну в кладбище и на этом кладбище строить свое благополучие, я не знаю, как все это назвать и не думаю, чтобы даже Талейран шел так далеко”.

Словно утешающий, хватающийся за соломинку, разочарившийся Чалхушьян заключает: “Армянский народ должен иметь теперь мужество быть признательным большевикам, которые раскрыли нам глаза, и армянскому народу следует требовать отчета не только от Турции и Германии за зверства, но и от своих великих союзников, которые оказались для нас маленькими каннами...” Напомним, что статья опубликована в последнем

⁹⁴ Там же, с. 5.

⁹⁵ Там же, с. 6.

декабрьском номере еженедельника, когда Октябрьская революция стала свершившимся фактом и большевистское правительство делало лишь первые шаги в области внешней политики... Скажем прямо – не всегда в пользу армян...

... 23 февраля 1918 г., в разгар российской смуты и хаоса, Григор Чалхушьян в отчаянии писал К. Микаэлян из Ростова-на-Дону: “Брат Карен... Что сказать? Ничего утешительного – наша история продолжается, тот же плач Иеремии; исчез и тот тусклый свет, который, казалось, мерцал нам в глаза. Было ошибкой связывать судьбу нашего народа с Россией, было ошибкой добровольческое движение, наше воодушевление, непокорность. Увы, обманулись, обманутые людьми, нациями, судьбой, Богом. Вера уже гаснет в глубине сердца, дружище... действуя в душе впотьмах, по инерции, потому что надо действовать, я уподобился тому человеку, у которого еще сохранилась энергия, для того лишь, чтобы похоронить самого любимого и не плакать на людях. Никто, кроме вас, пусть не читает эти мои строки...”⁹⁶

Будучи в составе Окружного комитета защиты Кавказского фронта и спасения Армении и армян, Чалхушьян тяжело переживал события в России и на фронте, был подавлен – армяне с уходом русских оказывались перед реальной угрозой полного физического уничтожения...

“Недоволен и нашим Армянским советом, который не действовал с той энергией, с какой необходимо было, – продолжает Чалхушьян. – Однако и стихия против нас. Грузин нейтрален, турок враждебен, русский всегда русский – падкий на грабеж. И надежда только на армянство Кавказа. Лишь бы чаша миновала в его, не подверглось резне, осталось на месте, чтобы у нас было будущее, чтобы начать снова, снова ковать судьбу нашей нации. А если будет вырезано...”

Чалхушьян делится мыслями с К. Микаэляном, зная, сколько сил и энергии вложил известный московский армянский

⁹⁶ Музей литературы и искусства им Е. Чаренца (МЛИ), ф. К. Микаэляна, № 442 (на арм. яз.).

общественный деятель в различные дела, выезжая в годы страшнейшей резни в Турции в самые дальние уголки Закавказья, встречаясь с армянскими беженцами и детьми в сиротских приютах, посильно помогая им словом и делом. И с кем, как не с ним, мог поделиться душевной своей волей новонахичеванский патриот.

“Большевики пока что нас преследуют: отобрали наше оружие (более пятисот), смотрят на нас с подозрением. Более благоволят к туркам. Собрали около двух миллионов, один миллион передали по прямому проводу. Имеем добровольцев, нет дороги. Баку стал мешком, в котором собирается высылаемое нами. Как будто бы десять тысяч добровольцев остались в Баку. Гандзак (азерб. Гянджа. — Р. Б.) в руках турок, не позволяя нам пройти. Таким образом, огонь воодушевления гаснет. Ищем дорогу. Море было предпочтительнее, но немецкие подводные лодки таят опасность. Остается военная дорога (т.е. Военно-грузинская дорога. — Р. Б.), однако Владикавказ не всегда открыт. Вот наша судьба. Извините за все эти грустные строки, пишу как идейному товарищу. Скажу более, действуем все с огромным усердием. Как будто последний бой и не падим своих сил. Мои трое сыновей уезжают. Денег собирается достаточно. Если бы большевики не пришли, наши дела шли бы лучше, из приход, двенадцать миллионов штрафа многому помешали... С уважением Г. Чалхушьян”.⁹⁷

Письмо столь насыщено, информативно, метко и точно характеризует разворачивающиеся события и судьбоносный период для армянства, что факт частной переписки двух выдающихся деятелей армянского общественно-патриотического движения в России перерастает в красноречивый документ истории — препоны перед армянами были как в царское время, так и с приходом к власти большевиков...

... В 1916 г. в Турции издается так называемая “Белая книга”⁹⁸, в которой делается попытка отрицать факт геноцида

армян на его исконной территории и по всей Османской империи. Первая информация о ней и отклики появились в “Армянском вестнике” (N 27, 1916, с.11-17). В этой фальшивке младотурецкое правительство силилось доказать, что армяне стремились “на развалинах империи создать независимую Армению”, изобличает армян в их “давнишних сепаратистских стремлениях” и тяге к России. А бедствия армян, мол, есть результат “увлечения нарисованными перед их глазами перспективами независимой Армении”. И тронутые этими бедствиями “армянского элемента”, Энвер и Талаат как будто готовы всплакнуть, заявляя: “И ничем иным, как мечтою достигнуть своего национального идеала, были брошены несчастные армяне в эту гигантскую борьбу”. А между тем, по мнению младотурецкой верхушки, “армяне все время были в фаворе у императорского правительства, которое оказывало им благожелательное доверие” и как до конституции, так и после ее принятия находились в “привилегированном” положении... В состряпанной турецкими палачами книжонке все же вскользь, невнятно признается, что имели место факты “насилий и злоупотреблений по отношению к армянам со стороны турецких военных и гражданских властей, вызванных войной”...

Таким образом, турецкое правительство, расправившееся столь бесчеловечным и кровавым способом с армянами “под шумок” Первой мировой войны с молчаливого согласия своих союзников, не только не испытало угрызений совести, но более того — попыталось выставить себя перед мировым общественным мнением чуть ли не пострадавшей от армян (!) стороной. Оказывается, эти “вечные бунтовщики-армяне” уничтожали в своих неприступных горах и ущельях мирных везовидных турок...

Армянская общественность, в частности в России, была возмущена этой фальшивкой, призванной ослепить погрязшую в крови Турцию перед мировым сообществом, прежде всего перед великими державами. Среди них был и Гр. Чалхушьян, который тотчас же выступил в печати и заявил, что считает “жизненным вопросом” для армян ответить на пресловутую “Белую книгу”.

“Священный долг армян, — писал армянский патриот, —

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Полное официальное название — “Правда об армянском национальном движении и мерах правительства”.

представить перед всем миром всю чудовищную картину невероятных преступлений турецкого правительства... Мир должен узнать, что то самое войско, которое рыцарски ухаживало за ранеными пленными, следуя велениям политической игры высших властей, с наслаждением расстреливало невинных армянских детей. Мир должен узнать, что те руки, которых он считал чистыми и добродушным народом, оказались более жестокими и кровожадными, чем гиены, по отношению к огромным массам незащищенных людей...

Хотя мы знаем, что истина на нашей стороне, что на нашей стороне также и лучшие борцы за справедливость, но все это недостаточно в наш положительный век. Хорошо зная это, наш враг сам напал на нас своей “Белой книгой”... И ответом на нее должна быть наша “Красная книга”...⁹⁹

Бурные события в России – революция 1917 года, гражданская война – не дали возможности армянским общественным-патриотическим силам осуществить задуманное по “горячим следам”. И вот сам Гр. Чалхушьян берется за труд – в итоге появляется уникальный “документ времени”, изданный на русском языке в 1919 г.

Свою “Красную книгу”¹⁰⁰ – о положении армянского народа в конце XIX – начале XX в. и геноциде – Гр. Чалхушьян посвятил Гладстону: “Незабвенной памяти великого сына великой Англии Вильяма Эварта Гладстона, благоговейно посвящает свой скромный труд автор, сын маленького, пострадавшего народа, который вот уже свыше двадцати лет подымаясь на свою Голгофу, ни разу не терял глубокой веры ни в свое возрождение, ни в человечество и культуру”. А эпиграфом стало высказывание Вудро Вильсона: “Армения должна получить то, на что она имеет историческое право. Она имеет больше прав на жизнь, чем Турция, так как она сможет лучше управлять собой”.

⁹⁹ Армяне и война, 1916, N 9, с. 136.

¹⁰⁰ Гр. Чалхушьян. Красная книга. Ростов-на-Дону, 1919. Нашу статью в книге см.: Литературная Армения, 1999, N 4, с. 86-99 – Р. Б..

В предисловии автор пишет: “Великие державы время от времени издают “книги” по поводу политического положения страны, дипломатических сношений с другими державами и острых вопросов момента. Эти “книги” пишутся особым слогом, изысканным, чопорным, я бы сказал – не в меру вежливым языком, унаследованным от времени пифийского оракула, метко охарактеризованным еще Талейраном: “Слово дано человеку, чтобы скрыть его мысли”. Эти “книги” – исторические документы огромной важности, ибо у всех истинных дипломатов есть одна особенность: если они умеют скрывать свои мысли, зато умеют раскрывать прекрасно *чужие*, так что, когда вы имеете перед собою все книги, изданные правительствами всех держав, вам не трудно и до истины добраться. Эти “книги” цветные – синие, зеленые, желтые, голубые, оранжевые... Нет, кажется, только... черной... Цветные их обложки, цветные их содержания... И вот появляется книга *белая*. Выпустила ее... Турция. Турция... белая книга и по... армянским делам... Белый цвет – эмблема чистоты, святости, добродетели, невинности... Что общего между этим *белым* цветом и темными грязными делами величайших преступников нашего времени, этих Энверов, Талаат-беев и tutti quanti? С чувством врезливости можно раскрывать страницы этой... белой книги, чтобы только видеть всю глубину намерения ее составителей...”¹⁰¹

Не без иронии Гр. Чалхушьян замечает далее: “... старый, старый, уже набивший оскомину мотив”, на все лады повторяемый турецкими государственными людьми: “Армяне сами виноваты, что их вырезали, истребили”. Они представляли государственную опасность, так как “слишком сочувствовали русским, англичанам и французам”. Надо было их выселить в глушь страны. Произошли “прискорбные излишества”. “Некоторые чиновники” допустили “эксцессы”... А в результате – сотни тысяч умученных, удушенных, расстрелянных, повешенных. “Белые рабы, которых продают и выкупают по... лире за душу. Одиочальные дети, отучившиеся выражать словами мысли и рву-

¹⁰¹ Там же, с. 3-4.

щие на проезжих дорогах руками и зубами сырое мясо падающих. Сотни тысяч изнасилованных, замученных, обращенных в беженцев, томящихся в гаремах девушек и женщин... Села, деревни, паши сожженные... храмы оскверненные... святыни поруганные. Все это называется... "прискорбными излишествами" некоторых чиновников, а не стройной германо-турецкой системой поголовного истребления армянского народа. Таково содержание... этой... белой... книги. Что может быть общего между всеми этими грязными, черными делами, неслыханными преступлениями и белым цветом, эмблемой чистоты, невинности, святости, добродетели?"¹⁰²

И чтобы доказать, что "ничего общего" нет и не может быть, патриот-публицист и пишет напу, армянскую книгу-обвинение: "Я назвал ее красной, не по обложке, нет, красной от потоков нашей красной, липкой крови, которая густо окрасила каждую страницу, каждую строку, каждое слово и по капле будет сочиться до тех пор, пока преступники не будут наказаны, пока армяне не получат удовлетворения, пока несчастная страна Армения не будет восстановлена для мирной, культурной жизни..."¹⁰³ Он уверен, что его правдивое слово "как горячий сургуч, жжет чуткие сердца благородных людей и расскажет им о всех несправедливостях, ужасах, зверствах, жертвой которых стал исторический маленький народ, всегда глядевший на культурный запад и всегда стоявший на аванпосте цивилизации на востоке, и, веками истекая кровью, но всегда верный идеалам христианской морали и культуры, разносил всюду с собою их семена..."¹⁰⁴

О содержании "Красной книги" и серьезности задачи, поставленной Гр. Чалхушьяном перед собой, говорят красноречиво названия глав (а их в работе 13): "Накануне мировой войны", "В Закавказье мы не имели друзей", "Роль армян в мировой войне", "Армянские ужасы", "Беженцы и сироты", "Рево-

люция и Брест-Литовский договор", "Республика Армения", "Бакинская эпопея", "Армения и Грузия" и др.

Автор книги подробнейшим образом объективно представляет и анализирует ход событий. В первую очередь он приводит доказательства исторической верности армянского народа России, причины русско-союзнической ориентации армян в Первую мировую войну. Затем перед русским читателем разворачивается широкая хронологическая картина развития действий: добровольческое движение и характеристика армянских дружин; зверства турок и курдов при попустительстве официальной Германии; система турецких зверств по отношению к армянскому населению собственной же страны; подкуп печати и клеветническая пропаганда против армян в европейской и турецкой прессе; проблемы беженцев и сирот; отношение российского правительства и общества к армянам (порою прямо противоположное друг другу и противоречивое); отношение к революции в России и к Брест-Литовскому, губительному для армян, договору; события в Закавказье — вероломство мусаватистов и колебания грузинских лидеров в период создания Республики Армении, ее изоляция в регионе и удушение; бакинские события 1918 года; армяно-грузинский вооруженный конфликт и т.д.

Начиная свое повествование с прискорбных событий 1894-95 гг. (Сасунская резня, погромы в 6 армянских вилайетах Турции), "озаботивших" и "всполошивших" (но не более!) Европу, Гр. Чалхушьян констатирует печальную реальность: "Армяне были предоставлены самим себе"... Конституционный строй, введенный в Турции в 1908 г., вселил надежду в сердца армян на улучшение их положения в империи. Однако Аданская резня и последующие события окончательно уведили армян, что "при всяком турецком режиме, без действительного покровительства сильной христианской державы, жизнь, честь и имущество армянского населения останутся не гарантированными от насилий и армяне будут считаться бесправными и вне защиты закона".¹⁰⁵ Этой сильной христианской державой автор

¹⁰² Там же, с. 4-5.

¹⁰³ Там же, с. 5.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же, с. 15.

книги, естественно, видит могущественную Россию. Конечно, Чалхушьян не мог не отметить и того факта, что “после каждой русско-турецкой войны армяне оказывались обманутыми в своих ожиданиях и чаяниях” и уже раздавались “предостерегающие голоса” – “как это ни странно, из консервативных кругов” “о двойственности политики России, которой верить нельзя. Есть печатные труды, доказывающие, что со времени Петра Великого каждый раз армяне оказывались после войны у разбитого корыта и отвечали кровью за свои мечты и ожидания”.¹⁰⁶

Положение западноармянского народа накануне Первой мировой войны было столь плачевным и двусмысленным (между двух огней – Россией и Турцией!), что неудивительно было то воодушевление, которое охватило население восточных вилайетов Османской империи, т.е. Западной Армении, с началом военных действий на русско-турецком фронте. Дух освобождения от турецкого ига с помощью русского оружия витал в армянском обществе по всему миру! Цель казалась так близка...

“Боже мой, какой детский, громадный, непонятный сразу по своим размерам и полету энтузиазм овладел всем армянским народом! Он был равен по силе той безграничной печали, которая вскоре сковала наши сердца, умы и мысли; так высота волн часто служит мериллом глубин бездны...”,¹⁰⁷ – пишет Гр. Чалхушьян.

Пошли записи добровольцев из Америки, Англии, Франции, Болгарии, Румынии, из разных уголков России. Армяне распродавали свое имущество, бросали ремесла, торговлю, дела, покупали необходимое снаряжение и спешили в сборный пункт... “Я провожал этих молодых, здоровых, жизнерадостных людей тысячами, – продолжает публицист. – Они цели наш марш “Мер Айреник” и радостно шли, словно на званный праздник”.¹⁰⁸

Помимо этих добровольцев, поясняет Чалхушьян, сотни

¹⁰⁶ Там же, с. 43.

¹⁰⁷ Там же, с. 45.

¹⁰⁸ Там же, с. 46.

тысяч армян сражались в регулярных войсках наравне с другими подданными России. Но эти исполняли свой долг перед последней. Совершенно иное было чувство у добровольцев. “Они рвались на помощь своей родине-матери, – пишет автор “Красной книги”, – которую топтал под каблуком уже столетия извер. Они рвались на помощь своим зарубежным братьям, вымирающим в неволе, в окопах. Казалось, что заря наступала. Казалось, что рассвет был так близок... Позиция армян раз навсегда была намечена, predetermined. Не было места для каких-либо сомнений. И дружинники все прибывали. Вместе с тем создавалось особое братское единение между армянами и русскими”.¹⁰⁹

Говоря о роли армян в Первой мировой войне, Гр. Чалхушьян подчеркивал, что она “двойного рода”: активная и пассивная. “Как активные участники, армяне представляли известную физическую живую силу, которая заключала в себе особый интерес не только как боевая сила, но и была ценна по своим качествам и особенностям, как местная, непосредственно связанная своей историей и жизнью с самим краем, прекрасно осведомленная о привычках, особенностях, характере, наречиях краевых России народностей, и также прекрасно знающая всю карту, где разыгрывались военные действия, – пишет автор книги. – Пассивная роль армянского народа заключалась в неслыханных в мире страданиях, мучениях, горе, слезах и крови его. Принято утверждать, что державы всего этого не принимают во внимание, что в их глазах только сила представляет право. Можно отчасти согласиться с этим, но несомненно, что во главе угла управления странами должны лечь здоровый эгоизм, и мы должны сказать, что история знает приметы, когда не одни материальные интересы руководили державами”.¹¹⁰

Приводя в качестве примера Грецию, Италию, Сербию, Болгарию, Чалхушьян напоминает, что “слезы армянского народа и все море пролитой им крови имели особое значение” для многих стран, в том числе и нейтральных. “Как вы государст-

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же, с. 60.

венные люди не преследовали материальные интересы, — убежден публицист, — они всегда стараются найти нравственные импульсы и основания для достижения своих интересов и приходится все более и более считаться с общественным мнением народов”.¹¹¹

Автор “Красной книги”, говоря о том, что “война была объявлена за интересы малых народов, за поруганное право”, подчеркивает, что “неимоверные страдания армянского народа действовали сильно” в нейтральных странах, которые “не могли во имя гуманности и справедливости проходить молчанием армянские слезы” и приходит к выводу: “Разве не армянскими слезами, не армянской кровью часто освещались, объяснялись и оправдывались те или иные действия держав?”¹¹²

Гр. Чалхушьян приговора к позорному столбу авторов и пособников “преступления века”: “Не даром Турция спешила оправдаться в своих зверствах. Не даром Германия и Австрия напрягали свои силы, чтобы помочь своему палачу союзнику омыть руки от армянской крови. Но это было трудно, уж слишком много пролито было крови!”

В главе “Блестящее будущее и безотрадное настоящее”, название которой уже говорит само за себя, “безотрадное настоящее” достаточно зримо, в то время как “блестящее будущее” весьма и весьма туманно и даже эфемерно... В ней говорится, в частности, о положении молодой Республики Армении, окруженной недоброжелательными и враждебными соседями: “... Всякая соглашательская политика в этом отношении (речь идет о взаимоотношениях с азербайджанскими мусаватистскими правящими кругами. — Р. Б.) не приемлема. На сколько не искренни азербайджанцы, — это легче всего видно из вопроса о Карабахе, который, составляя неотъемлемую часть Армении, по требованию азербайджанского правительства и по настоянию английской миссии, мало понятному армянам, должен быть уступлен Азербайджану, что поведет за собой неминуемое кровопролитие.

Одновременно Карс до сих пор не очищается турками, а сотысячное армянское население на открытом воздухе ждет, когда его впустят в город, а до того умирает от голода и холода, то же самое нужно сказать и о Нахичевани.

И так — страшный голод, сильные инфекционные заболевания, крупная смертность, неопределенность во взаимных отношениях между народами, которым по воле рока суждено жить и работать бок о бок, — таково грозное настоящее, характеризующее одним словом — ужас.

Армяне ныне у пределов этого ужаса”.¹¹³

И тем не менее, пишет Чалхушьян, “те, которые живут среди этого народа-страстотерпца, удивляются одному — терпению, мужеству, стойкости его. Ни жалоб, ни ропота. У каждого глубокая вера в возрождение, в воскресение родины. Во имя этого возрождения и воскресения они живут, живут и умирают”.¹¹⁴

И “яркий блеск перспектив будущего”, которое обещает залечить все наши раны, заставляет нас безропотно смириться пред всеми этими ужасами настоящего, замечает он и добавляет: “Но мы истекаем уже кровью, и заря нашей желанной свободы занимается тусклая, багровая, словно, — готовая скрыться за черными тучами...”¹¹⁵

В “Красной книге” Чалхушьян вскрывает перед российским обществом и истинные причины трагедии, постигшей армян: “... мы истекли кровью, как мирные жители от ятагана, меча, ножа, огня и потому именно, что мы были на стороне старших своих братьев-союзников. Нас уничтожали потому, что мы вам (т.е. русским, англичанам, французам. — Р. Б.) помогали. Нас уничтожали, резали, насиловали, терзали, мучали за тем, чтобы наказать нас за нашу верность вам, за нашу веру в вас”.¹¹⁶

Говоря об армянских ужасах, продолжает он, “мы под-

¹¹¹ Там же, с. 60-61.

¹¹² Там же, с. 61.

¹¹³ Там же, с. 182.

¹¹⁴ Там же, с. 182-183.

¹¹⁵ Там же, с. 183.

¹¹⁶ Там же, с. 187.

нимали лишь ничтожный край завесы с них". Описать все страдания, все ужасы "нет человеческих сил, ибо все на свете имеет меру и пределы". Но армянские ужасы оказались "безмерными, беспредельными". Пред ними "бледнеют средневековая инквизиция и ад Данте и в сравнении с ними скорбная Иерусалимская легенда о Голгофе кажется такой прекрасной, трогательной, по и такой маленькой". С горечью автор книги констатирует: "Если бы нас, армян, распяли раз. Но ведь с неимоверной жестокостью, с неопишуемой лютостью нас распинают уже свыше двадцати лет, распинают без конца, с утонченным садизмом, желая с корнем, навсегда вырезать у нас надежды и мечты — на воскресение..."

Все армянство Турецкой Армении, пишет публицист, представлялось "глухим и бездонным морем, полным крови и слез, которые выбрасывало на берег трупы умученных армян, целые горы трупов", но мы верили, что "со дна этого странного моря забьют новые родники", которые заполнят это пространство и выбросят "жемчужину — нашу свободу".¹¹⁷

"Красная книга" — многоплановая, масштабная и нет возможности останавливаться на каждой ее главе, нужной и важной для осознания трагедии армян в целом. Но особенно сильное впечатление в ней производит глава "Армянские ужасы". В январе 1916 г. Рузвельт писал в "Нью-Йорк таймс", что "из всех ужасов (Первой мировой войны. — Р. Б.) самые тяжелые выпали на долю армян".¹¹⁸ Приводя эту констатацию выдающегося политического деятеля эпохи, Чалхушьян замечает: "... прежде всего в армянских ужасах поражает система, та система, которая впоследствии проводилась в сентябрьской ваканской резне выучениками Энвера-паши — Джаванширами, Хан-Хойскими и другими. Система такова, что поневоле вспоминаешь грозные и наглые слова министра внутренних дел Талаат-бея "За мечты и чаяния и вызывающее поведение армян в балканскую войну, мы сделаем так, что они 50 лет не будут вспоминать

¹¹⁷ Там же, с. 188-189.

¹¹⁸ Там же, с. 62.

ов автономии"...¹¹⁹

В книге множество свидетельств, по характеристике Чалхушьяна, "кошмарного садизма" в "бесконечных преступлениях" турок. Нельзя, пишет он, без содрогания читать рассказы, приводимые иностранными миссионерами, военными, очевидцами — русскими, англичанами, немцами. Один из них — это свидетельство некоего полковника Э. об ужасах в Мушской долине: "... в одном месте два влестящих офицера-младотурка поспорили относительно того, какого пола мог быть плод у одной захваченной ими верременной армянки. Несчастной жертве ради спора был разрезан живот. В другом месте на глазах матери была изнасилована ее малолетняя дочь. Насытившись, злодеи зарезали свою жертву и приказали матери держать кувшин и поливать им руки, которые они мыли над еще не остывшим трупом. В третьем — маленьких детей сварили в котле и под страхом смерти требовали, чтобы родители попрововали эти пищу"...¹²⁰

Можно было бы привести таких примеров тысячи, продолжает автор работы, "один ужаснее другого" и вопрошает: "Но есть ли надобность вообще доказать лютую, безграничную отвращенность младотурок с их шефами во главе?" Ответ очевиден по Чалхушьяну: "Все это делалось в угоду великой оттоманской идее. Армяне мешали торжеству панисламизма. Армяне должны были быть уничтожены, как союзники русских, англичан и французов..."¹²¹

Геноцид армян 1915 года, решение армянского вопроса "по-своему, по-турецки" произошло на глазах просвещенной и цивилизованной Европы потому, что "турецкое правительство было уверено, что европейские державы впоследствии будут считаться не с историей, а с статистикой",¹²² — замечает прозорливо писатель и юрист Чалхушьян. Неужели Армения без армян устраивала мировое сообщество, задается вопросом он и напо-

¹¹⁹ Там же, с. 63.

¹²⁰ Там же, с. 70.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, с. 79.

минает “несведущим”, кто такие армяне на этом белом свете, словами Эндрю Уайта, бывшего американского посланника в Германии: “Армянский народ – самый трудолюбивый, способный, трезвый, нравственный и предприимчивый. Этот народ с большими и благородными дарованиями. Веками он поддерживал свою культуру среди притеснений, которые раздавили бы всякую иную нацию...” (подчеркнуто нами. – Р. Б.).¹²³

Гр. Чалхушьян, разумеется, не случайно проводит это высоко характеризующее родной народ определение иностранца. Он уверен, что такой народ имеет будущее, имеет право на свободу и независимость.

... Заключительная глава озаглавлена “Нашим русским братьям”, – она исподволь подводит читателя к мысли, что и существование армянского народа, и его подлинная свобода реальны под покровительством сильной и дружественной христианской державы. В ней Чалхушьян в то смутное время – лихолетье гражданской войны в России и сложнейшие общественно-политические процессы, происходящие в Закавказье, – призывает оба единоверных народа говорить друг с другом “открыто, честно”, “не лукавить”.

“Я думаю, – пишет публицист, – что пора расстаться с рассуждениями об избранных народах, которые должны господствовать, властвовать, повелевать, и о народах, которые существуют будто для того, чтобы ими управляли. Все народы братья. Все народы – равны. Всем есть и должно быть место под солнцем. Парнев не должно быть отныне...”¹²⁴

Написанная в 1919 г. книга все еще полна больших надежд автора на послевоенную Парижскую мирную конференцию, на которой должна, по мнению Чалхушьяна, решиться судьба независимой “объединенной” Армении, включающей “шесть вилайетов Турецкой Армении, Киликию и Русскую Армению”. Писатель-патриот убежденно пишет: “Моральное право Армении на независимость, которую она объявила – неоспоримо.

Единственное возражение, которое могут сделать против этого друзья Турции, может свестись к тому, что оттоманская политика истребления армян была настолько совершенна, что сейчас нет достаточно армян для составления основного ядра населения будущего государства. Но признание ценности за этим возражением означало бы ни что иное, как санкционирование принципа истребления малых культурных народов и возврат к варварству... Циничное заявление Талаата о том, что он положит конец Армянскому вопросу истреблением армян, не осуществилось... Несомненно, союзники успеют в своем желании воссоздать Армению... Среди племен Востока армяне являются самыми интеллектуально одаренными, самыми даровитыми и самыми способными к промышленной культуре... Будь то в роли носителя культуры, будь то в роли материального возрождения, армяне остаются единственными наследниками той страны, которая является их исторической неотъемлемой собственностью” (подчеркнуто нами. – Р. Б.).¹²⁵

По мнению автора книги, политические перспективы открываются перед армянами “широкие, блестящие” – с победой союзников. “Ориентация наша оказалась верной и дело, за которое мы боролись, было правое и увенчалось успехом”, – пишет он и сокрушается: “Но этот успех пришел слишком поздно. Мы уже истекали кровью, и заря нашей свободы занималась тусклая, багровая, готовая скрыться за черными тучами”.¹²⁶

Гр. Чалхушьян считает, что “как потерпевшие и как маленькие союзники победителей” являются на конференцию армяне и “просят, и требуют, и ждут – Свободы. Они желают иметь одну территорию, на которой могло бы сосредоточиться все армянство... Армяне один народ, с одним языком, с одной культурой, с одним прошлым и историей. Надо их собрать единым”.¹²⁷ Более того, он считает, что на послевоенной мирной конференции будут учтены и удовлетворены пожелания армян-

¹²³ Там же, с. 80; см. также: Армянский вестник, 1917, N 27.

¹²⁴ Гр. Чалхушьян. Красная книга, с. 194.

¹²⁵ Там же, с. 173-176.

¹²⁶ Там же, с. 177.

¹²⁷ Там же, с. 191.

ского народа, заплатившего потоками крови за свое дальнейшее существование и процветание, а именно: "... армяне желают иметь какой-либо выход в море, чтобы не очутиться в мешке, как в те печальные дни, когда Грузия душила нас, пользуясь своим положением. В этом отношении Александретта (средиземноморский порт. — Р. Б.) была бы более спасительна, чем какой-либо порт на Черном море. Таким путем раз навсегда могли бы быть урегулированы сложные отношения и с грузинами, и с татарами в Закавказье. Армения должна быть объявлена нейтральной раз навсегда, как Швейцария, и она не должна быть ареной соревнования народов. Вот почему если необходим протекторат, то желателен протекторат только одной великой державы и лучше всего Америки, которая и теперь принимает в армянах больше участия, чем любая держава, спасая нас от голода. Армении должна быть оказана широкая финансовая помощь за счет Турции, которая ее разорила... Имущество умученных и убитых армян следует считать национальным достоянием всех армян..."¹²⁸

Касаясь закавказских столкновений, т.е. ситуации в Восточной Армении и Азербайджане, Чалхушьян считает, что Турция должна отвечать и за ваканскую резню армян. "Вель Нури-паша, — пишет он, — вопреки даже Брест-Литовскому договору, наступал на Баку. Нури-паша сознательно допустил погром и резню армян, умышленно не вводя свои войска в город и давая возможность черни и банде татар грабить и убивать беззащитных армян..."¹²⁹ (Читаешь труд почти вековой давности и удивляешься идентичности событий и адекватности реакции уже в 80-90-е годы XX столетия — годы пресловутой "перестройки", распада советской империи, ознаменовавшегося сумгаитской трагедией и другими новыми бедами для армянского народа...).

Армянский публицист-патриот убежден: "Убийцы не могут быть прощены и помилованы только потому, что они совершили *много* убийств. Все физические виновники и все мораль-

ные виновники в первую голову должны быть преданы суду международного трибунала, в котором должны быть допущены армяне, как потерпевшие... какой это был бы позор, какое это было бы несчастье, если бы только в каком-либо уголке мира над другим народом — повторились армянские зверства? Да не будет этого! Пусть же трибунал великих народов вынесет свой и великий приговор!"¹³⁰

Какой "великий" приговор уготовил нашим врагам "трибунал великих народов" и как отплатил армянскому народу за его союзническую верность и величайшие страдания — показала История... Залитая кровью и опустошенная Западная Армения, разбросанный по свету народ, и еле затеплившийся скромный уголок армянской жизни в Закавказье...

В главе "Нашим русским братьям" Гр. Чалхушьян отмечает, что великие события мировой войны показали, какое большое значение имеют "маленькие народы, интересы которых так часто игнорировали". "Таким маленьким народом, — пишет он, — является армянский народ, старый по историческому своему происхождению и только вот сейчас освобождающийся от многовекового рабства (Чалхушьян имеет в виду образование Республики Армении в 1918г. — Р. Б.). И этот старый народ, только что возрождающийся для новой жизни, обращается к молодому русскому народу и говорит ему: "Русские братья, поймите, что свободная Армения, дружественная, союзная, полезна для ваших же интересов. Она будет для вас связующим всегда звеном в Азии... Она разнесет там и семена вашей науки, вашей культуры и будет способствовать тому, чтобы окружить ваше имя ореолом славы и благодетства".¹³¹

Обращаясь к тем силам в России, которые были против образования независимой Республики Армении и всячески мешали становлению "новой Армении на развалинах Турции", Григор Чалхушьян писал: "И армяне глубоко верят, что русская Армения, где в сущности и русского населения нет, где никогда

¹²⁸ Там же, с. 191-192.

¹²⁹ Там же, с. 192.

¹³⁰ Там же, с. 192-193.

¹³¹ Там же, с. 196.

не было русских интересов (весьма спорное утверждение! — *Р. Чалхушьян*), где веками лилась исключительно армянская кровь, и которой первоначально русские войска овладели благодаря армянским добровольческим отрядам и армянским меликам (князьям), возвращена будет Россией нам — без досады и горечи! По велению совести и здравого рассудка”.¹³²

Автор книги приводит слова академика Леруа Бонне в связи с трагической судьбой армян: “История не знает, само солнце — солнце, которое, по выражению Вергилия, никто не смеет обвинить в лживости, — едва ли когда видело в нашей печальной, окровавленной столь многочисленными злодеяниями планете, столь ужасающее зрелище, какое наблюдалось в течение недель и месяцев (1895-1896 гг.) на Армянском плоскогорье”.¹³³ Но ведь ужасы, перенесенные нами за эту мировую войну, с горечью замечает Чалхушьян, далеко превзошли все те ужасы 1895-1896 годов и задается вопросом: “Подумайте, русские братья, нет ли тут и *вашей* вины. Ведь если эти ужасы названы хотя бы частью сформированием армянских дружин, то ведь задолго еще до начала открытия военных действий со стороны Турции по распоряжению графа Воронцова-Дашкова и одобрения председателя Совета министров статс-секретаря Горемыкина, т.е. главы русского правительства, были образованы эти дружины. И вот результаты. Не буду повторять: они вам хорошо известны. *Остатки* армянского народа жаждут теперь покоя, мира, жаждут немного счастья. Все это они ожидают получить на своей родине”.¹³⁴

Армянский публицист завершает свою созданную велением времени книгу пожеланием: “Мы бы, армяне, горячо желали, чтобы в этот светлый день нашей окончательной свободы, видя русских наших братья, которым мы так верили, которых мы так любили, были с нами и радовались нашему счастью. Это счастье

мы выстрадали давно...”¹³⁵

“Красная книга” Гр. Чалхушьяна — острая, бескомпромиссная — изобличала и клеймила заклятых врагов армянского народа на основе неопровержимых фактов и убедительных аргументов, но в то же время давала масштабную картину новейшей истории армян в судьбоносный период начала XX века. Этот труд — беспримерный подвиг известного общественного деятеля и патриота, внесшего свою, особую “струю” в течение российско-армянской жизни в трагические дни геноцида родного народа, достойный ответ армянской интеллигенции на “Белую книгу” турок...

Работа была встречена с интересом не только в армянском обществе, но и в российской среде, озабоченной проблемой армян. Резонанс был широк, конечно, в первую очередь в армянских колониях России, а также на Кавказе, хотя хаос в общественно-политической жизни взбудораженной грозными событиями последних лет Российской империи не позволил в то время достойнейшим образом отметить этот факт...

Проблемы и судьбы родного народа продолжали волновать Гр. Чалхушьяна и в последующие годы. В 1923 г. в Вене на армянском языке выходит в свет его брошюра “Каким был и каким должен быть наш путь”,¹³⁶ вызвавшая неоднозначную реакцию в общественных и партийных кругах неординарностью и прямотой взглядов.

Работа состоит из трех глав: “Осознанная беда — полбеда”, “Истинные причины падения Республики Армении” и “Каким был и каким должен быть наш путь”. Наиболее развернутая из них вторая глава, в которой Гр. Чалхушьян подробно анализирует ситуацию в первой армянской республике — ее экономическое, демографическое, военно-политическое положение, территориальные потери 1918-1920 годов и пытается, заметим — довольно успешно, делать соответствующие выводы.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же, с. 196-197.

¹³⁵ Там же, с. 197.

¹³⁶ Гр. Чалхушьян. Каким был и каким должен быть наш путь. Вена, 1923 (на арм. яз.).

Вспомним, какие радужные перспективы намечал для своей измученной, израненной Родины публицист-патриот в своих статьях 1916-1917 гг. и знаменитой вышерассмотренной “Красной книге” 1919 года и как разительно переменялись взгляды и настроения Гр. Чалхушьяна в новой работе, посвященной в основном независимой Республике Армении. С первых же ее страниц читаем: “Лозаннская конференция многих из нас разочаровала. Все армянские газеты стали пускать стрелы во Францию, Англию и Италию, разоблачая их подлую расчетливость, и мы сегодня, удрученные, ругаем всех тех, чьи руки еще вчера целовали, от которых еще вчера ждали нашего спасения”.¹³⁷

Безусловно, катастрофа, по мнению автора книжки, велика, но надо понять ее. Осознанная, понятая беда — польза. Понять надо хотя бы для того, чтобы в следующий раз не шагнуть вновь по неправильному пути.

“Вы говорите, нас покинули, — размышляет Гр. Чалхушьян. — Но неужели нас бросили на Лозаннской конференции? Нам бросили ранее, только мы не хотели знать действительности, были увлечены, как всегда, мечтами, грезами, самообманом. Разве не в начальный период войны было, когда Англия, Франция и Россия по тайному сговору разделили Армению между собой и царская Россия планировала в исторических долинах Аланкерта и Диадина Евфратский мир. Разве не во время войны царская Россия запрещала въезд армян в Карин и то продвигалась, то *без причин* отступала, давая место новым погромам и опустошению страны, чтобы осуществить старую программу Лованова-Ростовского “Армения... без армян”. Во время перемирия, когда еще шла великая война, разве нам не сказали ясно: мы не дадим ни солдат, ни денег — пусть воинов даст ваш народ, а деньги — ваши богачи. Разве нас не покинули тогда, когда Франция оставила Киликию. Почему, однако, мы, зная все это, как, бездомные дети, увлекались, убаюкивались и обманывались красивыми, может быть вежливыми, во всяком случае лживыми словами

¹³⁷ Там же, с. 5.

различных государственных лиц? Вот те слова, которые мы непрерывно повторяем, чтобы подчеркнуть подлость Европы и... *нашу невинность и справедливость*...

Но мы, мы, которые дали столько необязательных жертв для армий Франции, Англии и России, что сделали мы и делаем для нашего армянства? Оставили Карс, не разрядив ружья”.¹³⁸

Приводя известное древнее изречение “Amicus Plato, sed magis amica veritas” (“Платон мне друг, но истина дороже”), Чалхушьян с этих позиций пытается дать объективную картину становления и крушения Первой Республики Армении, считая, что “эта правда важна” для молодого поколения: “Эта правда необходима, чтобы мы не колебались, не обманывались, искали, находили какой-то выход, путь”.¹³⁹

Во второй, основной главе, в разделе “Наше географическое положение и наши соседи”, автор книги констатирует, что государства Закавказья в этот период, “увлеченные узким, националистическим духом, уже с самого начала не сулили хорошего будущего друг другу”. И неудивительно, что независимость Армении в этих условиях (Грузия, держащая в своих руках выход Армении в мир, и Азербайджан, стремящийся к Турции) лишь ухудшила положение страны, превратив ее “в островок, лишенный всех транспортных средств”, “широко открылись двери ожидания, разрухи, потерь”...

В разделе “Население Армении” Чалхушьян дает любопытную картину демографического состояния новоявленной республики: “Помимо армян в Армении жили: мусульмане, русские, греки и айсоры. Первые не воспринимали идею армянской государственности и разрушали все и везде, где и что только могли. Рядом с ними жили турецкие офицеры, которые шпионили. Турция всегда имела точные сведения о нашем военном положении. Во время войны они портили дороги, телеграфные линии, отрезали нас от Тифлиса и всячески поддерживали врага. Русские не хотели нам подчиняться, так как во времена царско-

¹³⁸ Там же, с. 6-7.

¹³⁹ Там же, с. 8.

го правительства были в привилегированном положении в Армении и хотели сохранять его и ныне. Греки считали армянскую власть временной и всегда создавали трудности правительству. Только езиды были с нами, однако всегда нуждающиеся в нашей помощи, и правительство даже отпускало им средства — для защиты их интересов в Европе”.¹⁴⁰

Конкретно о коренном населении страны публицист писал: “Интересны были армяне. Почти половина населения Армении — беженцы и сироты. Крестьянство было безразлично к государству, не хотело давать ни налогов, ни воинов. С удивлением и гневом спрашивали: как, и теперь, когда страна наша, снова должны давать бойцов и налоги?.. Российские армяне в общем не верили новому государству: ждали, что снова вернутся русские и будут властвовать в стране. Турецкие армяне мечтали в другой Армении — где Ван, Карин, Харверд... Идея Родины была верно меньшинство — интеллигенция. Между этой интеллигенцией и прочим народом не было крепкой, нерушимой связи. Не понимали друг друга... *В широком понимании в Армении не существовало нации*” (подчеркнуто нами. — Р. Б.).¹⁴¹

Дашнаки, по мнению Чалхушьяна, “не уяснили сути государственной идеи” и являлись “государством в государстве”.¹⁴² Здесь же он довольно нелицеприятно характеризует лидеров республики — А. Хатисяна, А. Оганджяна и др.

Развенчивая дашнаков, автор работы напоминает о своей статье “Пока не поздно”, в которой пытался привлечь внимание руководителей страны к угрожающему положению новосозданного государства. Статья не была опубликована ни официальной “Арадж” (“Вперед”), ни “Жоговурдом” (“Народ”)... Чалхушьян вынужден привести ее в своей книжке.

“Кровь армянина течет уже... рукой армянина, — читаем в ней. — Положение усугубляется. У наших ворот стоит враг. Голлод протягивает свои смертоносные мускулы, чтобы залупить

нас и вопрос “быть или не быть?” поставлен перед нами серьезнейшим образом. Надо встряхнуться, надо действовать. И действовать надо всенародно, всеедино, как один человек. Нация сегодня должна быть единой волей, чтобы победить”.¹⁴³

По мнению Чалхушьяна, правительство “слепо и упорно растаптывает волю нации” в угоду партийным интересам, в то время как дашнаки составляют “всего пять процентов” народа.¹⁴⁴

Неудивительно, что столь резко написанная статья-обращение оказалась не по праву власть предержащим и, естественно, не могла быть опубликована. Но от этого истина не менялась! А посему публицист вновь и вновь говорит об ошибках, допущенных в период становления независимой Армении. Не без иронии и сарказма он завершает раздел “Дашнакское правительство” пассажем о том, что не припомнит, чтобы за вопиющее экономическое преступление правительство кого-нибудь “повесило или расстреляло”...

Выводы Гр. Чалхушьяна относительно причин поражения и крушения Первой Республики таковы:

“а) независимо от дашнаков, естественные, неизбежные причины — наше неблагоприятное географическое положение, недоброжелательность соседей, экономические условия и несознательность народа;

б) другая причина — сами дашнаки, которые были лишены государственного понятия и вместе с государственным невежеством стремились к созданию “дашнакской” Армении и держали народ в глубоком невежестве”...¹⁴⁵

Далее, задаваясь вопросом, могло ли спасти положение правительство, Чалхушьян отвечает утвердительно: “... Могло бы... только Россия могла спасти нас”. Но для этого дашнакам надо было иметь “необходимую честность и патриотизм — усту-

¹⁴⁰ Там же, с. 14-15.

¹⁴¹ Там же, с. 15-16.

¹⁴² Там же, с. 29.

¹⁴³ Там же, с. 33.

¹⁴⁴ Там же, с. 34.

¹⁴⁵ Там же, с. 36-37.

нить добровольно свои места, без борьбы и кровопролития...¹⁴⁶

Наконец, последняя глава, по которой получила название и вся книжка: “Каким был и каким должен быть наш путь”. В ней автор, в частности, замечает: “Патриотизм мы понимаем не как любовь к ущельям, полям, горам, родникам, которые воспевают поэты. Патриотизм — это любовь к народу”. И именно в интересах народа, по мнению Чалхушьяна, быть с Россией, именно с ней видеть будущее Армении.

“Самой большой нашей ошибкой, — утверждает публицист, — было то, что мы, будучи малой нацией, хотели делать большую политику и то руками мелких людей. Для малых наций политика — роскошь. Потому что ум политиков — в сильном кулаке. Как бы ни были наши политики умны, они покажутся глупцами, потому что у нас нет и мы не можем иметь сильного кулака. Только в объятиях России у нас есть возможность спокойно размножаться, развиваться и достичь благосостояния. Окруженные нациями, которые нас не понимают или не любят, у нас есть потребность залечить наши старые раны. Надо, чтобы мы и соседи познали друг друга, поняли, чтобы полюбить и уважать”.¹⁴⁷

Таким образом, Чалхушьян приветствует союз с Россией, создание Закавказской Федерации, советскую власть как единственное спасение Армении в создавшейся политической ситуации. “Кто из нас не знает, что, к несчастью, наша Армения будет жить столько, сколько социалисты будут править и хозяйничать в России. Если завтра Милюковы сядут в правительственные кресла, Армения станет просто окраинной провинцией, покинутая, забытая, как и прежде”, — не скрывает положения вещей всегда живший интересами нации деятель.

Критически относясь к чаяниям “идолов наших сердец и мыслей” — Раффи, Гамар-Катипы (Р. Патканяна) и Гр. Ариуни, призывавших к борьбе, которая должна была “потрясти общественное мнение Европы”, Чалхушьян не скрывает разочарова-

ния: “Теперь мы видим, к чему пришли. Сколько жертв и как мало результата... Да, беда, когда не хотим понимать — станет дважды бедой на наши головы. Надо искать и найти новый путь. В чем действительное наше спасение?”¹⁴⁸

“Спасение”, помимо уже указанного союза с Россией, Чалхушьян видит в сохранении физического существования армянского народа в самой Армении “любой ценой” и в просвещении, культурном развитии нации — будущее ее.

“Как можно больше запасов науки и как можно меньше грез, мечтаний, безрассудства, потрясений, которые до сегодняшнего дня вели нас по столь привлекательной, столь блестящей и столь обманчивой дороге к краю пропасти потерь”.¹⁴⁹

Разумеется, вывод известного общественного деятеля, публициста и патриота, так много сделавшего для нации в годы Первой мировой войны и геноцида армян, не совсем убедителен: вряд ли можно видеть “спасение нации” в широком, даже самом глубоком и блестящем просвещении народа. И неудивительно, что брошюра Чалхушьяна, изданная в Европе, была воспринята неоднозначно в различных кругах армянского общества, а некоторыми — даже в штыки. Так, О. Кусикьян позднее, ознакомившись с книгой, в 1935 г. “выразился” об ее авторе и его взглядах: “Жалкий сменовеховец! “Вождь” армянской буржуазии капитулирует и находит спасение армян... в просвещении вообще, априорно!”¹⁵⁰ Соглашаться с подобной оценкой, впрочем, тоже было бы весьма опрометчиво...

В целом же ценность книжки и высказанных в ней мыслей и взглядов — в трезво воспринимаемой политической реальности в регионе и единственно верном в сложившейся ситуации пути армянского народа — вместе с русским народом, с новой Россией. Будущее показало, что для развития и расцвета Армении советский период ее истории оказался довольно благоприятным почти во всех сферах жизнедеятельности нации, даже не-

¹⁴⁶ Там же, с. 37.

¹⁴⁷ Там же, с. 38-39.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же, с. 43-44.

¹⁵⁰ Надпись от руки на личном экземпляре книги.

смотря на очевидные и вопиющие промахи тоталитарной, анти демократической системы. А успехи в просвещении, образовании, науке и культуре были столь убедительны, что путь, “предначертанный” Чалхушьяном, оказался вполне реальным и осуществленным довольно наглядно и убедительно...

Гр. Чалхушьян, естественно, не был одинок в своих “руссофильских” взглядах: очень многие выдающиеся представители армянской интеллигенции осознавали, что в сложившихся условиях исторического бытия и развития другого пути для армян просто нет... Так, например, Ав. Исаакян, познавший на себе все “прелести” западной общественно-политической жизни, разочаровавшийся в европейской дипломатии, говоря современным языком, “двойных стандартов”, писал Ов. Туманяну 1 июля 1921 г. из Венеции: “Я сам не был сторонником ни абсолютной независимости, ни верящим, и ни уверенным: мы своими силами не смогли бы быть независимыми и удержать независимость; Европа не только не поможет нам, но и враг и радуется уничтожению армян. В этом убежден на фактах, для меня Англия и Франция оказались столь же жестокими, как и Германия. Христианство, цивилизация, гуманизм – пустые звуки в глазах европейца. Нужно отвернуться от этих разбойников и сблизиться с Россией, в каком бы виде она не предстала... “Старый друг лучше новых двух”, как говорит русская пословица. По-моему, Армения и армянский народ могут жить только с Россией или вовсе не жить. Остальное – выше пределов глупости”.¹⁵¹

Разумеется, армянский поэт, долгое время находившийся в эмиграции и оторванный от родной земли, в душевном смятении, явно резковат и излишне эмоционален в негативной оценке европейских держав и отрицании их роли в судьбах армян (причина тому – неоправдавшиеся надежды на восстановление единой и независимой Армении), однако в целом, бесспорно, мудр и реалистичен в выборе ориентации родного народа, как бы Россия, в свою очередь, не была отягощена собственными “грехами” в отношении армян... Таких же взглядов придержи-

вались и Ов. Туманян в ряде своих статей и выступлений, некоторые западноармянские деятели (например, А. Чопанян)...

Заметим, что не только армяне “тянулись” к русским, неоднократно убеждаясь в тщетности достижения заветных национальных целей с помощью европейцев. Российская политика в отношении армянского народа также способствовала тому. Это признавали даже враги России; так, один из министров кайзеровской Германии, М. Эрцбергер, замечал: “... Россия настойчиво преследовала цель объединения всех армян под своим политическим и религиозным владычеством...”¹⁵² Разумеется, царская Россия исходила из собственных политических и геостратегических целей продвижения на юг, “к теплым морям”, но и эти, определенно колониальные, задачи, в случае осуществления, вполне “устраивали” армян, так как спасли бы их от нестерпимого и ненавистного турецкого гнета, ассимиляции, физического уничтожения.

Видный исследователь проблем геноцида и Армянского вопроса Дж. Киракосян справедливо констатировал реальность, когда писал: “Действительно, такова была и есть непреложная логика истории Армении в новое и новейшее время. С возрастанием роли России как мировой державы, ее значения в международной жизни, реалистично мыслящие представители армянского народа справедливо усматривали физическое и духовное освобождение своего народа именно в союзе с Россией. И это понятно... Каждая победа русского оружия над Османской империей, каждый международный договор русской дипломатии приближал день полного освобождения... армян... Каждый раз после очередной победоносной русско-турецкой войны армянский народ приветствовал русских... видя в них освободителей от турецкого гнета. И каждый раз политические и дипломатические акции европейских держав, направленные на максимальное ограничение территориальных приобретений России, приносили в жертву судьбу армянского народа...”¹⁵³

¹⁵¹ *Аветик Исаакян. Собр. соч. в 6 тт., т. 6, Ереван, 1979 с. 180-181 (на арм. яз.)*

¹⁵² *М. Эрцбергер. Германия и Антанга. М.-Л., 1923, с. 80.*

¹⁵³ *Дж. Киракосян. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1989, с. 8-9.*

Задолго до современного историка к этим мыслям пришел целый ряд армянских общественных деятелей-патриотов и в их числе – Григор Чалхушьян... Свидетельство тому – вся его деятельность, направленная на животворный обоюдovýгодный союз русского и армянского народов.

Таким образом, подытоживая плодотворный путь Григора Чалхушьяна на общественно-политической и патриотической ниве, можно с уверенностью охарактеризовать его как одну из самых ярких личностей армянской интеллигенции России первой четверти XX века, всецело посвятившей себя родному народу в один из самых трагических периодов его истории – обострения Армянского вопроса и геноцида 1915 года.

Интересы армянского народа в высших российских кругах представлял и защищал, по мере своих возможностей, в период Первой мировой войны и геноцида армян также влиятельный общественно-политический деятель *Михаил Пападжанов* (1865-1926).¹

Поднимая самые жгучие вопросы, волнующие армянскую общественность с высокой трибуны Государственной Думы, армянский депутат обращался не только к законодателям России, но и ко всему обществу, к вершителям судеб российской политики. Выступления Пападжанова, всегда яркие, эмоциональные, заставляли общество встрепетать, “обратиться в слух”, проникнуться сочувствием к армянскому народу, особенно к турецкоподданным армянам, находящимся в невыносимо тяжелых условиях существования, а с началом войны с Турцией осенью 1914 г. оказавшихся и на грани полного физического уничтожения. Так, например, в августе 1915 г. Пападжанов обращал внимание министра иностранных дел России С. Д. Сазонова на “ужасное положение армянского населения в Турецкой Армении и прибывших в российские пределы беженцев”. Сообщая конкретные цифры о количестве погибших, о беженцах, депутат замечает, что мог бы продолжить “без конца” “мартиролог” тяжелых дней.

“Нет слов для передачи действительности, – сокрушается Пападжанов, – и бесхитростный рассказ очевидца может выслушать до конца только обладающий крепкими нервами”.

Обращаясь к министру, армянский деятель просит его: “... Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, возьмите на себя инициативу и примите меры, чтобы немедленно из средств госу-

¹ М. П. Пападжанов (Бабаджанян) – член партии конституционных демократов (кадетов), депутат IV Госдумы (1912), впоследствии – член Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ) в 1917 г., затем – член Закавказского Комисариата, председатель ЦК Армянской Народной партии. В последние годы жизни сотрудничал со сменовеховцами.

дарства было отпущено не менее миллиона рублей в распоряжение армянских организаций помощи беженцам, прекрасно организованных и работающих целый год под покровительством Верховного Патриарха и Католикоса всех армян...”²

В своей речи в Госдуме по случаю взятия Эрзерума русскими, опубликованной многими газетами и журналами, Пападжанов отметил, что “как и прежде, несмотря на допущение в Армении кровавых ужасов, подобных которым не знает мир, все армяне преисполнены твердого решения виться за успех России и ее доблестных союзников, ведущих борьбу за право и свободу народов... Светлым лучом в общем положении Армении, подавленной кошмарными злодеяниями турецкой власти, является падение Эрзерума. Падение Эрзерума – этой гордости и твердости Востока... – имеет величайшее не только стратегическое, но и политическое значение”.³

По мнению Пападжанова, прочное овладение Эрзерумом – “дело всей русской армии, дело всей страны, каждого в отдельности”. “Мы верим в конечную победу России, – убежден армянский депутат, – ... мы верим в светлое будущее России, мы верим, что под сенью русского орла возродится вновь на свободную национальную жизнь армянский народ в пределах своей древней родины, Турецкой Армении, где каждая часть земли обильно полита кровью ее и потом, где каждый камень говорит о высоком культурном прошлом ее”.⁴

М. Пападжанов не только горячо выступал в Думе – он проявлял деловую активность, инициативу, обследовал пужа пострадавшего от войны армянского населения, побывав в занятых русскими войсками районах Западной Армении. В результате им был собран огромный материал, касающийся как ведающего населения, так и органов, занятых специально делом по

² АВПР, Политархив, д. 3492, л. 5-6. См. также: Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915-1916 гг. Ереван, 1995, с. 55-56 (далее – Русские источники о геноциде армян...).

³ Армяне и война, 1916, N 1; Армянский вестник, N 6, 1916, с. 7; Русские источники о геноциде армян..., с. 106-107.

⁴ Там же.

мощи. На основании лично добытых данных и собственных впечатлений Пападжанов находит положение армян “в высшей степени безотрадным”. По мнению видного армянского общественно-политического деятеля, “число армян-беженцев, нашедших приют в Восточной Армении и Закавказье, составляет 230-240 тысяч”, – в основном это нетрудоспособные мужчины, женщины и дети.

“Те средства, которые... начали отпускаться казной для пужд беженцев, – отмечал депутат в интервью корреспонденту журнала “Армяне и война”, – а также помощь, оказываемая им армянскими благотворительными учреждениями, – были бы каплями в море, – не будь трогательного внимания к положению беженцев со стороны армянского крестьянства Закавказья. Оно делится с несчастными своим, буквально, последним куском хлеба, до невероятия стесняет себя, давая приют овездоленным армянам...”⁵

Пападжанов, касаясь добровольческого движения армян в годы Первой мировой войны, заявляет, что она “оценена должным образом” русской высшей военной властью, которая неизменно выражала “полное удовлетворение высокополезной службой армян-добровольцев”: они проявляют “выдающуюся отвагу, а в разведках, как знакомые с местностью, буквально незаменимы”. Естественно, турецкие власти вымещали свою злобу на незащитных армянах. Тем не менее, по мнению Пападжанова, “русская ориентация, твердо усвоенная широкими армянскими массами, а также глубокое сознание, что никакое освобождение не дается без жертв, – властно диктуют армянам не сходить с раз намеченного пути, – не отказываться от активного участия в войне”.⁶

Говоря о судьбах армян в Турции, Пападжанов, не отрицая факта массовых погромов, все же выражает надежду, что “значительная доля турецкого армянства избежит истребления”. (Увы, история доказала обратное... – Р. Б.).

⁵ Армяне и война, 1916, N 1.

⁶ Там же.

Однако события, развернувшиеся в последующие месяцы 1916 года на Кавказском фронте и в Западной Армении, заставляют М. Пападжанова вновь выступить в марте того же года в Госдуме России с обстоятельной речью. Самая широкая и полная картина армянской трагедии представлена была в этом выступлении не без оттенка укоризны в адрес законодательного органа страны.

“То, что произошло в Армении, – говорит Пападжанов, – не поддается никакому описанию, и даже непостижимо для воображения... синонимом человеческой народной трагедии стала Турецкая Армения. Ни одна нация в мире не понесла в эту войну столько жертв, как армяне, и никогда армянский народ, подвергавшийся бесконечным бедствиям, столько не терял. Жертвою чудовищных оргий турецких авантюристов стали сотни тысяч мирного населения, главным образом женщины и детей”.⁷

Армянский депутат объясняет своим русским коллегам причины (вернее, одну из причин) подобного развития событий. В начале войны с Германией, когда Турция еще не была втянута в войну, турецким армянам “делались определенные предложения” как членами комитета “Единение и Прогресс”, так и должностными лицами. Турецким армянам обещали не только неприкосновенность жизни, но и автономное устройство в пределах Турецкой Армении и даже Кавказа, обещанного Турции Германией, если они станут на сторону Турции и изменят России. Эти предложения были, естественно, армянами отвергнуты, и “отсюда начинаются все бедствия”. Нынешние младотурецкие политики “являются, в сущности, продолжателями политики красного султана Абдул-Гамида, заключавшейся в том, чтобы разрешить Армянский вопрос в Турции путем уничтожения целого народа”.⁸

М. Пападжанов раскрывает “механизм расправы” над армянским народом. Во-первых, еще до войны Турции с Росси-

ей армян стали обвинять в шпионстве в пользу России. Во-вторых, одновременно с широко поставленной антиармянской пропагандой армян стали забирали в войска не от 20 до 35 лет, как следовало, а от 18 до 48 лет. “Лучшие элементы армянского общества” и его руководителей, начиная с архиереев и депутатов турецкого парламента, были заключены в тюрьму, некоторые даже убиты. Потом стали обезоруживать и убивать всех солдат-армян. 20 мая 1915 г. младотурецкое правительство решило принять “окончательные меры” и издало декрет о полном выселении армянского населения в Месопотамию, рассчитывая, что часть его погибнет в дороге, а другая едва ли выживет в жарких песчаных степях... Были организованы особые банды, которые по дороге настигали переселенцев, грабили и убивали их...

“Истинными виновниками несчастья, постигшего армян, – заявляет в Госдуме депутат, – являются турецкие правители и их германские друзья, давшие Турции разрешение на эти меры. Деятели партии “Единение и Прогресс” явились деятельными поборниками проведения этой системы... Вина за происшедшее падает и на германских друзей партии “Единение и Прогресс”... Отношение Германии к злодеяниям в Турецкой Армении ляжет вечным пятном на так кичающуюся своей культурой Германию”.⁹

М. Пападжанов в то же время имел смелость с высокой трибуны Госдумы обвинить и российские военные власти в усугублении положения армян. Говоря о двух отступлениях русских войск на кавказско-турецком фронте, повлекших за собой уничтожение местного армянского населения, он подчеркнул, что “вопреки требованиям здравого смысла и политического расчета”, население не было заблаговременно оповещено о том, что наши войска должны отступать, как это делалось на Западном фронте, – это стоило армянскому населению до 40 000 жертв. Российские власти не приняли никаких мер, чтобы переход беженцев совершался с меньшими потерями. Более того, якобы “по небрежности”, беженцам указывались такие пути, которые повели бы к уничтожению населения, и только “ослуша-

⁷ Армянский вестник, 1916, N 8, с. 8.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

ние” армян позволило избежать того, что 40-тысячные жертвы не были увеличены еще многими десятками тысяч. Такова горькая правда!

“Армянам... не только не оказывалось помощи и защиты от насилий, — заявляет депутат, — но власти пренебрегали вопросом о защите христианского населения, что дало повод главарям курдских племен и черкесам в Турецкой Армении продолжать безнаказанно творить бесчинства над незащищенными армянами... Главари курдских шаек, вырезавших армян, не только не наказаны, но разоружение курдов велось таким образом, что люди, воровавшиеся против армян и чинившие всякие зверства над армянским населением, продолжали свободно проживать на прежних местах...”¹⁰

Русские военные власти разоружали (увы!) армянские дружины: по свидетельству одного из героев дружины, понесшей множество жертв, власти отобрали у них оружие, которое было им “дороже собственных детей”. Это заявление Пападжанова вызывает возмущение среди депутатов Госдумы, которые обвиняют в подобном поведении небезызвестного генерала Янушкевича, руководившего действиями в пределах завоеванных русскими войсками областей Турецкой Армении.

“Всякий раз, когда в Турции наблюдался кризис, — подчеркивает в своем выступлении М. Пападжанов, — больше всего терпели армяне, и чем слабее была Турция, тем сильнее были удары. Но несмотря на понесенные жертвы и страдания, армяне не пали духом и преисполнены энергии и сил продолжать упорную борьбу... они никогда не теряли надежды на возрождение с помощью России. Армяне верят, что недалеко уже то время, когда осуществятся их идеалы, когда прекратится жизнь, полная тревоги за существование, когда на родной земле воспрянут дремлющие силы древнего культурного армянского народа”.¹¹

Армянский депутат в заключение своей речи выражает уверенность в том, что победа России и ее союзников принесет

Турецкой Армении развитие национальной жизни, уважение к правам всех национальностей, предоставит им самим возможность распоряжаться своей внутренней жизнью.

Энергичная деятельность М. И. Пападжанова как представителя кавказских армян в Государственной Думе Российской империи встречала одобрение среди российско-армянской общественности и, в первую очередь, интеллигенции. Так, хорошо известный и авторитетный деятель армянской общины А. Дживелегов, внимательно и последовательно следивший за текущей работой законодательного органа государства и его армянских депутатов, в частности М. Пападжанова, и регулярно освещавший ее в “Армянском вестнике”, отмечал не без критической нотки: “Депутат Пападжанов начал уже серию речей, посвященных армянам, но его первая речь носила характер чисто декларативный. Он говорит больше о чувствах армянского народа, чем о его нуждах. Вероятно, все, самое существенное и самое нужное, будет сказано во время прений об иностранной политике”¹² (февраль 1916 г.). Или: “М. И. Пападжанов обрисовал перед Думой муки Армении с той пылкой и трогательной задушевностью, которая звучит в его речах всякий раз, когда он говорит о своем народе. Наш депутат столько лет болеет за него душой, так хорошо знает его страдания, что ему не трудно было быть убедительным”¹³ (март 1916 г.). Дживелегов справедливо подчеркивал, что М. Пападжанов “представляет собой голос всего армянского населения Кавказа”, да и вообще “русских армян”.¹⁴

По инициативе депутата М. Пападжанова в Петрограде в 1916 г. созывается и получивший большой резонанс в обществе Армянский съезд. Общественно-политический деятель считал основной задачей всеармянского форума армянских организаций в российской столице вопрос о веженцах и улучшении их положения. Армянская пресса (“Мшак”, “Тахапар”, “Оризон”,

¹⁰ Там же, с. 9.

¹¹ Там же.

¹² Там же, N 4, с. 1.

¹³ Там же, N 8, с. 1.

¹⁴ Там же, N 9, с. 1.

“Ван-Тосп”, “Пайкар” и др.) поддерживала идею армянского депутата в Госдуме, считая, что съезд, если действительно имеет в виду “жизненные и неотложные и высшие интересы турецких армян” должен пригласить представителей “всех течений русских находящихся в нашем крае беженцев – турецких армян”.¹⁵

Итак, инициатива М. Пападжанова была горячо поддержана российскими армянами по всей необъятной империи, и 10 мая 1916 г. в Петрограде, в здании Общества путей сообщения, открылся Съезд представителей армянских общественных организаций, занимающихся помощью беженцам-армянам. Представительство было достаточно широкое – прибыло свыше 140 делегатов различных армянских “легализованных обществ”: Кавказского Армянского Благотворительного общества, Кавказского общества армянских писателей, общества “Нпастаматуи” (Тифлис), Культурного Союза, Человеколюбивого общества (Баку), Армянского общества вспомоществования жертвам войны, Армянского попечительного общества (Петроград), Нор-Нахичеванского благотворительного общества, комитетов “Братской помощи” Москвы, Еревана, Карса, Эчмиадзина и многих других.

Среди почетных гостей были российский сенатор Иваниц, академик Н. Марр, депутаты Госдумы М. Пападжанов, М. Аджемов, бывший член Госсовета П. Гукасов, генералы Баграмов и Султан-Шах, управляющий Монетным Двором Э. Бавалянц, другие именитые люди. Председателем съезда избирается присяжный поверенный, председатель Московского Армянского комитета С. Мамиконян, “товарищами” председателя – председатель Нор-Нахичеванского Армянского комитета присяжный поверенный Г. Чалхушьян, председатель Петроградского Армянского Бюро помощи жертвам войны присяжный поверенный А. Асрибеков и др.¹⁶

На съезде выступают, в частности, Г. Чалхушьян и М. Пападжанов, встреченные “с воодушевлением и аплодисментами”.

В своей речи Пападжанов, отмечая неоценимую помощь множества организаций армянским беженцам – Всероссийского Союза городов, Татьянинского (Великой Княжны Татьяны Николаевны. – Р. Б.) комитета, комитетов Братской помощи и др., подчеркивает особую заслугу в этом деле и армянского крестьянства: “... Сами почти нищие, они великодушно делились последними запасами с беженцами, не жалея даже неприкосновенность фондов. Бывало, что деревня, имеющая 600 человек жителей, давала приют 800... Когда этим людям говорили: “Что вы делаете!” – они просто отвечали: “Ведь это наши братья”.¹⁷

Армянский депутат Госдумы, выражая не только собственное мнение, но и всех собравшихся на съезде, говорит: “Положение наше сейчас очень тяжелое, но оно облегчается тем, что с нами симпатии русского общества, сочувствие высших представителей власти в России и поддержка всех культурных наций Запада... Мы должны работать, не унывая и не покладая рук, чтобы помочь своим братьям – турецким армянам и чтобы всеми силами способствовать победе России. Для этого нужна работа, как в тылу, так и на поле брани”.¹⁸

М. Пападжанов считает, что все армянские организации в России должны объединиться – с тем, чтобы помощь турецким армянам получила “более планомерный и более интенсивный характер”, тем более, что между этими организациями нет расхождений в главном, – “недостает взаимной связи; ее нужно создать: это задача съезда”.¹⁹ Итак, оратор предначертал главное направление работы.

Голос депутата Госдумы и здесь, на Армянском съезде, звучал уверенно и убедительно, внушая оптимизм собравшимся со всех уголков империи армянским деятелям и веру в будущее народа-изгнанника...

Осенью 1916 г. неутомимый Пападжанов, по просьбе

¹⁵ Там же, N 14, с. 22.

¹⁶ Там же, N 17, с. 10.

¹⁷ Там же, с. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

объединившихся в союз армянских общественных организаций (Армянское Благотворительное общество на Кавказе, Центральный комитет, Общество вспомоществования, Комиссия по восстановлению Армении и др.), возбуждает ходатайство перед кавказской администрацией о разрешении созвать второй съезд общественных организаций с целью оказания более действенной помощи беженцам уже в самой Армении – в Эчмиадзине, где, как известно, к тому времени скопилась огромная масса изгнанных из Турецкой Армении.²⁰

В конце ноября того же года М. Пападжанов докладывает в Тифлис собранию представителей всех армянских беженских организаций о результатах своей поездки по Персии и Закавказью (Эриванская и Елизаветпольская губернии), предпринятой с целью выяснить положение беженцев, а также местного армянского крестьянства. Положение это, по мнению армянского депутата, “чрезвычайно печальное”, дело продовольственного снабжения населения находится “в хаотическом состоянии”, если не будет принято своевременных мер, крестьянам грозит голод “вследствие неполучения ими в свое время в достаточном количестве посевного зерна”. Среди беженцев же “постоянный голод или недоедание и болезни, которые при благоприятных обстоятельствах могут вспыхнуть в грозные эпидемии”. Население Шушинского (Нагорный Карабах) и Елизаветпольского уездов “сильно страдает также от разбоев и грабежей (со стороны тюркского населения. – *Р. Б.*), сильно развившихся в этом районе”, констатирует Пападжанов, – “дороги стали небезопасными для проезжающих, а само население положительно терроризировано постоянными грабежами, угоном скота”.²¹

Разумеется, дипломатичный российский депутат-армянин, чтобы не раздражать кавказские и центральные власти, не упоминает национальную принадлежность “терроризирующих” постоянными “грабежами, угоном скота”, однако всем и вся было ясно, что армянское население в этих регионах могло

страдать от бесчинств и давления лишь мусульманского (азербайджанского – по более поздней терминологии) окружения... Иного не было!

... Уделяя в Государственной Думе России основное внимание проблемам и нуждам турецких армян, что, разумеется, было первоочередной задачей времени, М. Пападжанов порою упускал из виду вопросы, волнующие кавказских армян. Так, тифлисская “Оризон” писала с укоризной в одной из своих передовиц в марте 1916 г.: “Он говорил с пылом и воодушевлением, кратко и красиво (имеется в виду речь депутата в Госдуме в связи с взятием русскими Эрзерума. – *Р. Б.*). Он справедливо подчеркнул, что армянский народ, даже будучи истерзанным и развитым, будет продолжать идти рука об руку с Россией и с ее великими союзниками к конечной и освободительной победе... Все это хорошо. Но армянский народ, кроме дифирамбов, имеет много жалоб... Мы не знаем, какие политические причины могли бы заставить нашего депутата хранить молчание в этот самый торжественный момент, когда вся Россия и весь мир с напряженным вниманием следят за речами, произносимыми с Думской трибуны и когда армянский народ – в тысячу раз более несчастный и оскорбленный, полон невозможного недовольства, имеет много ран, долженствующих быть выставленными перед глазами всей России... какой народ имеет больше прав говорить, быть недовольным, какой народ дал столько жертв, как армянский, который является живой жертвой на алтарь победы... Пападжанов был на Кавказе, ездил по провинции, поехал в Персию, с энергией, достойной похвалы, приглядывался, наблюдал; изучал; почувствовал боль при виде совершающихся беззаконий и преступлений; заговорил кое-где сильно и гневно, и с огромными доселе вернулся в Петроград, чтобы хранить молчание с Думской трибуны, в этот таинственный момент, когда армянство продолжает страдать в тисках тупых и злонамеренных сил, когда армянский народ готов высказать всему миру свое негодование”.²²

²² Армянский вестник, N 6, 1916, с. 19. Обзор печати.

²⁰ См. там же, N 41, с. 21-22.

²¹ Там же, N 47, с. 19-20.

Разумеется, проблемы у российских армян были, но они меркли на фоне несчастья, постигшего западных армян, и особое внимание, уделяемое Пападжановым беженцам из Турции, более чем понятно и объяснимо. Даже в поездках по Кавказу он заострял свое внимание на беженцах, нашедших приют по всему Закавказью. Еще в конце марта 1916 г., например, Пападжанов встречается с членами Московского Армянского комитета, докладывает о положении армян-беженцев, о положении армянской деревни на Кавказе в связи с беженским вопросом и о необходимости “совместной и солидарной” работы армянских организаций. Армянский депутат пробыл на Кавказе с декабря 1915 г. до февраля 1916 г., изучая на местах положение беженцев. Картина, представленная им в Москве, весьма тревожна и неутешительна. Так, по свидетельству Пападжанова, “самое удручающее впечатление об устройстве беженцев и их тяжелом положении” он получил в Эривани, Александрополе, Новоязете. Депутат констатирует, что в процентном отношении громадную массу беженцев “составляют дети – от 40 до 50%, женщин – 30-40 %, мужчин же всего 20-30%”.²³ Не менее мрачно положение с сиротами; “приятным исключением” являются лишь приюты Московского Армянского комитета, где дело поставлено “вполне рационально”. Пападжанов лично осматривал в Ашгараке эти приюты и “вынес самое отрадное впечатление”.²⁴

В прессе часто появлялись сообщения об Армении и “армянских делах”, в которых фигурировало имя Пападжанова. Так, “Армянский вестник” в сентябре 1916 г. уведомлял своих читателей, что приехавший в Москву член Государственной Думы М. И. Пападжанов сообщил лично, что “правительство присигновало 900 000 рублей для организации общественных потребительских лавок для беженцев-армян на Кавказе и в занятой русскими войсками части Турецкой Армении”, что “особым совещанием в Петрограде решено выдать ссуды ремесленникам и

кустарям из армян-беженцев, кои пожелают заняться своим мастерством” и для этого отпущено “из казенных сумм 15 000 рублей”.²⁵ “Кавказское слово” в этот же период уведомляло своих читателей о том, что член Госдумы Пападжанов “сообщал епископу Месропу и местным армянским организациям” о поступлении устава нового Центрального Комитета помощи беженцам в Москве на рассмотрение Министерства внутренних дел. Были и другие аналогичные “рапорты” о состоянии “армянских дел” в центре и на местах.

Речь М. Пападжанова в Госдуме осенью 1916 г. также была проникнута заботой об армянах – как турецких, так и закавказских. Армянский депутат, в частности, ставит в известность российских законодателей об отношении кавказской администрации к его соотечественникам, о возбуждении ею межнациональной розни (вспомним армяно-тюркскую резню 1905 года! – Р. Б.).

Депутат не без негодования заявляет: “Кавказским армянам было поставлено в виду старание облегчить участь их зарубежных братьев, то есть то, что сейчас находят естественным и необходимым в интересах самой России. На наших границах расстреливались и турецкими и нашими властями гайдуки и армянские четники, самоотверженно защищавшие своих братьев в Турецкой Армении. Теперь эти гайдуки и четники борются на наших позициях бок о бок с нашими доблестными войсками. Армяне были объявлены сепаратистами, врагами государства (вспомним, что армяне объявлялись таковыми и при агонии советского государства, в разгар национально-освободительной борьбы карабахцев в 1988 г. – Р. Б.). Народ такой же земледельческий, как и великороссы, армяне были объявлены сворищем торгашей, которым приписывались все недостатки”.²⁶

Далее оратор с высокой думской трибуны подчеркивает, что мировая война заставила переоценить все ценности и показала, как заблуждались кавказские власти в своем преследовании

²³ Там же, N 9, с. 22.

²⁴ Там же, с. 23.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, N 11, с. 16.

армян. Русское общество “уже не сомневается, кому принадлежат симпатии армян и как дорого они заплатили за эти симпатии...”²⁷

Как известно, “ценой” и весьма дорогой за эти “симпатии” была вырезанная и опустошенная Западная Армения — историческая колыбель армянского народа... Русское общество уже осознавало это!

М. Пападжанов в то же время не мог не отметить то безвыходное положение армянских беженцев на Кавказе — уже на российской территории, где, казалось, остатки народа с перенатым хребтом могли рассчитывать на покой и какое-то благодеяние. Между тем многие из турецких армян “убегали обратно навстречу необычайным опасностям” ввиду “коренной ошибки краевой власти” не допускать к делу помощи беженцам местные общественные организации, и не только армянские...²⁸

Разумеется, это отношение к армянам-беженцам вряд ли можно объявить “коренной ошибкой краевой власти” — она прекрасно знала, что делала: усиление “армянского элемента” в крае не отвечало интересам не только царской администрации, но и других народов Закавказья, настороженно смотревших на факт! “Много армян — много проблем”... Грузинская и азербайджанская печать пестрела статьями, выражавшими недовольство складывающейся ситуацией в крае в связи с наплывом сюда армянских беженцев.

“Обратная связь” с различными организациями и народом была у армянского депутата Госдумы не менее эффективной. Так, например, комиссия при Обществе восстановления Армении обращалась к Пападжанову в Петроград с просьбой “ходатайствовать перед правительством о выдаче пособия на покупку рабочего скота и инвентаря” возвращающимся на родину армянским²⁹ и т.п. Подобные просьбы в большинстве случаев имели благодаря Пападжанову и его связям в столичных кру-

гах положительный исход.

М. Пападжанов множество раз обращался в Государственную Думу и в российское правительство со своими запросами и телеграммами, касающимися турецких армян и беженцев, информировал российскую и армянскую прессу о положении дел в этой сложной сфере. Так, в частности, в сентябре 1916 г. он телеграфировал Председателю Совета Министров России Б. Штюрмеру о состоянии армянского населения Турции и необходимости материальной помощи ему, вновь напоминал высшему должностному лицу о приверженности армянского народа России: “... Армяне с начала мировой войны не изменили своим вековым традициям и решительно ориентировались в сторону России. В решении вопроса — на чьей стороне быть в этой войне народов, армяне не колебались, не лукавили, не играли двойственной роли. Перед чудовищной опасностью для физического существования армяне рыцарски бесстрашно и честно держались одной лишь русофильской тактики. За свою симпатию к России турецкие армяне заплатили всеобщим переселением горного народа в пылающие пустыни Месопотамии, массовым уничтожением мирного населения, женщин, детей и буквально потоками крови. Но одна нация не терпела в настоящей войне больше армян”.³⁰

Веские доводы, приводимые армянским депутатом, его лаконичные мысли и конструктивные предложения, подкрепляемые авторитетом как в армянской, так и русской высокой среде делали свое дело. Обладая не только дипломатическим тактом, но и политическим чутьем, он не делал в Госдуме никаких ура-патриотических заявлений “на публику”, способных только навредить родному народу, а толково, расчетливо “подавал” ту или иную идею, мысль своевременно, не раздражая “верхи”, высокопоставленных российских чиновников и сановников. Даже обвиняя то или иное должностное лицо (чаще всего — военное), Пападжанов не переступал дозволенной грани, способной дать

²⁷ Там же, с. 17.

²⁸ Там же.

²⁹ См. там же, N 9.

³⁰ АВПР, Политархив, д. 3517, л. 3-4. См. также: Русские источники о геноциде армян..., с. 193.

совершенно обратный и нежелательный эффект, негативную реакцию российской верхушки. Дипломатичность не чужда армянскому депутату – как на трибуне Думы, так и в личной и официальной переписке по поводу нужд и запросов бедствующего армянского народа в Турции и в пределах русского Кавказа. Об этом свидетельствуют многочисленные документы Архива внешней политики России (АВПР), опубликованные в различных сборниках исследований об Армянском вопросе и геноциде армян, в трудах армянских историков.

Ситуация на фронтах и в самой Российской империи быстро менялась. К концу 1916 г. стало очевидно, что назревают бурные события не только в военной, но и общественно-политической жизни страны.

В переломный для судеб России и, соответственно, Армении 1917 год М. Пападжанов обращает свой взор на Закавказье, ведя здесь самую активную общественно-политическую деятельность. Осенью того же года по инициативе группы тифлисских армянских общественных деятелей созывается съезд новосозданной Армянской Народной партии. В основе ее мировоззрения были либерально-народнические идеи, которые впервые в армянской действительности проводились известным публицистом Гр. Арицруни через его газету “Мшак”, а также идеологию российской партии Народной свободы и трудовиков. Временная программа армянской партии была составлена в духе требований кадетов с упором на национальный Армянский вопрос. Так, партия требовала, чтобы Армянский вопрос в Турции был разрешен согласно волеизъявлению турецких армян, желающих создания свободной Армении. В отношении же “русской” Армении программа требовала административного передела Закавказья по этнографическому и экономическому признаку и в образумой вследствие этого Армянской области с преобладающим армянским населением было введено широкое местное самоуправление с правами законодательства по местным делам. Партия имела свыше 40 отделений в городах и селах страны.

Одним из председателей съезда, проходившего 24-27 сентября 1917 г., был избран М. Пападжанов, член Особого За-

кавказского комитета (ОЗАКОМ). Насколько высоко ценили его на Кавказе, видно из того, хотя бы, факта, что первый съезд армянской Народной партии, узнав об отставке члена Госдумы и ОЗАКОМ-а А. Пападжанова, в своей особой резолюции выражал ему свое “полное доверие по поводу его плодотворной государственной деятельности при настоящих тяжелых условиях” и считал необходимым обратиться к нему с просьбой “в интересах государства, края и армянского народа”, чтобы он взял свою отставку обратно и продолжал свою полезную для нации деятельность...³¹

Съезд избирает Центральный комитет партии в составе 23 лиц, в том числе М. Пападжанова. Работа съезда в центре внимания не только закавказской, но и московской печати. “Впервые в армянской действительности, – отмечает “Армянский вестник”, – появилась крупная политическая национальная партия, стоящая на внеклассовой и эволюционной точке зрения”.³² Ежедневник выражает надежду, что новой партии удастся “безболезненно вести дело национального возрождения армянского народа”. Несомненно, в ее эффективной деятельности ведущую роль играл и уже опытный политик М. Пападжанов.

Фигурирует видный общественно-политический деятель и на Армянской национальной конференции, проходившей в Тифлисе с 28 сентября 1917 г., в течение двух недель, и обсуждавшей целый ряд вопросов, волнующих армянское общество, – веженский, о межнациональных отношениях, об обороне фронта (к тому времени разваливающегося. – Р. Б.), о местной власти, продовольственный вопрос и т.д. В работе конференции были охвачены представители дашнакской, народной партий, эсеры, эсдеки...

М. Пападжанов, выступая на конференции от имени комиссии по выработке резолюций о текущем моменте, представляет поддержанную всеми фракциями и принятую резолюцию следующего содержания: “Принимая во внимание, что Времен-

³¹ Армянский вестник, 1917, N 41-42, с. 22.

³² Там же.

ное правительство ныне более, чем когда-либо, нуждается в безусловной поддержке всех народов России и что события, имевшие место за 7 месяцев революции, показали, что невозможно создать в стране сильную государственную власть без такой поддержки, имея в виду и то, что декларация нового правительства, опубликованная 25 сентября, по своему содержанию соответствует создавшимся реальным условиям, обнимает в себе все необходимые требования текущего политического момента и выставленными принципами удовлетворяет требованиям армянского народа до Учредительного Собрания – Национальная Конференция русских армян, впервые собравшаяся в свободных условиях благодаря великой российской революции, выражает свое безусловное доверие новому составу Временного правительства и обещает оказывать ему полное содействие всеми доступными средствами”.³³

Вопрос военнопленных турецкоподданных армян стоял тогда весьма остро – об этом говорилось в печати рядом армянских деятелей, в частности Гр. Чалхушьяном. Был этот военнопленный вопрос и в центре внимания члена ОЗАКОМ-а М. Пападжанова. Так, в ноябре 1917 г. он телеграфировал из Тифлиса в Московский Армянский комитет: “Мною получена из Главного Штаба телеграмма о разрешении перевода на Кавказ пленных армян. Прошу выслать в Петроград в Главный Штаб список военнопленных армян, находящихся в Иркутском, Московском, Казанском военных округах”.³⁴ Дело в том, что турецкоподданные армяне-военнопленные, разбросанные по всей стране, зачастую совершенно не владевшие русским языком, находились в ужасных условиях содержания – худших, чем захваченные в результате военных действий на Кавказском фронте турки, курды и прочие. Вынужденные воевать в составе турецких войск против России, они сдавались на милость “врагу” – русским, но встретили в единоверной стране отношение к себе более чем холодное и даже суровое – считались не с тем, что они армяне,

³³ Там же, N 48-49, с. 12.

³⁴ Там же, N 45-47, с. 15.

христиане – народ, верный России, а с тем, что они подданные Османской империи... Естественно, что российские армяне, и в их числе М. Пападжанов, стремились всеми средствами помочь своим соотечественникам и облегчить их положение.

Армянский народ после страшной трагедии 1915 года – обескровленный, лишенный большей части своей исконной территории, превратившийся в “беженский” и ютящийся в оставшейся ему на долю горной части Восточной Армении, вновь оказывался в незавидном положении. Развал грозил огромной Российской империи, революционные события в центре и на окраинах расшатывали государство, малые народы все воинственнее предъявляли друг другу счеты. Надвигался хаос... Армянские общественно-политические деятели пытались как-то организовать национальную жизнь – создавали новые партии, созывали съезды, конференции, озабоченные спасением остатков родного народа. Среди них, как уведились, был и М. Пападжанов.

Деятельность армянского общественно-политического деятеля на благо Армении не исчерпывается вышеприведенным материалом, – мы ограничились лишь фактами и сведениями, относящимися к периоду геноцида армян, которыми располагали.

Большую общественно-политическую и патриотическую деятельность в 10-е годы XX века и в период Первой мировой войны и геноцида армян вел *Яков Завриев* (1866-1920).¹

Бывая неоднократно в Европе, общаясь с высокопоставленными чиновниками в Англии, Франции, Германии, озабоченный лишь одним – как можно эффективнее и действеннее помогать родному народу в национально-освободительной борьбе, он давал необходимую информацию о положении армян в Турции, вырабатывал и предлагал выгодные для родного народа проекты решения Армянского вопроса.

Балканские события, серьезно потревожившие и “оскопившие” территориально Османскую империю, будоражили и армянскую общественно-политическую элиту. Завриев в эти годы – весь в движении, выражаясь современным языком, в “челночных поездках” между столицами – Петербург, Лондон, Париж, Константинополь... В декабре 1912 г. Завриев встречается с послом России в Османской империи Гирсом – он обеспокоен положением здесь своих соплеменников. Согласно дипломати-

ческим документам российский посол тотчас же сообщил в Петербург содержание своей беседы с “дашнакским дипломатом без портфеля” доктором Завриевым: “На вопрос Завриева о том, какова должна быть позиция армян в Турции, должны ли они обращаться к России и другим европейским державам, Гирс отвечал: “Императорское правительство принимает самое активное участие в судьбе Армении. Но наряду со всем этим армяне не должны не учитывать исключительных условий настоящего момента и ухудшать свое положение неосторожными выступлениями. Важно, чтобы в глазах всей Европы армяне продолжали оставаться жертвами турецкого произвола и не превратились в политических революционеров, которые хотят воспользоваться турецкими неудачами для осуществления своих национальных стремлений”.”²

Естественно, Завриев доводит до сведения своих соратников высказанное российской стороной мнение, которое, надо сказать, воспринимается довольно неоднозначно не только партией “Дашнакцутюн”, но и определенными кругами армянского общества на Кавказе и в России...

Я. Завриев принимал самое активное участие в разработке программы армянских реформ 1912-1914 годов, которые должны были быть осуществлены Османской империей под давлением европейских держав. Усилия его были направлены на ознакомление заинтересованных сторон в истинном положении дел в армянских вилайетах Турции, о взглядах сторон на те или иные возникающие проблемы и вопросы, об отношении армянской церкви к происходящим в России и Турции процессам в связи с армянами.

Будучи одним из дашнакских лидеров, Завриев, естественно, в первую очередь отражал позицию собственной партии на решение наболевшего Армянского вопроса перед европейцами и российскими верхами.

¹ Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. Петроград, 1915, с. 11-12; см. также: *Дж. Киракосян*. Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ереван, 1971, с. 131-132.

² *Яков Завриев (Акоп Заварян)* – известный политический и государственный деятель. Окончил Петербургскую военно-медицинскую академию. Со студенческих лет вступил в революционное движение. Неоднократно выезжал в Западную Армению, основал больницу в Муше. Занимался здесь распространением революционных идей. Преследуемый турецкими властями, Завриев отправился в Европу, где развернул энергичную деятельность с целью привлечения внимания общественно-политических кругов Европы к Армянскому вопросу.

В годы Первой мировой войны Завриев участвовал в армянском добровольческом движении, сражался в отряде полководца Андриани Озанина. В 1917 г. являлся заместителем назначенного правительством России комиссара занятых областей Вана, Эрзерума, Трапезунда, ведал вопросами экономики, медицинской помощи, а также организовывал вооруженные группы (Зейтун, Маку и др. места), сыгравшие большую роль в самообороне армянского населения. Летом 1918 г., после образования Республики Армении, Завриев в числе других видных армянских деятелей был в Москве для ведения переговоров с Советским правительством. (“Армянский вопрос”. Энциклопедия Ереван, 1991, с. 176-177).

О позиции партии Дашнакцутюн в вопросе реформ и ее связях с младотурками доктор Завриев сообщал Иоганнесу Лепсиусу еще осенью 1913 г. в обстоятельном конфиденциальном “докладе” — “Армянская партия Дашнакцутюн и младотурки”, на котором остановимся чуть ниже.

Доктор Лепсиус ставил в известность МИД Германии “Доверенное лицо партии “Дашнакцутюн” доктор Завриев, который из Петербурга прибыл в Берлин, чтобы информировать меня о нынешнем состоянии вопроса реформ, устно доложить мне о причинах, которые повудили “Дашнакцутюн”, политическую партийную организацию армянского народа, занять определенную, серьезно обдуманную позицию в отношении переговоров по вопросу реформ. Попытки Высокой Порты уклониться от согласованной державами программы реформ, отказаться от признания *европейских* генеральных инспекторов, настоять на “османском” инспекторе, допустить лишь европейских советников и отклонить контроль держав, если державы пошли бы на этот компромисс, *будут оценены* со стороны дашнакцаканов и армянского патриархата *как провал кампании реформ*.”

Недавно Порта тайне дала согласие армянскому патриархату и дашнакцаканам на выполнение всех армянских требований, если державы будут оставлены в покое. С армянской стороны это наглое требование было откровенно отклонено. После того, как армяне, несмотря на их усердную поддержку Комитета (младотурок. — Р. Б.), были десять раз обмануты его предводителями, они не должны вольше иметь дело для урегулирования вопроса реформ с одной только Портой. Более того, они считают положение настолько серьезным, что полны решимости *настоять на принятии Портой предложенной программы или перейти в русский лагерь*.

Они убеждены в том, что позицию Порты определяет нечувствительность в отношении покушения на суверенные права султана, а желание препятствовать кампании реформ и продолжать в Армении политику подавления.

Решение дашнакцаканов и патриархата сделать свою позицию к России зависящей от принятия или отклонения со сто-

роны держав плана может показаться опрометчивым. Однако следует подумать, что на массы армянского народа Россия уже оказала влияние и что лишь полный успех в вопросе реформ позволит оказать сопротивление народному течению. К тому же настроение армянского народа после длящегося десятилетиями разочарования возбуждено настолько, что теперь еще лишь полное и окончательное решение, как его предлагает программа послев, может вызвать чувство освобождения от бесконечного горя”.³

К этому своему сообщению в МИД Лепсиус прилагает два документа, которые, по его мнению, имеют для ведомства “информационную ценность” — это справки о партии Дашнакцутюн, ее организации и ее позиции в вопросе реформ и о взаимоотношениях с младотурками.

В первой из них, написанной самим доктором Лепсиусом, в частности, МИД предлагается следующая информация: “Посещение доверенного лица “Дашнакцутюн”, политической организации армянского народа, доктора Завриева, предоставило мне возможность узнать подробности об организации и целях этой армянской партии, играющей решающую роль и в вопросе реформ. Доктор Завриев — русский армянин, врач и уже 4 года живет в самой Армении, являясь одним из самых влиятельных предводителей армянского народа. Информация, которую он мне передал, соответствует прежним сообщениям, которые я получил на Ближнем Востоке. “Дашнакцутюн”, партия дашнакцаканов, 24 года назад создала политическую организацию, которая охватила большую часть армянского народа в Турции, России и за границей. Руководство армянского народа находится в настоящее время в руках этой партии, с которой сходятся во всех вопросах армянский патриархат в Константинополе и католикосат в Эчмиадзине... Организацией дашнакцаканов руководят два бюро. “Восточное бюро” охватывает русскую Армению и высокогорную Армению (6 вилайетов: Эрзерум, Сивас, Хар-

³ См.: Армянский вопрос и геноцид армян в Турции. Материалы Политархива МИД кайзеровской Германии, с. 129-130.

пут, Битлис, Ван, Диярбекир). “Западное бюро” охватывает Киликию, Константинополь, Европу и Америку. “Восточное бюро” имеет свою штаб-квартиру в России (Тифлис? или Петербург? Место держится в тайне); “Западное” – в Константинополе. Оба бюро постоянно обмениваются своей информацией и действуют совместно...”⁴

Как видим, в немецких кругах также высоко ценили Я. Завриева и полностью доверяли его информации о состоянии дел в Армении, в общественно-политической жизни империи, между которыми был поделен несчастный армянский народ... Лепсиус составил свою справку в МИД именно на основании материала, предоставленного ему армянским деятелем. В нем Завриев подробнейшим образом представляет взаимоотношения Дашнакцутюн с младотурками в различные периоды: до и после введения конституции; с момента кризиса 1911 года, способствовавшего роспуску парламента; во время Балканской войны.

“Невыносимые обстоятельства при господстве Абдула Гамида привели армянскую партию “Дашнакцутюн” к убеждению, что лишь введение конституционного режима в Турции было бы в состоянии восстановить внутренний порядок, – пишет доктор Завриев. – Партия считает, что вследствие этого было бы возможно уравнивать все народы Османской империи и примирить их как между собой, так и с турками. Исходя из этого соображения “Дашнакцутюн” решила на своем конгрессе (1907) попытаться объединить все национальные группы Турции под лозунгом: “Введение конституции”. И действительно, партии “Дашнакцутюн” удалось в конце 1907 года созвать в Париже конгресс, в котором приняли участие все политические партии Турции, боровшиеся против абсолютизма султана Гамида... Спустя несколько месяцев после этого конгресса разразилась революция... была провозглашена конституция. Начиная с этого момента младотурки, однако, изменяют своим обязательствам, которые они взяли на себя после договора Парижского конгресса. 1) Они не низложили султана Гамида. Не спустя и года после

⁴ Там же, с. 130.

введения конституции, тот предпринял попытку реставрации, которая стоила ему трона, следствием которой, однако, были избиения в Адане и множество казней. 2) Они не обеспечили равенства религий и национальностей, не смягчили турецкий шовинизм и не изменили систему управления христианских народов.

Узкотурецкий шовинизм пробудил у всех нетурок ненависть против всего турецкого... Партия “Дашнакцутюн” указывала младотуркам на то, что такая политика для Турции губительна, так как она оживляет в народах центробежные тенденции, ослабляет среди самих турок либеральные течения, уничтожает в народе веру в конституцию и усиливает те реакционные элементы, которые всегда были главной причиной внутреннего распада государства. С 1908 г. во время различных затруднений и внутренних кризисов младотурецкий Комитет и министры пытались вкратце армянам в доверие, признавали справедливость их требований и обещали удовлетворить их. Однако едва обстоятельства изменились в пользу Комитета, он тут же забыл о всех своих обещаниях. Несмотря на всяческий обман и попытки введения в заблуждение, “Дашнакцутюн” все же поддержала младотурок, так как она знала, что среди турок нет никаких других более искренних конституционалистов...”⁵

Далее Завриев описывает создавшуюся после кризиса 1911 г. ситуацию, когда младотурки, опасаясь неблагоприятного для них исхода новых выборов, сблизились вновь с “Дашнакцутюн” и приняли все ее условия, касающиеся армян (назначение для Армении по согласованию с дашнакцами, увеличение числа армянских депутатов в парламенте до 20 человек, зачисление в местную полицию до 30% армян, в армянские провинции должны быть назначены также армянские чиновники, возвращение армянам насильственно отобранных у них мусульманами земельных участков и т.д.). Однако едва Комитету “Единство и Прогресс” стало известно, что ему будет обеспечено правительством подавляющее большинство в парламенте, “договор был тотчас же предан забвению”.

⁵ Там же, с. 133-134.

“Комитет подло нарушил свое слово, — подчеркивает Завриев. — И это, наконец, уредило армян в том, что не бесчинства правительства в Армении является причиной правящего там беззакония, а что здесь речь идет о специфически антиармянской политике, которая лишь завуалирована постоянным обманом. После того, как армянская партия “Дашнакцутюн” уведомила в этом, она направила Комитету письмо, что *отныне она не может иметь никакого доверия к словам и обещаниям Комитета и что она порывает с ним все отношения*”.⁶

С момента начала Балканской войны армяне, по характеристике Завриева, “повсюду вели себя совершенно корректно, а армянские солдаты соответственно имели наименьшее число пленных и дезертиров даже в сравнении с турками”. Армяне не пошли на предлагавшийся им курдами сговор в их собственных интересах — “единственным желанием” армян было “введение реформ с помощью великих держав”. Но и это “лояльное поведение” армян турки “не сумели оценить”... Поведения болгар и тяжелое положение партии и страны вновь вынудили Комитет обратиться к “Дашнакцутюн”, которая пошла на новую встречу с младотурками лишь для того, “чтобы не дать повода туркам для упрека армян в том, что они отвергли примирение с турками в тот момент, когда последние находились в столь трудном положении”.⁷

На переговорах с младотурками дашнакские лидеры выдвинули новые требования — полное уравнивание армян с мусульманами в гражданских правах и их незывлемость, для чего необходимо назначение европейского генерал-губернатора в армянские вилайеты и гарантия исполнения реформ со стороны Европы: “Это совершенно необходимо для армян, чтобы защитить свою судьбу от игры пристрастий различных партий. Ибо при этих обстоятельствах армяне всегда будут оставаться подверженными опасности резни, насилия и бесправия”.⁸

⁶ Там же, с. 135-136.

⁷ Там же, с. 136.

⁸ Там же, с. 137.

Представители Комитета, признавая справедливость этих аргументов, выразили свое опасение в том, что эти меры приведут к распаду государства. Дашнаки же резонно утверждали, что, наоборот, “страна опять бы ожила при новых условиях и что армянское население не могло бы больше завидовать положению своих кавказских соплеменников и ощущало бы все преимущество своей принадлежности к Турции”. Если же турки оставят Армению в прежнем состоянии, то “побудят население к постоянным жалобам и требованиям реформ”.

Разъясняя далее суть переговоров дашнаков с младотурками, Завриев пишет: “Турки должны понять, что армяне начинают осознавать, что было бы весьма патриотично и неразумно быть корректным в отношении того, кто не может этого оценить, кто рассматривает корректную позицию как симптом слабости и кто эту позицию использует в своих эгоистических целях и в целях очевидного вредительства целому народу”. Армянским лидерам “Дашнакцутюн” младотурки обещали “незамедлительное” исполнение условий переговоров, но... “рамки армянского проекта реформ все более сужаются в соответствии с упрочением власти младотурок и ростом их авторитета. Судьба армян становится все трудней... как всегда, турки поощряют произвол и насилие курдов против армян”.⁹

Переданную через И. Лепснуса в МИД Германии свою обстоятельную “записку” Я. Завриев завершает весьма точным “диагнозом”, данным младотуркам и их политике в отношении армян: “Бесчисленные примеры доказывают, что образ мышления младотурок в отношении армян все еще так же не искренен, как и был с самого начала, и поэтому со стороны армян очень важно думать, что турки имеют искреннее желание вводить реформы и жить с армянами в дружбе. Наоборот, армяне больше не сомневаются, что каждый турок (не исключая даже великого визиря) стремится всеми средствами угнетать армян в восточных вилайетах, однако делать это так, чтобы *не обращать на себя внимания Европы*. Если дело обстоит так, то едва ли найдется

⁹ Там же.

кто-то, кто не признает за армянами права на самооборону всеми средствами и на достижение достойных человека жизненных условий.

Армяне ожидают сейчас решений великих держав. Если младотуркам удастся настроить державы на то, чтобы те воздержались от принятия согласованной между послами программы реформ и удовлетворились бы “османской программой реформ” без европейских инспекторов и европейского контроля, то “Дашнакцутюн” заранее знает, что *кампания держав провалится*. Потому что младотурки не только сорвут “реформы”, но и превратят их в инструмент подавления армянского народа”.¹⁰

Возвращаясь к “записке” самого Лепсиуса, содержащей характеристику армянской партии “Дашнакцутюн”, хотели бы отметить некоторые содержащиеся в ней умозаключения немецкого деятеля: “Дашнакцутюн” настроена на любой поворот дел. Она может бросить свою мощь либо на турецкую, либо русскую чашу весов. Первое она рассматривает исходящим из национальных интересов армянского народа, поскольку еще существует надежда на проведение армянских реформ. Второе произошло бы автоматически в тот момент, когда, по-видимому, были бы оставлены надежды на реформы. Обращение с армянами Кавказа в 1903-1906 годах не забыто (имеется в виду организация партией пассивного сопротивления армянского народа на Кавказе в ответ на конфискацию царским правительством армянского церковного и школьного имущества, когда армянское население перестало обращаться в русские суды и стало улаживать все спорные вопросы только через третейские суды “Дашнакцутюн” до тех пор, пока русское правительство, обеспокоенное этим отказом от официального права, возвратило армянам церковное и школьное имущество, а также спровоцированное самодержавием армяно-татарское столкновение на Кавказе. (Р. Б.). Лишь сомнения в помощи Европы в вопросе реформ побудило бы дашнакцуканов броситься в объятия России. Как

только бы на это решились, в Армении было бы организовано восстание, и оно произошло бы в тот момент, который устраивал бы пожеланиям России. Русской пропаганде уже удалось у масс народа предать забвению прежнюю враждебную позицию и играть роль “освободителя”. Поэтому руководители народа должны суметь опереться на опутимые успехи, если они хотят проводить свою принципиально антирусскую политику против постоянно возрастающего русофильского настроения народа. Неудача в вопросе реформ вынудила бы их уступить настроению народа и перейти в лагерь русских. Известно, что Россия в настоящее время еще не готова, но что она систематически подготавливает готовность к предстоящей оккупации. Для дашнакцуканов оккупация для России была бы лишь актом отчаяния...”¹¹

Далее И. Лепсиус излагает для МИД “принципиальную оценку” Армянского вопроса дашнакской партией, не забыв напомнить немецкому внешнеполитическому ведомству, что “армянский народ, который разделен между Турцией, насчитывающей 1895000, и Россией, насчитывающей 1650000 армянских подданных, не может рассчитывать ни в России, ни в Турции на автономию”. Армянский народ “должен использовать преимущества равновесия между этими обоими государствами, чтобы по крайней мере защитить свое национальное своеобразие, которому угрожало бы в России полное растворение. Ни одна из наций столь не заинтересована в существовании Турции, как армянская. Так как лишь совместно с каким-либо более крупным государственным образованием смогла бы она достичь более существенного значения, при условии, что для нее будут обеспечены нормальные условия существования. Армяне сами должны были бы создать Турцию, если бы она не существовала с тем, чтобы в ее лице иметь поддержку против русской экспансии”.¹²

И. Лепсиус доводит до сведения МИД Германии и существующую в армянской политической среде и другую возможность: “В качестве последующей цели некоторым армян-

¹⁰ Там же, с. 137-138.

¹¹ Там же, с. 132.

¹² Там же.

ским патриотам мерещится еще одна возможность. В развитии европейской государственной системы могло бы возникнуть такое положение дел, при котором ликвидация (возможно, неизбежная) Турции, при условии теперешнего состояния славы России, могла бы сделать желательным для западных держав создание независимой Армении в качестве буферного государства против России. На эту возможность, невероятную при третьей оценке, нельзя рассчитывать. Однако посредством передачи в руки России не хотят эту возможность исключить раз и навсегда, даже если бы она имела лишь ту ценность, чтобы воодушевить национальное устремление и сохранить живой надежду на лучшее будущее”.¹³

Антирусская направленность вышеприведенной своеобразной “докладной записки” И. Лепсиуса МИД Германии очевидна и понятна – в свете медленно, но верно аккумулирующегося в Европе “взрыва” Первой мировой войны, в которой Германии и России предстояло встать по разные стороны баррикады... И, безусловно, вряд ли можно согласиться с теми пассажами немецкого деятеля, из которых следует, что армяне чувствовали не русофобы... Впрочем, и Лепсиус вынужден вскользь признать, что “русофильские настроения народа постоянно возрастают”. Понятно, что немецкий общественно-политический деятель дает картину с позиции партии “Дашнакцутюн”, но настроения и надежды народных масс не всегда совпадали с умонастроениями и политикой партийных лидеров. Общеизвестна тяга западных армян, ежечасно, ежеминутно испытывавших на себе десятилетиями, столетиями “прелести” турецкого господства, к России, к русскому народу, поистине завоевавшему в их глазах имя народа-освободителя и дело было не в умелой “русской пропаганде”, как подмечает Лепсиус, а в том разительном отличии жизни армян российских от жизни армян турецких...

И российскому армянину Я. Завриеву это было известно лучше, чем кому бы то ни было. Он давал объективную картину общественно-политической жизни, естественно, с позиций пар-

тии, глубоко озабоченной сложнейшей ситуацией родного народа в преддверии нового передела мира... Но в самом “завриевском” документе нет и намека на русофобию! Есть лишь констатация политики держав в отношении Армении и армянского народа...

Разразившаяся в 1914 г. мировая война, выступление Германии и союзной с ней Турции против России, открытие русско-турецкого фронта на территории Западной Армении, повлекшее за собой новые неисчислимые бедствия для мирного населения армянских вилайетов, переросшие в геноцид, четко определили прорусскую ориентацию Я. Завриева и его внешнеполитические акции в пользу держав Антанты, направленные в защиту интересов армянского народа, Армении в целом.

О его неустанной деятельности в этом направлении свидетельствуют и нижеприводимые документы и материалы.

Так, в Записке, представленной в мае 1915 г. российским послом в Великобритании и Франции, Я. Завриев писал, в частности, следующее: “... С первых же дней настоящей войны российские армяне ожидали вовлечения в нее и Турции. Это давало надежду полагать, что по окончании войны армянский вопрос опять будет поставлен на очередь и будет разрешен в окончательной форме. Армяне, поэтому, не могли безучастно относиться к назревающим событиям, ввиду чего они приняли в них горячее участие.

Кроме большого количества солдат и офицеров регулярных войск, которых армяне, как граждане империи, дали России, ими также организованы (за свой счет и при некоторой субсидии от правительства) отряды добровольцев, заслужившие лестные отзывы от русских генералов за проявленные боевые качества”.¹⁴

Далее Завриев уведомлял послов, что число доброволь-

¹³ См.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. 1878-1917 (МОЭИ), сер. I-III, М.-Л., 1931-1940, сер. III, т. 7, ч. 2, с. 455-456; а также: Русские источники о геноциде армян..., с. 22-23.

¹³ Там же, с. 133.

цев, доходящее “до пяти тысяч человек”, могло быть “значительно увеличено”, но этому помешал “недостаток оружия в военном ведомстве”, ввиду чего “Наместник Его Величества на Кавказе приказал временно ограничиться вышеупомянутым числом”.¹⁵

Из этого нетрудно сделать вывод, сколь велик был энтузиазм армянского народа, армянского общества, какую широкую поддержку находила идея освобождения в широких массах, у молодежи...

Далее армянский “дипломат вез портфеля” напоминает, что “личным трудом и материальными пожертвованиями” армяне приняли горячее участие также в заботах о раненых и больных воинах “без различия вероисповедания”, а сумма их пожертвований только последнего времени перешла за два миллиона рублей.

“Небольшой армянский народ в России (1700000) действительно работает по мере своих материальных и физических сил...”, — отмечал в Записке Завриев.

Он сообщает послам в Лондоне и Париже также о деятельности армян для выяснения отношения русского правительства к вопросу об автономии Турецкой Армении. Так, в августе 1914 г. в письме своем к Наместнику Его Величества на Кавказе Его Святейшество Католикос всех армян заявил о желательности того, чтобы Россия “при ликвидации войны гарантировала Турецкой Армении территорию и автономное самоуправление под протекторатом России”. Наместник ответил Католикосу письмом, где говорилось, что “на свой запрос в Петроград по этому поводу он получил ответ от Председателя Совета министров, что Россия поддержит требования армян в смысле первоначальной программы реформы, предложенной Россией державам летом 1913 г. в Константинополе”.

Завриев ставит в известность российских мидовцев также о встрече императора с Католикосом в ноябре 1914 года. Его Святейшество изложил надежды армян на то, что Его Величест-

во согласится даровать автономию Турецкой Армении. Государь Император ответил, что полагает, что “армян ожидает светлая будущность...” При окончании аудиенции, длившейся около четверти часа, Его Величество заявил, что “армянский вопрос будет разрешен согласно ожиданий армян по окончании войны, во время переговоров о мире”.¹⁶

Одновременно с работой армян на Кавказе, армянские представители в Петрограде находились в постоянных сношениях с Министерством иностранных дел. В результате ряда бесед, сообщает Завриев, выяснилось, что Министерство хотя и “не установило окончательной программы по армянскому вопросу”, но полагает, что армянам следовало бы удовлетвориться, если бы Россия предложила державам: 1) создание в пределах Турецкой империи Армении, управляемой на автономных началах; 2) сокращение сюзеренитета Турции, который выражался бы только в утверждении султаном генерал-губернатора, избранного державами, и в сохранении флага; какое-либо вмешательство во внутренние дела Армении или содержание там турецкого войска было бы не допущено; 3) протекторат над Арменией со стороны трех держав — России, Англии, Франции; 4) территорию Армении, которая бы обнимала 6 армянских вилайетов и Киликию с портом на Средиземном море, и другие пункты.

Сообщая послам в Европе о том, что в МИД России отнеслись “с одобрением” к предложению, с целью повлиять на общественное мнение Англии и Франции, послать туда делегацию от армян и была обещана помощь через посредничество своих послов в Лондоне и Париже, Завриев подчеркивает: “однако было высказано предположение, что открытая поддержка российских послов могла бы возбудить подозрительность Англии и Франции в отношении роли этих делегатов, особенно в вопросе о Киликии”.¹⁷

“Сообщая все вышеизложенное Вашему Высочайшему Превосходительству для сведения, — заключает свою Записку армян-

¹⁵ Там же.

Там же.

Русские источники о геноциде армян..., с. 24.

ский деятель, — необходимо подчеркнуть, что беседы в Петрограде велись всегда вполне конфиденциально, что они известны только Католикосу и ответственным лицам из армян, и что Министерство не брало на себя формальных обязательств. Но с обеих сторон в беседах чувствовалась искренность, а также убежденность в неизбежности согласованных действий, ввиду доверия друг к другу и веры в общность интересов”.¹⁸

Ситуация на фронтах менялась, и к осени 1915 года уже была более неблагоприятной для армян. 3 сентября доктор Завриев обращается с письмом к министру иностранных дел С. Д. Сазонову, в котором освещает положение армян в Турции во всей неприглядности...

“Получаемые постепенно подробности выясняют нам глубоко мрачную картину, — пишет Завриев. — В течение весны и лета этого года почти во всей турецкой армии особыми приемами, частично, но без послабления, вырезаны почти все армяне, превращенные в солдаты. Погибло таким образом много десятков тысяч мужчин в лучшем возрасте. Почти из всей Киликии, Зейтуна и Сиваса изгнано поголовно все армянское население... Город Муш и вся роскошная Мушская долина превращены в развалины: сожжены большинство домов и все церкви и монастыри. Население вырезано...”¹⁹

Армянский общественно-политический деятель далее сообщает российскому министру, что ушедшие с отступающими от Вана русскими войсками около 200 000 армян хлынули в Закавказье, и очевидцы “не могут без слез описывать всего, что творится в этой голодной нестройной человеческой массе, оставшейся без врачебной помощи и нуждающейся решительно во всем”. Холера и другие эпидемии уносят ежедневно более трех сот человек. Сотни трупов остаются непогребенными за неимением ни материальных средств, ни нужной организации.

“Армянский народ в Турции обрекается на гибель,

заявляет Завриев. — Вашему Высокопревосходительству известно, кто является вдохновителем и руководителем всего происходящего и за что против этого народа так разъярились германотурки... У армянского народа нет иного защитника, который мог бы что-либо сделать, кроме России...”²⁰

Обращаясь к высокопоставленному чиновнику, Завриев “в тревожном сомнении и в положении человека, лишающегося последних душевных сил и веры в святость руководившей им идеи” ищет в нем опору “в человечности” и “сознании государственного интереса России, связанного с сохранением армянского народа...”

Об авторитетности личности доктора Завриева в российской внешнеполитической среде свидетельствует, в частности, переписка между мидовскими высшими чинами, где об армянском деятеле упоминается довольно часто и со всей серьезностью к его предложениям. Так, например, в телеграмме от 17 мая 1915 г. российский посол во Франции А. П. Извольский сообщает министру иностранных дел С. Д. Сазонову: “Приехавший сюда доктор Завриев представил мне памятную записку о результатах своих бесед в нашем Министерстве иностранных дел. В записке этой сказано, между прочим, что Россия намерена предложить державам создать в пределах Турции автономную Армению под сюзеренитетом Турции и под протекторатом трех держав... Далее в записке значится, что хотя эта программа одобрена нашим Министерством иностранных дел, которое обещало свою помощь ее осуществлению... во избежание подозрений со стороны Франции и Англии, особенно в вопросе о Киликии, армянские делегаты будут действовать без видимого вмешательства русских послов... Мне известно, что как доктор Завриев, так и вернувшийся Погос Нубар-паша уже высказались в смысле выпензленного перед членами здешних министерств иностранных дел...”²¹

¹⁸ Там же, с. 25.

¹⁹ АВПР, Политархив, д. 3479, л. 19-20; См. также: Русские источники о геноциде армян..., с. 60-61.

²⁰ Там же.

²¹ Сб.: Раздел Азиатской Турции (РАТ). По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1924, с. 135. См. также: Русские источники о геноциде армян..., с. 26.

Спустя день Сазонов телеграфирует в Париже Извольскому: “Беседы с армянами носили чисто академический характер. Никакой определенной программы Завриеву указано не было. На его просьбу иметь в виду чаяния армян видеть Киликию включенной в пределы будущей Армянской области, ему было отмечено, что мы не можем поддерживать такое пожелание, ввиду господства в Киликии французских интересов”.²²

В июне 1915 г. посол Извольский сообщает Сазонову в Петербург: “Превышающие в Париже доктор Завриев и Нубар-паша держат меня в курсе своих разговоров с французскими правительственными лицами, политическими деятелями и журналистами с целью склонить их к принятию армянских пожеланий, изложенных в известной вам памятной записке, по вопросу Киликии...”²³

Таким образом, нетрудно убедиться даже из вышеприведенных скупых свидетельств, сколь велики были усилия армянского общественно-политического деятеля достичь каких-либо положительных и реальных сдвигов в решении Армянского вопроса с помощью европейских держав и России.

Надо отметить, что Завриев встречался не только с представителями внешнеполитических кругов держав Антанты, но и с немецкими политиками — для него важны были любые контакты, которые могли принести пользу родному народу. Во время встречи Завриева с одним из руководителей внешнеполитического ведомства Германии — Циммерманом в 1914 г. в их беседе прозвучала мысль высокопоставленного немца, что поскольку армяне симпатизируют России, связывая с ней свой завтрашний день, то Германия будет защищать младотурок в их антиармянских действиях. Германия никогда не сумеет спокойно господствовать в Киликии и Месопотамии, пока Россия стремится завоевать Армению, поскольку каждому военному ясно, что кто владеет Арменией, тот неизбежно владеет Месопотамией и Ки-

ликией — выходом к Средиземному морю.²⁴

Но многое ли мог сделать дашнакский “дипломат без портфеля” в своих “метаниях” между европейскими столицами? Его принимали везде учтиво и обнадеживали, предрекая радужное будущее армянского народа, но..., как говорил великий индийский гуманист Рабиндранат Тагор, “дипломаты за спиной имеют мешок лжи, который иногда рвется под тяжестью фальши...”²⁵

Статс-секретарь Министерства иностранных дел Германии фон Ягов в одном из своих донесений (от 10 мая 1916 г.) сообщал военному кабинету о встрече “известного друга армян” профессора Лепсиуса с “одним из лидеров российских армян” Завриевым, состоявшейся в Швейцарии. Завриев ставил в известность Лепсиуса “о военных планах России в 1916 г.” Содержание своего разговора с армянским дипломатом без портфеля Лепсиус счел нужным доложить фон Ягову, со слов которого получается следующее: “Завриев сообщил, что русские пытались стянуть еще больше воинских частей в Турецкую Армению. Их планом не является наступление из Трапезунда в Константинополь, что натолкнулось бы на слишком большие военные трудности. Скорее всего их целью является Александретта, чтобы достичь там Средиземного моря и отрезать Багдадскую железную дорогу... В завоеванной области они намеревались выселить армян и поселить казаков, а также русских крестьян, и создать нечто вроде военной границы. *Несмотря на все творимые со стороны турок зверства против армян, господин Завриев волея русского господства больше, чем турецкого...*”²⁶ (подчеркнуто нами. — Р. Б.).

Вряд ли последнее заключение соответствует действительности — тенденциозность немецкого чиновника очевидна, и он, видимо, нарочно смещает акценты в сообщении Завриева, представляя его чуть ли не русофобом, что совершенно исклю-

²² Русские источники о геноциде армян..., с. 27.

²³ РАТ, с. 136. См. также: Русские источники о геноциде армян..., с. 42-43.

²⁴ См.: Дж. Киракосян. Младотурки перед судом истории, с. 195-196.

²⁵ См. там же, с. 209.

²⁶ См.: Армянский вопрос и геноцид армян в Турции. Материалы Политархива МИД кайзеровский Германии, с. 336.

чалось.

Доктор Завриев продолжает свою общественно-политическую деятельность на благо армянского народа и в тяжелые судьбоносные дни хаоса на Кавказе, уже после распада Российской империи и создания независимых закавказских государств. Озабоченность положением армян и угрозой их физического уничтожения опять же от рук турецких оккупантов и их кавказских приспешников в Баку вынуждает Завриева действовать оперативно. Так, например, 25 июля 1918 г. кайзеровский поверенный в делах Рицслер сообщал в МИД Германии из Москвы: «Армянский делегат Завриев сегодня убедительно объяснил мне, что положение армян невыносимо. Большие скопления беженцев из числа изгнанного турками населения ушли через горы или через Баку и Астрахань на север. Множество до крайности ожесточенных армянских мужчин, которые бы двинулись теперь против турок, для того, чтобы вернуть обратно свои прежние места обитания, осталось в Баку...»²⁷

Завриев, как видим, обращается к тем силам, которые способны были влиять на ситуацию в регионе в тот период, когда Россия находилась в тисках гражданской войны и не могла существенно помочь армянам...

О весомой роли Я. Завриева свидетельствует и то, что к ним советовались и на него надеялись во многих критических ситуациях, настигавших дашнакское правительство. Так, например, 7 августа 1918 г. председатель делегации Республики Армении в Берлине Амазасп Оганджанян писал Я. Завриеву, находившемуся в этот период в Москве в составе армянской делегации, о попустительстве Германией турецкой экспансии в Армении и необходимости обращения за помощью к Австрии и, в частности, замечал: «Положение наших дел остается тяжелым и неясным... Наша константинопольская делегация (в состав делегации дашнакского правительства, направленной в Константинополь для урегулирования взаимоотношений с Турцией, входил председатель Национального Совета А. Агаронян, министр ин-

странных дел А. Хатисов и военный советник генерал Корганов. — Р. Б.) находит необходимым кому-нибудь из нас поехать в Вену. Зурабов серьезно болен, я остаюсь один. Просил Константинополь назначить Вас. Прошу Вас быть готовым к приезду в Берлин, в случае согласия константинопольской делегации телеграфировать. Посовещаемся здесь, кто-нибудь из нас поедет, отвечайте этим же путем».²⁸

... Деятельность Я. Завриева была в эти годы столь продуктивна и разнообразна, что поистине трудно «объять необъятное», и в рамках небольшого обзора мы сочли целесообразным лишь акцентировать его общественно-политические и патриотические усилия в период наибольшего накала борьбы вокруг Армянского вопроса в канун Первой мировой войны и его трагического апогея — геноцида 1915 года.

²⁸ Вестник архивов Армении, 1970, N 3, с. 81-82.

²⁷ Там же, с. 554.

В ряду преданных Армении и судьбам армянского народа деятелей российско-армянской интеллигенции *Карен Микаэлян* (1883-1941) занимает достойнейшее место. Он оставил яркий след в истории армянской литературы и общественной жизни своей неутомимой и плодотворной деятельностью, в частности в годы армянской трагедии 1915 года.

Уроженец нахичеванской земли – Верхнего Агулиска, он как личность формируется вдали от нее – в Москве, Тифлисе, Иене (Германия). Благодаря приобщению к российской и европейской общественно-литературной среде он смог стать в один ряд с наиболее образованными и передовыми представителями армянского общества начала XX века, заслужил имя “полпреда Армении в России”. Всесторонне развитый человек, интеллектуал, Карен Микаэлян был одаренным прозаиком, драматургом, переводчиком, публицистом, издателем.

Когда грянул гром над армянским народом, К. Микаэлян проявил себя и как подлинный сын своей родины, как истинный патриот. Первой предпринятой акцией в этом плане было издание знаменитой “Поэзии Армении” под редакцией В. Я. Брюсова в 1916 г. Основной задачей этого сборника было показать цивилизованному миру, что с лица земли пытаются стереть народ, имеющий многовековую культуру и литературу, достойное историческое прошлое. Именно благодаря К. Микаэляну и другим армянским деятелям Валерию Брюсову удалось столь гармонично войти в мир армянской литературы и, в частности, поэзии. Это признавали многие русские поэты и переводчики, в первую очередь сам Брюсов. Он отмечал, что для историко-литературной части написанного им к сборнику очерка “Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков” важнейшими источниками были “особенно личные разъяснения и указания” Карена Микаэляна.¹

В период работы над брюсовской “Поэзией Армении”, в 1914-1915 гг., Микаэлян в письме от 16 октября 1914 г. сообщал своему другу Ваану Терьяну, что предложил Московскому Армянскому комитету издать книгу (в период, когда сгущались тучи над западноармянским населением в Турции) – “роскошный сборник на русском языке, в который войдут все жемчужины нашей литературы в отменных переводах”.² Чуть позднее, в декабре того же года, Микаэлян делился с Терьяном о том, что следовало бы привлечь в качестве переводчиков Бальмонта, Бунина, Брюсова, Блока и других лучших русских поэтов. Благие намерения армянского деятеля-патриота постепенно обретают “плоть и кровь”. 1 мая 1915 г. Микаэлян ставит в известность Терьяна: “Должен тебе сообщить радостную весть. Вопрос о сборнике решен... Очень трудно было втолковать представителям нашей буржуазной интеллигенции, какое большое моральное значение имеет подобное дело”.³ В этом же письме Микаэлян признается Терьяну, что сборник “Поэзия Армении” будет “пробным камнем” для армянской литературы и если русский читатель “отнесется одобрительно”, этот факт будет иметь “огромное влияние” на армянскую литературу.

Делясь впечатлениями от встречи с В. Брюсовым, Микаэлян в письме от 27 июня 1915 г. пишет Терьяну о том, что был вместе с поэтом Ал. Цатуряном и литератором П. Макинцяном у В. Брюсова, который их “принял хорошо” и дал согласие редактировать сборник армянской поэзии. “... Проявил неожиданную заинтересованность к нашему предложению до такой степени, что решил изучить армянский язык, – сообщает с удовлетворением Микаэлян. – Потребовал всю литературу об Армении... Словом, проектируемый нами сборник выйдет под высочайшей редакцией известного русского поэта В. Брюсова”.⁴

Карен Микаэлян буквально дышит интересами нации в этот судьбоносный для армян период, не жалея ни душевных

² Сб.: Брюсовские чтения 1966 года, Ереван, 1968, с. 153.

³ В. Терьян. Собр. соч. в 4-х тт., т. 4, с. 158 (на арм. яз.).

⁴ Там же, с. 163-164.

¹ Сб.: Поэзия Армении, под ред. В. Брюсова, 2-е изд., Ереван, 1966, с. 473.

сил, ни материальных средств...

В августе 1916 г. "Поэзия Армении" выходит в свет и сразу же оказывается в центре внимания и армянского, и русского общества. Россия, наконец, понимает, что армяне — это не "азиатский торгашеский народ", ныне жестоко избиваемый где-то далеко в варварской Турции, а древний культурный, имеющий высокую и одухотворенную поэзию народ, который достоин лучшей участи и внимания цивилизованного мира. Об этом говорит сам редактор и переводчик "Поэзии Армении" В. Брюсов в своем влестящем очерке, предворяющем сборник. Русский поэт, в частности, писал: "Нужны мировые катастрофы, нужны беспримерные ужасы турецкой резни или дикого преследования целой нации, чтобы мы вновь обратили внимание на бедствия "многострадального народа". Мы вспоминаем об армянах лишь в те дни, когда им нужна бывает рука помощи, чтобы спасти их от поголовного истребления озверевшими полчищами султана. Между тем, есть у армян более высокое право на наше внимание и на внимание всего мира: та высокая культура, которую вырабатал армянский народ за долгие века своего самостоятельного существования, и та исключительно богатая литература, которая составляет драгоценный вклад Армении в общую сокровищницу человечества".⁵

Армянская интеллигенция, подавленная событиями в Османской империи, как бы ожила, воспряла с появлением "Поэзии Армении", — это был своего рода "бальзам" на кровоточащую рану армян... Так, например, в августе 1916 г. Аветик Исаакян, находящийся в то время в Европе, в письме К. Микаэляну писал удрученно: "... я уже чувствовал себя совершенно забытым в этих жестоких, человекопоглощающих днях... какие нынче времена, еще более худшие, чем когда-либо были на этом ничтожном земном шаре, имя которому отныне надо дать "кровавый шар" и ничего более... душевно весьма угнетен из-за тех ужасных, безмерных потерь, которые перебили хребет нашему наро-

ду, какую еще психологию можно иметь?"⁶ Но уже в марте 1917 г. по получении русского сборника, великий поэт с воодушевлением отмечает: "... Больше месяца, как я получил "Поэзию Армении", грандиозный труд и грандиозное старание, не имеющее себе равных... Прошу выслать мне несколько экземпляров... Антологии для продажи... Передай мою глубокую благодарность г. Брюсову и скажи, что он является одним из искренних и верных друзей армянского народа".⁷

Как известно, другой значительной акцией духовной помощи армянскому народу в этот роковой период был и "Сборник армянской литературы" под редакцией Максима Горького, вышедший в свет в том же 1916 году и заслуживший признание армянского общества, российской интеллигенции. Карен Микаэлян, кстати, был в курсе и этого начинания — благодаря близким отношениям с В. Терьяном и другими армянскими и русскими творческими деятелями. В апреле 1915 г. Терьян писал Микаэляну из Петрограда о том, что был у Горького, который сообщил ему о своем намерении издать сборник армянской литературы: "... Сегодня пошел к Максиму Горькому... Предлагает сборник, посвященный армянской литературе... Сборник будет небольшим, с одним или двумя предисловиями (одно — посвященное армянской жизни, прошлому и настоящему, другое — обзор армянской литературы). Остальное — художественные произведения. Преобладающей будет современная литература, конечно, дадим из старого значительное и интересное. Поэзию Горький обещает дать русским поэтам с нашей помощью и вообще был очень и очень любезен..."⁸

Таким образом, "Поэзия Армении" под редакцией В. Брюсова и "Сборник армянской литературы" под редакцией М. Горького сыграли огромную моральную и где-то общественно-политическую роль в российско-армянском обществе в начале

⁵ Письма Ав. Исаакяна К. Микаэляну. — Историко-филологический журнал (ИФЖ) АН Армении, 1973, N 2, с. 233-234 (на арм. яз.).

⁶ Там же, с. 235.

⁷ В. Терьян. Собр. соч., т. 4, с. 202.

⁸ Св.: Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. Под ред., с вступит. очерком и примеч. В. Брюсова, М., 1916, с. 6.

XX века. Без осязательности можно сказать, что по реакции в обществе эти издания в период геноцида 1915 года имели почти такое же воздействие, что и известные сборники “Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г.” (1896) и “Братская помощь пострадавшим в Турции армянам” (1897-1898), изданные в период массовых погромов и резни армян в Османской империи в конце XIX века с той же целью – привлечь внимание россиян к армянскому народу и его горькой участи, показать его высокие духовные и нравственные качества – наперекор сложившимся в определенных слоях русского общества стереотипам армян как “торгашей” и “дельцов”, не достойных лучшей доли...

Карен Микаэлян был потрясен событиями в Западной Армении. “Духовные” акции ему показались недостаточными: стараясь принести как можно больше пользы родному народу, истязаемому и обескровленному, будучи уроженцем коренной армянской земли – Нахичевана, он оставляет благополучную Москву и устремляется в Армению. Цель Микаэляна – посетить те места, где скопились остатки полувырезанного армянства – сирые, больные и голодные беженцы, сироты, заполонившие города и села Восточной Армении и Закавказья... Агония целого народа продолжалась, и кошмарная действительность, когда сотни и тысячи людей, спасшихся от турецко-курдских банд насильников и убийц, умирали от голода и болезней уже на, казалось бы, не грозившей ничем мирной российской территории...

“В эти места меня влекло, с одной стороны, чувство гражданского долга – хоть как-то быть полезным тому морю нужды, что досталось моему племени, – писал К. Микаэлян в то время, – с другой стороны, внутренняя потребность литератора – видеть и познавать”.⁹

Писатель в 1916-1917 гг. посещает сиротские приюты, открытые в Ереване, Тифлисе, Баку, Александрополе, Эчмиадзине, Ашгараке, Ошакане... Будучи хорошо знакомым с пред-

ставителями закавказской армянской интеллигенции, Микаэлян в своей инициативе находит поддержку среди них, советуется с ними по различным вопросам, ставит в известность о своих планах и намерениях видных деятелей на местах. В письме от 6 декабря 1916 г. К. Микаэлян пишет из Еревана в Тифлис Ованесу Туманяну: “... Посещал местные приюты. Имел две цели. Первое: записать последнюю трагедию западных армян по рассказам детей и на их основании создать художественные произведения, не выходя за рамки материала. Второе: собрать, явившиеся для меня самым неожиданным образом, литературные выражения. Сейчас у меня под рукой огромная литература. Из нее выбрал поэтические работы, в которых часто есть весьма удачные места. Они отражают последние события. Очень интересно и трогательно, как ребенок поет о своем горе и веселье, о перенесенных мучениях, об увиденных слезах...”¹⁰

В конце декабря 1916 г. в зале музыкального училища Тифлиса состоялось заседание Общества армянских писателей, посвященное сиротам-беженцам. “Разбирался главным образом вопрос о том, каким образом реагировала чуткая душа детей сирот на последние кровавые события в Турецкой Армении”,¹¹ – пишет “Армянский вестник”. Докладчиком выступал Карен Микаэлян. Побывав в сиротских приютах Ашгарака, Эчмиадзина, Эривани, он собрал “очень интересный материал, представляющий из себя не что иное, как рассказы и стихи детей-сирот, в возрасте от 13 до 16 лет”. В этих рассказах и стихах юные поэты “в детски наивной и глубоко трогательной форме передают свои душевные переживания, вызванные в них теми ужасами, свидетелями которых они были”.¹² Весь этот материал и был представлен Микаэляном своим слушателям.

По свидетельству “Армянского вестника”, наиболее способных и талантливых сирот-беженцев правление общества по-

⁹ Музей литературы и искусства Армении им Е. Чаренца (МЛИ), ф. К. Микаэляна, N 21; См. также: “Горц” (“Дело”), N 2, 1917, с. 140 (на арм. яз.).

¹⁰ Из писем Карена Микаэляна. – Вестник общественных наук АН Армении, 1981, N 2, с. 91 (на арм. яз.).

¹¹ Армянский вестник, 1917, N 3, с. 20.

¹² Там же, с. 21.

становило усыновить, о чем председатель общества Ов. Туманян и довел до сведения собравшихся.

Карен Микаэлян неутомим в своей деятельности помочь сиротам. В феврале 1917 г. он уже в Москве, в Лазаревском институте, выступает с лекцией “Слова и слезы сирот”. Примечательна программа вечера и поэтому стоит привести ее полностью: “Сироты-поэты. Европейская война и потери турецких армян. Беженцы сироты. Приюты. Трудолюбие, ремесло и искусство в приютах. Сироты-художники, вышивальщицы, танцовщицы, ремесленники, поэты, писатели и т.д. Литература и поэзия среди сирот. Первое мое знакомство с мальчиком-поэтом. Отражение последних кровавых событий Турецкой Армении в литературных произведениях сирот. Образцы стихотворений, написанных мальчиками и девочками в возрасте от 12 до 16 лет.

Описание погрома родной деревни. Обращение мальчика к траурным рекам и птицам Армении. Обращение к луне, Арарату, Милосердному Богу. Тоска по родине и материнской любви. Печаль и скорбь. Встреча Нового года в приютах. Стойкость духа и надежда на будущее. Первые отзвуки струн пробуждающегося сердца мальчика-поэта.

Два руководящих мотива: Стремление к родной стране и земле. Стремление к труду и знанию. Задачи руководителей приютов. Заключение.

Второе отделение посвящается сиротам-рассказчикам (Чтение рассказов, записанных из уст детей в возрасте от 4 до 16 лет).¹³

Далее “Армянский вестник” уведомляет, что К. Микаэлян ездил на Кавказ “со специальной целью” ознакомиться с жизнью беженцев-сирот в приютах, а лекцию “В мире сирот” он “с большим успехом” читал также в Тифлисе и Баку.

Карен Микаэлян неутомимо отдается психологически очень тяжелой и физической изнурительной, но благодарной работе – в итоге рождается цикл рассказов “Истерзанная Армения”, вопль истердавшейся армянской детской души. Однако

задача писателя была не в том, чтобы “выдавить слезу” читателей и лишний раз заставить “сострадать” сентиментальные сердца. Это вновь был “обвинительный акт”, но представленный теперь уже не сухими строками официальных документов и “красно-сине-оранжево-желтых” книг, изданных той или иной страной об армянских ужасах, а наивными, непосредственными, чистыми армянскими детьми, в чьих глазах застыл весь кошмар содеянного с их родителями, братьями и сестрами, родственниками...

В предисловии к циклу, озаглавленном “Молодая Армения”, литератор писал: “... Во мне возникло неодолимое желание приобщиться к трагедии западного армянина, когда его страна была разорена, семья разрушена и осквернена, родные стали мучениками и он попал в мир страданий и скитаний. Для этого мне необходимо было видеть его глазами, слышать его ухом и чувствовать его сердцем, не теряя в то же время объективности писателя и хладнокровия протоколиста”.¹⁴

После долгих поисков Микаэлян убеждается, что этим его тревованиям более всего удовлетворяют именно дети, так как “взрослые не могут спокойно и, что главное, без пафоса рассказывать свалившееся на их головы, как это делали дети. И сколько вопросов прояснялось, когда рассказчик – объективный, искренний и правдивый ребенок! Рассказы взрослых обычно несвободны были от журналистских предвзятых мнений, партийных тяготений, даже национальной озлобленности”.¹⁵ Далее писатель подчеркивает: “Совершенные в Турецкой Армении адские преступления, безмолвные ужасы и вынесенное западным армянином сверхчеловеческое страдание должны были заставить заговорить даже камни, но *камни* не заговорили... значит, пусть лепечет незатейливый язык невинных детей и расскажет нам правдивую историю нашей разоренной родины”.¹⁶

Карен Микаэлян выбирает из массы детей-очевидцев различных областей и различных мест резни и погромов тех, кто

¹³ Там же, N 6, с. 22.

¹⁴ МЛН, ф. К. Микаэляна, N 21; см. также: “Горц”, 1917, N 2, с. 140-141.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

имел хорошую память и беглый, резвый язык, предлагал им рассказать и тут же на месте записывал все то, что они видели, слышали и перенесли. Писатель лишь старался, по собственным же словам, чтобы они не выходили за пределы материала. Опросы проводились среди сирот от 4 до 16 лет. Услышанное от детей Микаэлян фиксировал “со всей тщательностью”, зачастую “со стенографической скрупулезностью”, имея всегда рядом с собой, в качестве свидетеля – дабы не быть кем-то обвиненным в “сочинительстве” – третье лицо. Все рассказы записаны от первого лица, как и рассказывали сами сироты, лишь вместо многочисленных диалектов, которые часто чужды нашему слуху и непонятны широкому слою читателей и верное воспроизведение которых невозможно нашим алфавитом, замечает писатель, приведены им к доступному российско-армянскому (т.е. восточно-армянскому. – *Р. Б.*) диалекту.

“И когда таким путем, – замечает К. Микаэлян, – собрал несколько десятков рассказов, вернее сказать биографий, и разложил рядышком, передо мной оказалось содержательное описание страны, горести и потери западного армянина, его разрушенный дом и родина, или, иными словами, вся Истерзанная Армения”.¹⁷

На объемистой папке рукописи этого цикла рукой литератора надписано: “Готовые материалы. Пусть увидит свет когда-нибудь эта книга”...

К сожалению, подобной всеобъемлющей книги так и не вышло в свет: в армянской периодике тех лет появилось лишь несколько рассказов (в вакинском литературном, научном, общественном и политическом журнале “Горц” (NN 2-6 за 1917 г.). Это “Нахшун”, “Согомон”, “Айказ”, “Арменак”, “Сирвард”, “Эстер” – по именам детей-сирот, поделившихся с К. Микаэляном своими горестными воспоминаниями и злоключениями. Остались с тех пор неопубликованными рассказы-свидетельства Мисака Седракяна (Лоро Мисак), Майрапуш Хюсян, Азиз Ай-

рапетян, Мурада Мкроенца, Ованеса Клоенца, Гулу, Гукаса, Сирапуш, Гюлизар Варданян, записанные писателем осенью 1916 – зимой 1917 года в сиротских приютах по всему Закавказью.¹⁸

Примечательно, что среди опрошенных сирот Микаэлян “обнаружил” поэтический дар и дал “путевку в жизнь”, “вывел” в большую литературу Айастана Егизаряна (Наири Зарян), Вагаршака Ерицяна (Норенц), Гургена Маари (Аджемяна), позднее вписавших яркую страницу в историю армянской литературы XX столетия.

Предпринятое литератором дело и опубликованный ряд рассказов из цикла “Истерзанная Армения”, созданный на основе реальных фактов, удостоился внимания армянского читателя не только на родине, но и в России и в Европе. Но еще до этого писательница Забел Есян, сама испытывавшая “прелести” османской “цивилизации” в Константинополе и перебравшаяся во Францию, писала 2 января 1916 г. Ерванду Тагианосяну: “Карен Микаэлян принес мне свои произведения для ознакомления: в высшей степени интересная и трогательная проделана им работа – прочел мне несколько страниц, которые все без исключения имели большую ценность: вот что нам надо было и уверена – то, что сделано им... несравненно важнее и более служит конкретной цели, чем неясные и дорогостоящие итоги комиссий...”¹⁹

Кстати, армянская писательница сама посоветовала и “вдохновила” К. Микаэляна сдать рукопись в журнал “Горц”, где в первой половине 1917 года и были опубликованы вышеупомянутые уже рассказы.

23 сентября того же года Забел Есян, проживавшая в то время в Баку, пишет Микаэлян оттуда подробнейшее письмо о своем житье-бытье, литературных делах и, в частности, об “Истерзанной Армении”: “Хотела бы знать, господин Микаэлян, по-

¹⁷ Там же. См. также: *Р. Багдасарян*. “Истерзанная Армения” К. Микаэляна – ИФЖ, 1997, N 1, с. 276-279 (на арм. яз.).

¹⁸ Рукописи рассказов, хранящиеся в МЛН, написаны карандашом и, к сожалению, малоразборчивы для чтения.

¹⁹ Литературное наследство, т 12. *Забел Есян*. Письма. Ереван, 1977, с. 120 (на арм. яз.).

чему не продолжили в “Горце” публикацию “Истерзанной Армении”: что вы намерены делать с этим трудом, который, уверена, не только сегодня, но всегда должен представлять огромную ценность как одна из самых волнующих работ о нашей современной несчастной жизни... Вы эту труднейшую работу проделали искусно и со вкусом и будет жаль, если так долго она не будет опубликована полностью. Не имеете ли намерения издать ее отдельной книгой – прошу об этом как можно скорее сообщить мне”.²⁰

В этом же письме Забел Есаян сообщает, что перевела несколько эпизодов из “Истерзанной Армении” для публикации во французской печати, а также материалы о геноциде французского публициста и журналиста Анри Барби. Он вместе с писательницей собирал материал и факты о великой армянской трагедии и публиковал их в переводе во французских газетах. В годы Первой мировой войны Анри Барби посетил Западную Армению, был свидетелем ужасающих последствий великого преступления и на основе неопровержимых фактов написал книгу “В стране ужаса. Мученица Армения” (в переводах на армянский и русский языки вышла в свет в 1919 г. соответственно в Константинополе и Тифлисе).

О своей работе З. Есаян далее писала: “В настоящее время я между прочим занята переводами из Анри Барби, который является собственным корреспондентом парижской “Le journal illustré” в России. Безусловно, знаете, что упомянутый господин уже издал книгу об армянах, имевшую успех. Сегодня перевела для него “Нахшун” из вашей “Истерзанной Армении” – большой интерес вызвала эта работа и господин Барби также подтвердил, что это одна из самых трогательных страниц, которую до сих пор перевели. В связи с этим считаю своей обязанностью дать вам ряд сведений и надеюсь, что не будете против тех незначительных изменений, которые мы вынуждены были сделать в переводе: название “Истерзанная Армения” во французском переводе не имело необходимого звучания, так

что предпочли более удобным поставить “Свидетельствуют дети”. Кроме того, из Вашего предисловия сократили ту часть, где говорите, что рассказы написаны на российско-армянском диалекте – эта часть не только лишняя для французского (издания), но и могла вызвать неразбериху. Все остальное перевела буквально. Если настаиваете на Вашем названии – могу дать в качестве второго заголовка”.

Затем Забел Есаян подчеркивает: “... нашей главной целью является создать впечатление у французской читающей общественности... написанное должно быть издано в иллюстрированном периодическом издании “Чтение для всех”, которое является широко распространяющейся в мире газетой”.²¹

Таким образом, хотя кропотливый труд К. Микаэляна полностью не издан до сих пор, однако и опубликованного оказалось достаточно, чтобы рассказы о жертвах геноцида – детях-сиротах достигли цели – дали представление о преступлении века и имели успех не только в армянской среде, но и, переведенные на один из мировых языков – французский, вызвали интерес у европейской общественности.

Рассказы из цикла “Истерзанная Армения” до настоящего времени не появлялись в русскоязычной литературе и периодике, поэтому остановимся на них подробнее.²²

Вот история девочки-подростка Нахшун Саакян, родившейся в селении Багва в Мушской долине близ монастыря св. Карапета, записанная Микаэляном в Аптаракском приюте, – рассказ “Нахшун”.²³

Семья 12-летней девочки была немалая: отец-земледелец, мать, девятилетний брат Седрак, сестра Алмаст семи лет и головалаз Азнут. В один из страшных дней в селение ворвались турецкие аскеры и “по приказу правительства” стали собирать армянских мужчин. Забрали и отца Нахшун. Затем погнали и

²⁰ Там же, с. 144.

²² Переводы всех приводимых ниже отрывков из рассказов впервые сделаны нами. – Р. Б.

²³ “Горц”, 1917, N 2, с. 141-146 (на арм. яз.).

²⁰ Там же, с. 143.

женщин с детьми. Мужчин всех вскоре расстреляли, а женщин с детьми заперли в монастыре св. Карапета. Девочка рассказывает, как ночью к ним провзбродили аскеры и стали выбирать себе девушек. Одну из них, “самую красивую в их селе” – Мариам, несмотря на ее отчаянное сопротивление и душераздирающие вопли, под угрозой смерти увели с собой и “она больше не вернулась”... Всю ночь мать Нахшун проплакала с детьми, стонущими от голода. Когда их вывели из монастыря “в дорогу смерти”, мать девочки, изловчившись, сумела укрыться с детьми в кустах и убежать. Но свобода дала немного: годовалая Азнут умирала от голода на руках матери, так как у той иссякло молоко в груди от пережитого. Женщина вынуждена была прекратить мучения ребенка: убиваясь от горя, утопила его в реке... “Мама упала на траву и стала горько рыдать и рвать на себе волосы”, – говорит Нахшун.

На четвертый день после повета семья вернулась в родное село, где все дома выселенных армян уже были заняты пришлыми курдами. Матери Нахшун ничего не оставалось делать, как приютиться у дружелюбно относящегося к их семье курда Гаджи, старого соседа.

Как-то турки прослыли, что у него скрываются армяне, и нагрянули к Гаджи, но тот не выдал их. Мать девочки прислуживала курдской семье, и так прожили несколько месяцев. Но вот прошел слух, что в направлении их деревни продвигаются русские войска – курды спешно стали собираться уходить, боясь расправы русских, и забрали с собой под угрозой смерти и мать девочки. Дети остались в доме одни – в полной неизвестности и страхе, пока их не спасли сражающиеся в русской армии армянские добровольцы.

Другая история, записанная в том же Ангаракском приюте 3 ноября 1916 г., – “Сирвард”.²⁴ Семья девочки-подростка, довольно привлекательной, по описанию К. Микаэляна, уроженки Вана, состояла из родителей и троих детей: брата Хосрова 15 лет, трехлетней Нвард и ее, одиннадцатилетней Сирвард Хачат

рян. Это – эпизод из дней Ванской самообороны, когда армяне целый месяц защищали город от турок в ожидании русской армии и армянских добровольческих дружин. В их числе, по рассказу девочки, был и ее отец Хачатур, известный ванский пекарь. Воодушевление населения города, приютившего и беженцев из соседних сел, сменилось горечью: надо было покидать Ван!

Семья Сирвард вынуждена была следовать о всеми горожанами, все были налегке, в надежде на скорое возвращение – не брали с собой ни имущества, ни большого количества продуктов. Но люди шли и шли, несколько дней и ночей, голодные и холодные... Где-то под Беркри остановились на ночлег, но не тут-то было: раздались ружейные выстрелы здесь и там, выяснилось, что на армян напали курды. Все бросились бежать кто куда. Семья Сирвард также спаслась бегством... Потом девочка узнала от очевидцев, сколько женщин и девушек бросилось в воды реки, спасаясь от бесчестия, сколько мужчин и юношей было убито озверевшей бандой... Спасаясь семья девочки, наконец, обессилив, дошла до Игдира, где и остановилась. Родственников и соседей они потеряли во время суматохи в Беркри. Последний приют, однако, не означал полного спокойствия и спасения. Мать заболела и “отец крепко укутал ее единственным имевшимся одеялом”, сообщает Сирвард. Затем семья добралась до Эчмиадзина, где остановилась во дворе церкви. Как только поправились мать после посещения врача, слег отец. Когда отца увезли в больницу, снова заболела мать... Спустя время Хосров, навещавший отца в больнице, вернулся с известием о его смерти, “мама и все мы горько заплакали”, сообщает с печальной покорностью девочка. Через неделю, когда грянули ночные морозы, мать замерзла и умерла. “Так мы стали сиротами”, – удрученно умолкает Сирвард...

3 января 1917 г. в сиротском приюте К. Микаэлян записывает историю 14-летней Эстер Мовчян, белокурой и красивой девочки из Амасии, лишившейся родителей еще до начала войны. Эстер остановилась у своего дальнего родственника в причерноморском Самсуне, чтобы затем поехать в Константинополь, к дяде, с целью получить образование. В связи с военными дей-

²⁴ Там же, N 4, с. 95-99.

ствиями на море девушке не удастся отплыть из города, и она летом 1915 г. оказывается в гуще грозных событий. Турки стали собирать оружие у армян, а через несколько дней – всех мужчин армянского квартала выслали из города в неизвестном направлении. Спустя пять дней после этого, вспоминает девушка, турки вновь нагрянули в армянский квартал и заявили, чтобы женщины и дети также готовились к высылке, якобы к своим мужьям. Эстер с другой родственницей, молодой девушкой Гоар, спрятали у греков, которые, вспоминает сирота, “вообще нам сочувствовали и сделали много хорошего для нас”. Но по дошедшим сведениям всех, кого турки забрали, затем разделили на группы и отправили неизвестно куда. Позднее девушки узнали, по слухам и тайно доходящим до них письмам, что мужчины, вплоть до пятнадцатилетних мальчиков, снова разбили на группы и вырезали, а красивых женщин и девушек отдали в жены туркам и курдам, а детей обратили в ислам. Около 90 армянских семей были вынуждены принять магометанство, чтобы их не трогали, но вскоре и их вывезли из города...

“И армянский квартал опустел, все дома были опечатаны... А затем пришел приказ, чтобы греки выдали всех спрятавшихся у себя армян. Греки под угрозой наказания вынуждены были отдать нас в руки турецкой полиции... Собралось 400 человек, большей частью женщины, дети, мальчиков было мало. Нам попытались допрашивать – у кого именно мы скрывались, но мы не назвали имен греков...”, – рассказывает девушка.

Злоключения Эстер продолжают: ее пытается “удочерить” пожилой турецкий чиновник с помощью некоего армянина, Тиграна-эфенди из румынскоподданных. Девушка отказывается, плачет и ее пока оставляют в покое в доме у армянина. Эстер узнает, что задержанных армянок, в том числе и ее родственницу Гоар, отпустили, и она выражает желание вернуться домой. Ей не перечат. Но турок все не унимался – при каждой встрече в городе предлагал ей переехать к нему и, наконец, угрозами заставил-таки Эстер подчиниться. Назим-бей пришел к себе в дом старую армянку, чтобы девушке было “спокойнее и веселее”. Несколько раз турок помогался ее, ночью прокрадыва-

ваясь к комнате Эстер, но она была непреклонна и не открывала дверей. Наконец, Назим-бей подослал к ней старую турчанку, чтобы та умиловила строптивую армянку. Турчанка говорила девушке: “... Ах, армяне, вы сами виноваты – если бы не восстали в Ване, мы бы вам ничего не сделали. Но несмотря на это, видишь, бей любит тебя, отчего ты боишься его?” После этого бей снова домогался Эстер, но она по-прежнему упорствовала, запиралась в своей комнате. Но турок не терял надежду: он хотел завоевать сердце девушки то ласковым обхождением, то строгостью, то подарками. Напрасно!

“Что хочешь, делай, хоть убей, я у тебя не останусь”, – заявила как-то Эстер своему “хозяину”, и он оставил ее на время в покое, отправив к своим знакомым – семье американского консула, который был по происхождению немцем. Здесь с молодой армянкой, по собственному признанию, обращались “очень хорошо”, но Назим-бей вовсе не собирался отказываться от нее. Через немца сироте дали понять, что турок хочет отправить ее в Марзван, вроде бы для поступления на учебу в американскую школу. Однако через родственницу Гоар Эстер узнала, что Назим-бей уезжает из Самсуна, потому и отправляет ее в чужой город, чтобы легче было сломать ее сопротивление. Когда Эстер в отчаянии хотела броситься в море, ее перестали выпускать из дому, а Назим-бей, узнав об этом, сказал, наконец, немцу: “Оставь, пусть идет, куда хочет”.

Эстер поселяется у своей родственницы Гоар и несколько успокаивается. Девушка вспоминает: “Каждый день со стороны Трапизона прибывали турецкие и грузинские беженцы, которых правительство размещало в опустошенных домах армян. Русские заняли Трапизон. Бежавшие из Трапизона турки рассказывали, что русские хорошо обращаются с ними, но они бежали, так как боялись мести армянских добровольцев и беженцев”.

Как-то подруга Гоар, Ерануйш, принесла весть, что ее жених, со времен трапизонской резни и высылки армян бежавший в горы, перешел на сторону русских и из Трапизона спешит к ней на помощь на лодке в ближайшее греческое село... Радости

девушек не было предела, когда они, наконец, освободившись из турецкой неволи, оказались на русском военном корабле, доставившем их в Трапизон... “Мы оторвались от той земли, где пролили столько крови, столько слез...”, – заключает Эстер рассказ.²⁵

На фоне трагедий Нахшун и Сирвард судьба Эстер может показаться более “благополучной” – нет “крови и насилия”, но вот рассказы армянских мальчиков – Согомона Мхитаряна, Айказа Шлым-Хоренца, Арменака Багдасаряна, повторивших драматичную судьбу сотен тысяч своих единокровных сверстников, тех немногих, что выжили в этой ужасной мясорубке...

Семья Согомона Мхитаряна, героя одноименного рассказа²⁶ Карена Микаэляна, которому в пору описываемых событий было тринадцать лет, была большой: отец, мать, старший брат 27 лет, четыре сестры от 11 до 29 лет... Уроженцы села Харц Мушской области Западной Армении.

Мальчик вспоминает: “... Велика была папа радость, когда прослышали, что российские армяне организовали дружины, примкнули к русскому войску, чтобы прийти и освободить нас от векового турецкого рабства. Знали, что во главе этих отрядов наши национальные герои – Андраник и Керн... О восстании в Ване ничего не знали. Но вскоре... нас обрадовали тем, что Ван освобожден от турецкого ига и скоро Андраник и русские придут освобождать нас...”

Далее Согомон рассказывает о жизни в селении, где хозяйничали курды, возглавляемые Муса-беком. Многие армяне вынуждены были служить ему, отец мальчика прослужил у него тридцать лет и также прибегал к помощи всемогущего курдского “вождя”. Когда русские со стороны Эрзерума двинулись в их края, по словам Согомона, курды стали организовывать отряды для борьбы с ними и заставляли армян под угрозой смерти вливаться в их банды. Вместе с “радостными вестями” о приближении русских к Мушской долине в селе получали и “печальные

вести” – о резне армян...

“В дни Вознесения во двор сельской церкви ввалилось 350 человек, большей частью старики, женщины, дети, – вспоминает мальчик. – Молодых вырезали. Все они были голые, голодные...”. Беженцы были распределены между сельчанами-армянами и “никто не остался без крова”. Спустя некоторое время курды снова призвали своих единоверцев к борьбе с русскими и в дни Варлава окружили село Согомона. Курды громили дома армян, убивали мужчин, уводили женщин и детей. Погиб и отец мальчика. Согомона приютили в семье благоволившего им Муса-бека, мать и сестры мальчика тоже оказались под его защитой. Родные сообщили, что всех женщин и девушек села собрали, выбрали из них красивых, а остальных заперли в домах и сожгли... Оставшихся в живых на следующее утро по приказу турецкого хумандара погнали к берегу Меграгета, где стариков бросили в воду, женщин расстреляли, а мальшней, пожалев на них патроны, просто оставили на берегу реки – на голодную смерть и бродячим псам...

Согомон рассказывает далее, как они в ту ночь “не могли заснуть от плача и воплей детей”, а на следующий день “курдские мальчишки вышли к реке и выпустили на них голодных собак, которые разрывали армянских мальшней, а оставшихся еще в живых курдские отродья добивали камнями”. На вторую ночь голоса детей “ослабели”, а в третью ночь их уже не слышно было совсем...

Одиссея мальчика и его родных продолжалась: турецкие власти заставляли курдов выдавать прикрываемых ими армян и Муса-бек не мог больше оставлять у себя близких ему армян. Внятером – мать, три сестры и Согомон пустились нищенствовать по курдским деревням. Иные из курдов подавали им на пропитание, другие гнали прочь, приговаривая: “Помните годы конституции, с вами нельзя было разговаривать, взвесились, хотели быть равными с нами...” Курдские ребята забрасывали беженцев камнями, а взрослые надсмехались: “Если бы ваша религия была хорошей, вы бы не попали в такое положение. Сколько раз говорили вам: станьте мусульманами, не послуша-

²⁵ Там же, N 5-6, с. 112-119.

²⁶ Там же, N 3, с. 110-120.

лись, ну и подышайте, как собаки, жалко даже патронов, чтобы вас убивать”...

После долгих скитаний Согомон с матерью и сестрами вновь вернулись к своему знакомому курду Муса-беку, обрели покой в хлеву... Жена Муса-бека, старая курдианка, “дала тарелку еды, кусок хлеба, но мы не могли есть”, – рассказывает мальчик, – “горло, казалось, сжалось. Жена Муса-бека заметила это, успокоила нас, всплакнула и сказала: “Ах, курды, такое наше поведение господь не простит...”. И действительно, вскоре Касум-бек, брат Муса-бека, получил весть, что русские заняли также село Ваник. Надо было убегать из Хвнера, и курды со своими главарями спешно собрались и поднялись на Черную гору. И армян забрали с собой...

Далее мальчик сообщает, что при этом бегстве в горы его мать, вдруг увидев навьюченного вола, упала на землю, стала дрожать и плакать. Дети, подбежавшие к ней, спросили, что случилось? Оказалось, мать увидела на животном одеяло своего старшего сына – Мкртича... И когда добрались до места, мать заболела и слегла. Через неделю она умерла с горя, и дети остались сиротами.

Когда Муса-бек и Касум-бек узнали, что идущий к ним русский отряд малочислен – всего 50 человек, они собрали 200 курдов и отогнали русских. Затем спустились в свое село. Согомон горестно добавляет: “без нашей милой мамы, она осталась на Черной горе...”

Вернувшись с курдами в село, сироты прожили у них еще полгода. В доме Муса-бека Согомоном и его сестрой Мариам были очень довольны – они прилежно работали на курдов.

“В долине я часто встречал изможденных и бродячих армянских женщин и детей, – продолжает Согомон, – которые не осмеливались заходить в селения. Я тайно выносил для них из дома Муса-бека хлеб, а если видел незахороненные трупы, вспоминал своих родителей и со слезами на глазах рыл яму и хоронил их...”

Мальчик все больше нравился своей сноровкой курдам и его уже стали брать на стрельбище. Однако зимой курды снова

заволновались: русские вошли в Муш, заняли родное село Согомона – Харц, а также Варденис, Арнист, Аргонк. Вновь курды поднялись на Черную гору, однако не смогли взять с собой из-за зимних условий всю свою скотину. Муса-бек и Касум-бек, к которым присоединился и их третий брат Нго-бек, организовали отряд в 200 человек и вновь встали на защиту своих владений. Согомона, уже умевшего стрелять, они заставили идти с ними против русских. “Ну, сынок, – с усмешкой сказал мальчику Касум-бек, – видишь, ваш “дядюшка”-освободитель пришел (речь о русских. – Р. Б.) спасать вас, армян, ха-ха-ха... Вставай, пошли драться против них”, – рассказывает Согомон. Мальчику дали ружье и патроны. Когда русские окружили село, он, по собственному признанию, стрелял или вверх, в небо, или вниз, в снег, и “против русских не выпустил ни одного патрона”. Когда курды поняли, что проигрывают вой, Касум-бек приказал Согомону спуститься в село и стеречь его дом от русских. Наконец, русские вступили в селение, все оставшиеся там армяне вышли из укрытий и приветствовали их.

“Группа бойцов, – вспоминает сирота, – подошла к нам и один из них по-армянски нетерпеливо спросил, много ли здесь армян. Это был один ереванский парень по имени Геворк”. С ним мальчик обошел все село, откуда удалось собрать 150 армян. “Остальных сельчан и беженцев курды убили или сожгли в домах. После осады Черной горы русскими и их поведы курды вежали кто куда, а Согомон с сестрой и другими выжившими армянами были отправлены на Кавказ”.

Другая история – “Айказ”²⁷, о четырехлетнем мальшке, которого К. Микаэлян характеризует так: “... пухленький, подвижной, общительный и многословный”, “вечный герой Аштаракского приюта”, у которого “всегда готов ответ на любой вопрос”, знает множество песен, стихотворений, скороговорок. Немцы про него сказали вы – “вундеркинд”. Родных у мальчика нет; единственная родственница, спасаясь от резни и дающая сведения об Айказе, дочь его тетки – Мариам. Айказ – сын Мко

²⁷ Там же, N 3, с. 121-123.

Шлым-Хоренца из села Тапаванк Мушской области, хозяина “самого богатого и большого дома”. Шесть братьев, все женатые, имевшие по десятку детей, бок о бок трудились в поте лица и делили хлеб под одним кровом. Число членов семьи доходило до 56... Имели множество полей и садов, богатую живность: быков, волов, овец...

Во время резни курды разграбили весь дом, угнали скот, красивых невесток и девушек взяли в плен, остальных вырезали, а дом, облив керосином, подожгли. В этот период отец Айказа, как и другие мужчины рода, был в армии. Мать была убита на пороге дома с двумя детьми, прижатыми к груди. Айказа курды увели с собой, чтобы обратить в ислам.

Когда русские вошли в село Хвнер Мушской области, Айказа нашли в хлеву курда Нго-бека. Русские забрали его с собой, полюбили и приласкали. И когда за ним приехали из Московского Армянского комитета, чтобы забрать на Кавказ, русские солдаты “с вольшой неохотой” отдали его, а мальчик “плакал и не хотел разлучаться с ними”. После восьми месяцев пребывания у курдов и месяца у русских мальчик забыл армянский. Он говорил по-курдски и знал несколько русских слов, к которым прибавлял как их “неотъемлемую часть” столь любимый русским солдатом “отборный мат”, не без юмора замечает К. Микаэлян.

Из своего прошлого Айказ мало что помнит и лепечущим языком на своем диалекте рассказывает: “... мой отец сражался... мою мать курды убили — пуля вошла в одну щеку, из другой вышла... Нго-бек взял меня в свое село. Меня называли Османом. Там я играл... Когда пришли русские, курды убежали в горы. Русские привезли меня в Муш. Там господин Аршак посадил меня в хурджин и привез в Хнус. В Хнусе мы сели в фуригон, приехали не знаю в какой город...”. Далее отрывочно вспоминает последующие эпизоды своей коротенькой жизни, а потом убежденно говорит: “Когда я стану господином врачом, пойду на войну, всех курдов поубиваю. Зачем они убивали наших армян, подожгли наши дома? Маленьких детей за ноги раздирали и только тогда бросали в огонь...”.

Обжигающая душу жестокая правда устами мальчика очевидца!

Затем мальчик вспоминает, как принимали его русские солдаты, спрашивали у него, курд он или армянин, давали сахару, хлеба. “Я хотел остаться у русских, они хорошие”, — заключает мальчик. Потом предлагает писателю спеть что-нибудь и сладким голосом затягивает по-курдски, затем по-армянски:

Дло, дло, дом моего отца сожгли,

Моих братьев убили,

Дом отца разграбили,

Не знаю, сколько мне лет...

Наконец, мальчик устало говорит, что ему “не хочется больше рассказывать” — “ноги онемели” — и резво убегает к сверстникам, таким же сиротам.

Рассказ “Арменак”²⁸, записанный в Эчмиадзинском приюте, о пятнадцатилетнем подростке из-под Хнуса. В родном его селе было 300 армянских домов и всего 12 курдских и турецких дворов. Отец был довольно зажиточным земледельцем: 12 пашен, 6 быков, 7 волов, 100 овец, 200 ульев. Семья состояла из пяти человек: отец Багдасар, мать Адэ, восемнадцатилетняя замужняя сестра Санам, одиннадцатилетний брат Закар и он сам, Арменак.

Как и многие выжившие сироты, Арменак начинает свою историю так: “С трепетом и нетерпением ждали того счастливого дня, когда русские должны были прийти и освободить нас от турецкого ига. И это не было тайной для турок”. Это-то и ожесточало мусульман против армян!

Далее следует повествование, столь типичное для того страшного и трагического времени — погромы, резня, бегство, скитания, впоследствии охарактеризованные мировым сообществом одним жутким словом — Геноцид!

Турки и курды с приближением русских все более озлоблялись против местных армян, будучи осведомлены, что в русской армии сражаются и армяне-добровольцы помимо тех, что

²⁸ Там же, с. 124-134.

были в регулярных войсках. Мужчины-армяне, вынужденные служить в турецкой армии, зная о беззакониях и притеснениях в родных селах и чтобы спасти честь своих жен, дочерей, сестер, дезертировали и возвращались к родным очагам с оружием. Было человек 15 таких смельчаков, по рассказу подростка, и в их селении. Вскоре правительство разместило здесь и беженцев курдов из-под Алашкерта, которых армяне должны были принять у себя и кормить. В дни Вознесения, когда русские подходили к Хнусу, в их село ворвались вооруженные курды. Армянская молодежь, вооруженная, вышла к ним на бой. Курдская банда бежала, но местные курды уговаривали армян села вместо того, чтобы вратся за оружие, “задобрить” курдов, отдав им свою скотину. Отец мальчика был сторонником вооруженного сопротивления, но вскоре всем пришлось уходить из родного села. Семья Арменака, оставив дом и зарыв все ценное во дворе, поручила соседу курду стеречь все “до лучших времен” и тоже подалась в соседнее село.

Арменак вспоминает, как отец с матерью “со слезами на глазах” прощались с родным очагом, со всем нажитым за долгие годы и стали на путь беженства и нищеты... В селении Думан, где население было смешанным, курдско-армянским, приютили беглецов, а курдский бек Шаго-Хало, созвав армянских старейшин, предложил дать ему 800 золотых, “чтобы обезопасить” армян. Армяне собрали требуемую сумму в надежде на спокойную жизнь хотя бы в этом селе. Однако наутро оказалось, что они окружены курдами. Арменак и вышедшие с ним 15 мужчин и 20 женщин и детей, запершиеся в одном из домов, не избежали опасности. Курды ворвались, сорвав двери, перестреляли мужчин; женщины и дети бросились бежать кто куда. Вместе с ними был и Арменак, переодетый до этого матерью в женское платье. Подросток рассказывает, как, пытаясь найти обещанную за деньги защиту у курдского бека, все бежали к его дому. По дороге он видел своего смертельно раненого соседа, который, взяв в охапку вывалившиеся из живота кишки, упав на колени, пытался проникнуть в какой-то курдский дом, рядом с ним лежала отрезанная голова – без тела, очень похожая на голову

его сына...

“Дверь Шаго-Хало была открыта, – вспоминает Арменак. – Мы вошли в комнату, заполненную армянскими женщинами и детьми. Рядом была другая комната, из-под двери которой тонким ручейком во двор текла красная кровь. В этой комнате вчера пировали приглашенные курдским беком “в честь совершенной сделки” именитые армяне, которых затем зарезали. Оглянувшись вокруг и увидел, что со мной вся наша семья. Здесь были мать, Санам, Закар. Не было только отца... Мать хотела выйти на его поиски, но одна старуха остановила ее и сказала, что напрасно – она уже видела труп моего отца. Мать громко заплакала и мы вслед за ней...”

Восшедший курд заорал на всех, пригрозив убить, и заставил замолчать их. Нескольким оказавшимся здесь мужчинам армянам на глазах у всех отрезали головы. Красивых девушек и невест отвели в сторону, остальных выгнали из дому. Арменак, будучи в женской одежде, уцелел...

После погрома и резни семья мальчика решила вернуться в родное село вместе с другими. На полпути их опять окружили курды. Чтобы избежать новых ужасов, многие девушки и невесты бросились в бурные воды Хнуса, многих настигла пуля. К счастью, семья Арменака осталась жива – до поры до времени... В селе они обратились к знакомому курду Хасми-Гаджи, которому когда-то поручили стеречь свой дом и имущество. Курд принял их милостиво, но, добавляет мальчик, он заметил, что все ценное из его отцовского дома перекочевало к курду. “Добрый курд”, однако, не смог долго держать армян в своем доме из-за угроз турецких властей наказать их за укрывательство. И вновь дороги скитальчества...

Жили также у сердобольных турок, прислуживая в их доме. Иные из них говорили: “Лучше, чтобы армяне жили, потому что они содержали идущие на войну войска, кормили их. Теперь, когда их вырезали, как мы вынесем это время?” Другие турки сообщали, что “и русские отвернулись от армян и тоже режут их на Кавказе”... Слухи, слухи – одни тревожнее других... Но и от турок пришлось уйти, так как Арменак пригля-

нулся одному из них, пожелавшему обратить мальчика в ислам и “усыновить”. Мать, прослышав об этом, взяла детей и они уехали ночью в армянское село Харамик, в котором все армяне были вырезаны, и оно уже было заселено пришлыми турками и курдами из Алашкертской долины. Семью пожалели и приняли в один из домов – прислуживать. Но вскоре мать заболела от непосильной работы, и турок не стал их более держать. С больной матерью дети вновь пустились в дорогу, но здесь их снова настигли курды. Требуя денег, они избивали женщину, а дочь прикрывала ее от ударов разбойников. Мальчики, схоронившиеся за кустами по наказу матери, не выдержали и выбежали, чтобы защитить их. Курды стали избивать и их, сорвали с них одежду. Арменак вырвался, убежал и бросился в протекавшую рядом речку. Что стало с младшим братом Закаром, сестрой и матерью, он не знал тогда...

Скитаясь мокрым по холоду, мальчик заболел и в жару добрал до какого-то турецкого дома. Турок приютил его – оказалось, что у него дома еще четверо армян и долго оставаться у совестливого человека было опасно. Да и единственной мыслью Арменака было найти своих родных. Снова начались хождения по домам турок. Один из них сообщил, что мать мальчика “зарезали в саду близ деревни, а о сестре и брате ему ничего не известно”.

“Я сел и оплакал смерть матери, – продолжает горестно Арменак. – Затем пошел в другой дом и предложил свою дармовую работу. Меня заперли в хлеву, а утром услышал, как кричат, что я сын армянина и меня надо повесить. Я убежал в окно, а курды стреляли в меня, но не попали – я был уже в конце улицы...”

Подросток, наконец, вновь решает вернуться в свое село.

“Была холодная осенняя ночь, – вспоминает Арменак. – С темного неба, как крупинки снега, сеял дождь. Завернувшись в свое старое пальто, понуро и молча, я шел по горам и долинам, по равнинам и ущельям, вдали от человеческого жилья и думал о несправедливости людей и мира. Близ нашего села, в ущелье, глухое рыданье привлекло мое внимание. В эту позд-

нюю ночь, в эту холодную осеннюю ночь, в далеком ущелье, кто мог рыдать так, если не армянин? Я положил руку на плечо незнакомца и сказал по-армянски: “Вставай, брат, не плачь”. Вдруг обе руки крепко обняли меня за шею. Смотрю, мой родной брат – Закар! “Что с мамой?” – был мой первый вопрос. “Убили, забив до смерти”, – сказал он, всхлипывая. “А сестра?” – “Курды увели”... Сели и снова вдвоем заплакали.

Вижу, брат мой дрожит всем телом, потому что наг. От голода и усталости не мог держаться на ногах. Я взвалил его на спину и пустился в дорогу к нашему селу. Вновь постучался в двери к Хасми-Гаджи, но на этот раз наш давний друг выпнул нас со словами: “Отстаньте от меня, во имя аллаха, не видите, что правительство наказывает тех, кто дает кров армянам?”

“Куда было нам идти, что делать? Наше село ограбили и дома отдали пришедшим сюда мухаджирам...”. Мальчики на какое-то время остаются у одного из них, где их называли Мах-мад-али и Алико. К осени их стали плохо содержать, да и прошел слух, что курдов снова станут переселять из-за угрозы прихода русских. Чтобы курды не забрали их с собой, Арменак с братом вновь решают бежать. В одном из черкесских сел их приютил знакомый отца – черкес, но поскольку у него в доме уже было несколько армян, хозяин вынужден был, опасаясь турок, разделить братьев. Младший Закар был отправлен в другое черкесское село.

“Из всей нашей семьи остались мы, два брата, и то нас разлучали, – рассказывает Арменак. – Мы обнялись, сказав “может в последний раз”, расцеловались и заплакали. Брат ушел, и я остался у черкеса на месяц”.

Пришла зима, сел снег, и однажды подросток услышал орудейные раскаты: сказали, что приближаются русские. Хозяин-черкес не двинулся с остальными с места – в надежде, что русские отступят. Уже на следующий день русские прошли отрядом под селом, а мальчики схорожились, боясь, что и черкесы могут в отместку убить армян, прежде чем уходить. Со своим другом Арменак решил пробраться к русским, чтобы дать знать о находящихся в селе армянах. Русские послали отряд и осво-

бодили всех армян. Однако не было предела удивлению ребят, что русские не стали убивать курдов: “ведь они совершили столько варварства за наше русофильтство!”

Затем Арменак сообщает, что вместе с плененными турками их переправили до Каракилысы, где он нашел своего брата Закара, которого считал уже безвозвратно потерянным. “Ах, что бы я ни дал, чтобы так неожиданно наплась и моя сестра... А се до сегодняшнего дня нет...”, — завершает печально свою полную злоключений историю армянский сирота.

Еще одна из немногих страничек армянской Голгофы... И все остальные, оставшиеся в рукописи судьбы детей, записанные Кареном Микаэляном в сиротских приютах Закавказья, столь же драматичны и могут вызвать лишь чувство негодования и протеста против преступлений, совершенных в отношении мирного армянского населения — женщин, стариков, детей. Не исключено, что остальные рассказы не опубликованы в силу того, что эпизоды связаны с детьми и еще более потрясают человеческую психику, чем истории, приключившиеся со взрослыми, и могут довести рядового читателя до стрессового состояния и даже душевного расстройства. Вспомним, что материал был собран писателем осенью и зимой 1916-1917 гг. и тотчас же опубликован, и, следовательно, раны народа были еще очень и очень свежи, и вередить их Микаэляну, возможно, не хотелось. Ужас происшедшего должен был как-то отойти!

Следует заметить, что армянский патриот не только подготавливал рассказы детей к печати. Он использовал и другие возможности ознакомления армянской и русской общественности с результатами своей поездки по приютам. Так, в одном из номеров “Армянского вестника” читаем объявление, которое гласит: “Московский Армянский комитет. 9 февраля в Лазаревском институте восточных языков в пользу сирот Карен Микаэлян прочтет лекцию на армянском языке на тему “Слова и слезы сирот” (В мире сирот). *Сироты-поэты*. Трудолюбие, ремесло, искусство среди сирот. Литература и поэзия. Отражение последних кровавых событий в Турецкой Армении в литературных произведениях сирот. Чтение их стихотворений. *Сироты-рас-*

сказчики. Чтение рассказов, записанных лектором из уст детей в возрасте от 4 до 16 лет”.²⁹

Таким образом, надо полагать, что и те рассказы детей, которые не нашли места на страницах печати, тем не менее были хорошо известны публике, широкой российско-армянской аудитории по подовным встречам, лекциям, беседам в литературных и общественных кругах Москвы, Петрограда, Ростова-на-Дону и других крупных “армянонаселенных” центров России.

Как известно, К. Микаэлян был не только одаренным писателем, но и прекрасным организатором на культурной и патристической ниве. Энергии и энтузиазма ему было не занимать! Ознакомление с языком и стилем рассказов из цикла “Истерзанная Армения” позволяет убедиться в искренности писателя, который в своем предисловии к публикации в “Горце” писал о том, что фиксировал “с тщательностью” рассказанное детьми и не привлекал к литературной, художественной обработке материала, не позволял себе вольностей... Действительно, сам писатель в своем художественном творчестве известен как обладающий прекрасным стилем и тонко чувствующий нюансы армянского языка литератор (об этом свидетельствуют сборники его художественных произведений, вышедшие в свет еще до трагедии армянского народа и привлечшие внимание читателей не только и не столько сюжетами, сколько культурой языка и своеобразием повествования). В цикле же рассказов “Истерзанная Армения” можно почувствовать, сколь сдержанно, просто и лаконично изложение — оно подлинно из уст детей, без “писательского”, “профессионального глянца”, а потому читатель абсолютно верит рассказанному, лишь добросовестно переданному литератором. Искренность детей обезоруживает и “невмешательство” писателя лишь усиливает эффект от прочитанного... Да, это именно слова детей-сирот и им невозможно не верить.

Таким образом Карен Микаэлян достигает своей основной цели — дать трагедию армянского народа устами его самых безвинных и незащитных осколков так, чтобы и им, и ему, “за-

²⁹ Армянский вестник, 1917, N 5, с. 1.

фиксировавшему” лишь все это, поверили. Поверили и... содрогнулись, но главное – чтобы *заклеймили преступников всем миром...* Рассказы детей – это художественно воплощенные *свидетельства*, не менее ценные, чем имеющиеся документы и материалы европейских, американских и русских военных, очевидцев, миссионеров, журналистов, писателей, политиков...

О беспристрастности и непредвзятости К. Микаэляна свидетельствует и тот факт, что писатель не делает “купюр” и публикациях рассказов детей – в тех местах, где они говорят и о “добрых” курдах и турках, которые их спасали от смерти или голода. А ведь это могло произойти, если бы материал оказался в руках недобросовестного, ослепленного ненавистью к врагам, шовинистически настроенного писателя, а не подлинного гуманиста и интернационалиста в лучшем смысле этого слова, каким был Карен Сергеевич Микаэлян. Вспомним: от жутких событий до публикации рассказов сирот прошел всего год-два и трагедия народа, в сущности, еще продолжалась (вспышки геноцида армян прослеживаются вплоть до 1923 года!). И писателю тогда требовалось, наверное, немало мужества, чтобы не скрыть и того факта, что были и турки, и курды, которые не убивали, не резали, но и охраняли и спасали армян, пусть и не всегда бескорыстно... Но и каждая сохраненная армянская жизнь – уже благо!

Карен Микаэлян, бесспорно, одна из самых заметных фигур армянской интеллигенции России, человек, приложивший большие усилия в поддержке – моральной и материальной – бедствующего народа не только в годы Первой мировой войны и геноцида армян, но и в двадцатые годы (вспомним его кипучую работу в Комитете помощи Армении, имевшем свои отделения по всему миру)...

К сожалению, судьба самого писателя оказалась тоже весьма драматичной. В советские годы (1936-1937) он был обвинен в “национализме”, “антисоветской деятельности и связях с дашнаками”, за что и оказался в лагерях. Яркая, одаренная личность всегда имеет не только недоброжелателей, но, что самое страшное, влиятельных и мстительных врагов. Были враги и у Микаэляна, довольно сильные, не только в Москве, но и в Ар-

менин – увы, не только в литературных кругах...

Умер Карен Микаэлян 13 декабря 1941 в заключении, на Севере, в русских снегах, – как было записано в делах, от “упадка сердечной деятельности”, а место его захоронения доподлинно не известно до сих пор...³⁰

Реабилитация его в середине пятидесятых годов явилась лишь запоздалым “покаянием властей”, “морально-утешительной” акцией для родных и всех, кто знал его и ценил заслуги патриота и литературно-общественного деятеля перед Арменией и армянским народом.

³⁰ См.: Литературная Армения, 1991, N 11-12, с. 98-102.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геноцид армянского народа в конце XIX – начале XX века явился тяжелым испытанием в многовековой истории древней культурной нации, понесшей колоссальный невосполнимый материальный и духовный урон, поставленной на грань физического исчезновения с лица земли.

В этот судьбоносный и сложнейший период, апогеем которого явилась катастрофа 1915 года, унесшая более полутора миллионов армянских жизней, искалечившая судьбы сотен тысяч наших соотечественников, рассеявшихся по всему миру, нация тем не менее нашла в себе силы противостоять беспримерной всенародной беде, выдвинуть целую плеяду преданных Армени талантливых, выдающихся, энергичных и мудрых деятелей – ученых, поэтов, писателей, публицистов, т.е. представителей в основном творческой и научной интеллигенции, способных силой своего жизнеутверждающего духа, интеллектуальных возможностей не только выдвигать справедливые требования перед варварами-поработителями; защищать права западноармянского населения, возвещать весь цивилизованный мир о преступлениях, совершаемых в отношении армян в Османской империи, но и лично, всеми своими возможностями способствовать облегчению участи народа с перебитым хребтом, народа-беженца... Судьбы нации были глубоко озабочены и подняли голос протеста против глумления над самим божьим творением – Человеком – выдающиеся деятели науки и культуры.

В настоящей работе нашла место общественно-патриотическая и публицистическая деятельность лишь некоторых представителей творческой армянской интеллигенции, жившей и творившей в России, чем вклад, на наш взгляд, явился, бесспорно, значительным и весомым, имел широчайший общественный резонанс в самых различных слоях армянского и русского общества. Имена Г. Джаншиева, А. Дживелегова, Гр. Чалхушьяна, М. Пападжанова, Я. Завриева, К. Микаэляна, их общественно-политическая и литературно-культурная деятельность на благо армянского народа в трудный час его исторического бытия

представлены нами по мере накопления материала, который нельзя считать исчерпывающим в силу объективных причин – малодоступности ныне важных для более глубокой разработки темы российских архивов. Дальнейшие изыскания, при доступе к соответствующим архивным материалам, несомненно, дали бы нам возможность охватить более широкий круг документов и фактов по рассмотренным выше деятелям, более того – позволили бы расширить охват видных представителей армянской интеллигенции в России, посвятивших себя изучению и пропаганде одного из важнейших периодов новейшей истории Армении, который ознаменовался, как ни прискорбно, человеконенавистнической политикой Османской Турции – империи, имевшей печальную славу “пионера” в осуществлении первого в XX веке геноцида не какого-то вымирающего и дикого племени, а *древнейшего жизнеспособного и культурного народа на его исконной земле...*

Интеллект и духовность, неиссякаемая энергия и подлинный патриотизм российских армян, представленных в настоящей книге, позволили им достичь результатов, которые порою были не менее весомы, чем военные успехи армянских добровольческих дружин и солдат и офицеров армян русской регулярной армии на полях сражений Кавказского фронта Первой мировой войны, – они формировали не только российское, но и европейское и американское политическое и общественное мнение в пользу армян, чутко реагирующее на события в стратегически важном регионе мира – Передней Азии, а следовательно и в Западной Армении.

Важно отметить, что рассмотренные в работе деятели-интеллектуалы были в целом убежденными сторонниками и проводниками российской ориентации армянского народа, поборниками дальнейшего сближения и укрепления русско-армянских общественно-политических и культурных отношений.

Армянская прогрессивная интеллигенция России, представляя собой quintэссенцию армянского общества и воплощая лучшие качества, присущие народу, – гражданственность, патриотизм, духовность, нравственную чистоту, – делала все воз-

можное, чтобы в этот самый сложный период довести до российского, а через него — и мирового общественного мнения и сознания простых людей всю аморальность и преступность политики турок в отношении армянского народа, истребляемого — цинично и методично! — на собственной земле, на исторической родине, и, бесспорно, с честью выполнила свой нравственный и сыновний долг перед нацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаян Ц. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978.
2. Адоини Н. Армянский вопрос и германские планы. — Международная политика и мировое хозяйство, 1918, N 1.
3. Акопян С. Западная Армения в планах империалистических держав в период Первой мировой войны. Ереван, 1967.
4. Амирханян М. Русская художественная литература и геноцид армян. Ереван, 1990.
5. Амфитеатров А. Армянский вопрос. СПб., 1906.
6. Апанов П. Судьба Армении, М., 1918.
7. Апанун Д. Армянский вопрос в России. — В кн.: "Сборник армянской литературы" под ред. М. Горького. Пг., 1916.
8. Анушин Д. Берлинский конгресс 1878 года. СПб., 1912.
9. Армянский вопрос. Энциклопедия. Под ред. К. Худавердяна. Ереван, 1991.
10. Армянский вопрос и геноцид армян в Турции (1913-1919). Материалы Политархива МИД кайзеровской Германии. Сост., ред., предисловие и введение В. Микаеляна. Ереван, 1995.
11. Арутюнян А. Кавказский фронт. 1914-1917 гг. Ереван, 1971.
12. Арцруни Гр. Восточный вопрос. Тифлис. 1876.
13. Багдасарян Р. "Истерзанная Армения" К. Микаеляна. — Историко-филологический журнал (ИФЖ) НАН РА, 1997, N 1 (на арм. яз.).
14. Багдасарян Р. "Красная книга" преступлений (к 80-летию выхода в свет книги Гр. Чалхушьяна). — Лит. Армения, 1999, N 4.
15. Багдасарян Р. Геноцид армян в зеркале российской прессы (1914-1916). — Лит. Армения, 2000, N 2.
16. Барби А. В стране ужаса. Мученица Армения. Тифлис, 1919.
17. Белая книга. О войне с Турцией. Пг., 1914.
18. Борьян Б. Армения, международная дипломатия и СССР, М.-Л., ч. I, 1928, ч. II, 1929.
19. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., изд. I, 1897, изд. II, 1898.
20. Брюсов В. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918.
21. Варданян А. Вопрос освобождения западных армян и общественно-политические течения в последней четверти XIX в. Ереван, 1967 (на арм. яз.).
22. Веселовский Ю. Трагедия Турецкой Армении. М., 1917.
23. Восточный вопрос. Политико-этнографический очерк. СПб., 1898.
24. Германские источники о геноциде армян. Сб. док. и материалов. Под ред. С. Степаняна. Ереван, 1991.
25. Геноцид армян в Османской империи. Сб. док. и материалов. Сост. и ред. М. Нерсисян. Ереван, I изд., 1966, II доп. изд., 1982.

26. Гиббонс Г. Последние изгнания в Армении. Пг., 1916.
27. Городецкий С. Избранные произведения, в 2-х тт. М., 1987.
28. Далян М. Армяне Османской империи. Тифлис, 1878.
29. Дживелегов А. Армяне в России. М., 1906.
30. Дживелегов А. Будущее Турецкой Армении. М., 1911.
31. Дживелегов А. Армения и Турция. М., 1946.
32. Документы младотурецкого комитета о геноциде западных армян в 1915-1916 гг. Предисловие Р. Саакяна. – Известия общественных наук АН Арм. ССР, 1965, N 3.
33. Документы об Андранике Озаяне. – Вестник архивов Армении, 1989, N 2.
34. Есаян А. “Армянский вопрос” и международная дипломатия. Ереван, 1965 (на арм. яз.).
35. История армянского народа. Под ред. М. Нерсисяна. Ереван, 1980.
36. Казарян Г. Западные армяне накануне геноцида. Ереван, 2001 (на арм. яз.).
37. Камаровский Л. Восточный вопрос. М., 1896.
38. Киракосян Дж. Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ереван, 1971.
39. Киракосян Дж. Буржуазная дипломатия и Армения (70-е годы XIX в.). Ереван, 1981.
40. Киракосян Дж. Младотурки перед судом истории. Ереван, 1989.
41. Кишимшев С. Война в Турецкой Армении 1877-1878 гг. СПб., 1884.
42. Ковалевский М. Армянский вопрос. – Вестник Европы, 1913, N 12.
43. Котляревский С. Трагедия армянского народа. – Армянский вестник, 1916, N 2.
44. Кочар М. Армяно-турецкие общественно-политические отношения и Армянский вопрос в конце XIX – начале XX в. Ереван, 1988.
45. Лео. Очерки из истории армянского народа в Турции. – Армянский вестник, NN 29–31.
46. Ллойд Джордж. Правда о мирных переговорах, т. I-II, М., 1957.
47. Лудшувейт Е. Турция в годы Первой мировой войны. М., 1966.
48. Мандельштам А. Младотурецкая держава. М., 1915.
49. Маркосян С. Положение западных армян в конце XIX в. Ереван, 1968 (на арм. яз.).
50. Мишиц И. Россия в Первой мировой войне. М., 1946.
51. Минацаканян А. Трагедия армянского народа в оценке русской и мировой общественной мысли. Ереван, 1965 (на арм. яз.).
52. Нансен Ф. Армения и Ближний Восток. М., 1994.
53. Нейман М. Армяне. СПб., 1899.
54. Нерсисян М. Из истории русско-армянских отношений, Ереван, т. 1, 1956, т. 2, 1961.
55. Нерсисян М. Немецкие и турецкие источники о геноциде западных армян. – ИФЖ, 1986, N 2.
56. Ошеровский Л. Трагедия армян-беженцев. СПб., 1916.

57. Павлович М. Россия и Армянский вопрос. – Современник, 1913, кн. 11.
58. Петросян Ю. Младотурецкое движение (вторая пол. XIX – нач. XX в.). М., 1971.
59. Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г. М., 1896.
60. Реклю Э. Турция и Восточный вопрос. СПб., 1906.
61. Ролан-Жекмен М. Армения, армяне и трактаты. М., 1897.
62. Рорбах П. Война и германская политика. М., 1915.
63. Россия, Турция и Армения. – Вестник НКВД, 1921, N 1-2.
64. Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915-1916 гг. Сб. док. и материалов. Предисловие М. Нерсисяна. Ереван, 1995.
65. Саркисян Е. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы Первой мировой войны. Ереван, 1962.
66. Саркисян Е. Политика Османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX в. Ереван, 1972.
67. Саркисян Е. Армянский вопрос и Россия в 1912-1914 гг. – ИФЖ, 1995, N 1.
68. Степанян Ст. Армения в политике империалистической Германии (конец XIX – начало XX в.). Ереван, 1975.
69. Тарле Е. Европа в эпоху империализма. 1871-1919. М.-Л., 1928.
70. Туняян В. Россия и Армения. 1878-1897. Ереван, 1997.
71. Туняян В. Россия и Армянский вопрос. Ереван, 1998.
72. Фирбрюхер Г. Армения, 1915. Уничтожение Турцией культурного народа. Предисловие В. Микаеляна. Ереван, 1991.
73. Чалхушьян Гр. Армянский вопрос в России. Ростов-на-Дону, 1905.
74. Чалхушьян Гр. Армянский вопрос и армянские погромы в России. (Панисламизм). Ростов-на-Дону. 1905.
75. Чалхушьян Гр. Мысли, думы, лица. Тифлис, 1914 (на арм. яз.).
76. Чалхушьян Гр. Армяне и русские самодержцы. (К вопросу турецких армян). – Армянский вестник, 1917, N 15.
77. Чалхушьян Гр. Красная книга. Ростов-на-Дону. 1919.
78. Чалхушьян Гр. Каким был и каким должен быть наш путь. Вена, 1923 (на арм. яз.).
79. Черчилль У. Мировой кризис. М.-Л., 1932.
80. Чихачев П. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
81. Эривергер М. Германия и Антанта. М.-Л., 1923.
82. Adonts N. Towards the Solution of the Armenian Question. London, 1920.
83. The Armenian Genocide. Facts and Documents. 70 anniversary (1915-1985). New York, 1985.
84. Encyclopedia of genocide, vol. I-II. Santa Barbara, California, USA, 1999.
85. Morgenthau H. Ambassador Morgenthau's Story. Princeton, USA, 2000.

ՅԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՌՌԻՍԱՍՏԱՆԻ ՀԱՅ ՄՏԱՎՈՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ամփոփում

Հայոց ցեղասպանությունը XIX դարի վերջին – XX դարի սկզբին ծանր փորձություն հանդիսացավ բազմադարյա պատմություն ունեցող հին ժողովրդի համար, որը տարավ վիթխարի անդառնալի կոլոստներ՝ մարդկային, նյութական, հոգևոր և հայտնվեց ֆիզիկական բնաջնջման եզրին իր սեփական պատմական հայրենիքում...

Այդ ճակատագրական և բարդ շրջանում, որի բարձրակետը եղավ 1915 թ. եղեռնը, երբ թուրքերին զոհ գնաց արևմտահայությունը և ամառացավ ողջ պատմական Հայաստանը, ազգը այնուամենայնիվ իր մեջ ուժեղ գտավ դիմակայել արևավիրքին՝ ոչ միայն սակավ զինվորական ուժով, այլև առաջ քաշեց իր խորքերից հայ մտավորականների մի փայլուն համաստեղություն - քաղաքական և հասարակական գործիչների, գրողների, գիտնականների, հրապարակախոսների: Նրանք անձնական անշահախնդիր գործունեությամբ, նյութական միջոցներով, վառ խոսքով դրսևորեցին իրենց իբրև մեծ հայրենասերներ, հույս ու հավատ ներշնչեցին արյունաքամ եղած, կտրված հայրենի հողից ու ջրից, գաղթի ճամփան բռնած, մեջքը կոտրված ժողովրդին...

Սույն աշխատանքում տեղ է գտել միայն մի քանի առավել հայտնի ռուսահայ գործիչների հասարակական-քաղաքական և գրական-հրապարակախոսական գործունեությունը: Ազգի այն երևելիների, որոնք ջանք չեն խնայել հարազատ ժողովրդին օգնելու ամենատարբեր ոլորտներում, գործելով հիմնականում Ռուսաստանի հայտնի հայկական օջախներում՝ Մոսկվայում, Պետերբուրգում (Պետրոգրադ), Դոնի Ռոստովում (Նոր Նախիջևան) և այլուր: Անվանի դեմքերից էին այստեղ տարբեր ժամանակ ապրող և գործող փայլուն հայորդիները՝ Գրիգոր Ջանձիկը (Ջանձյան), Ալեքսեյ Ջիվլեգովը, Գրիգոր Չալխուշյանը, Միխայիլ Պապաջանովը (Միքայել Բաբաջանյան), Յակով Ջավրիկը (Հակոբ Ջավարյան), Կարեն Միքայելյանը:

Հայտնի գրական և հասարակական գործիչ, հրապարակախոս Գ. Ջանձիկը նպաստել է հայ ժողովրդի պատմությունը և մշակույթը ռուս հասարակությանը ներկայացնելու գործին: Լինելով հեղինակավոր “Русские ведомости” թերթի հրատարակիչ-խմբագիրներից մեկը, բազմաթիվ հոդվածներով և ակնարկներով հրավիրել է Ռուսաստանի առաջադեմ մտավորականության ուշադրությունն արևմտահայերի ծանր կացության վրա: «Դիև» ծածկանունով Ջանձիկը գրել է «Հայկական հարցը թուրքիայում» աշխատությունը, որը մտել է «Հայերի վիճակը թուրքիայում...» 1896 թ. ռուսերեն

լեզվով լույս տեսած հայտնի ժողովածուի մեջ: Նախաձեռնել, կազմել և հրատարակել է «Եղբայրական օգնություն թուրքիայի տառապյալ հայերին» (Մոսկվա, 1897-1898) սովորաձավալ ժողովածուն, որը պարունակում է գիտական-գեղարվեստական, գիտական, փաստագրական, հայ ժողովրդի պատմությանը և մշակույթին վերաբերող նյութեր:

Հեղինակավոր պատմաբան, գրականագետ, արվեստաբան, հրապարակախոս Ա. Ջիվլեգովը մշտապես հետևել է ուշադրության կենտրոնում է պահել հայերի պատմական ճակատագրի հարցը: Նրա գրչին են պատկանում «Հայերի Ռուսաստանում», «Թուրքական Հայաստանի ապագան» գործերը, բազմաթիվ հոդվածները և ակնարկները: Լինելով մոսկովյան “Армянский вестник” շաբաթաթերթի նախաձեռնողներից և խմբագիրներից մեկը, նա Եղեռնի տարիներին տպագրում է նյութեր, որոնք անաչառորեն լուսաբանում են, մասնավորապես, Առաջին համաշխարհային պատերազմի իրադարձությունները՝ Կովկասյան ճակատում և Արևմտյան Հայաստանում:

Նշանավոր հասարակական գործիչ, իրավաբան, հրապարակախոս Գ. Չալխուշյանը սերտորեն կապված է եղել հարազատ ժողովրդի հետ, միշտ պաշտպան է կանգնել արևմտահայությանը իր գործունեությամբ, վառ գրական խոսքով: Նրա գրչին են պատկանում այնպիսի հրատապ և կարևոր գրքեր, ինչպիսիք են «Մտքեր, խոհեր, դեմքեր»-ը, «Կարմիր գիրք»-ը, մի շարք այլ փայլուն աշխատությունները, որոնց մեջ արտացոլված է հայ ժողովրդի նորագույն պատմության ողբերգական էջերը:

Ռուսաստանի չորրորդ Պետական Դումայի հայագի պատգամավոր Մ. Պապաջանովը (նշանավոր դեր է կատարել ներկայացնելով արևմտահայության կացության Օսմանյան կայսրությունում, լուսաբանելով իրադրությունը Կովկասյան ճակատում, հայերի վիճակն ինչպես թուրքիայում, այնպես էլ Անդրկովկասում Եղեռնի տարիներին: Նրա կշռադատ և հայամետ ելույթները ռուսական կայսրության բարձրագույն օրենսդրական մարմնում, մի շարք նախաձեռնությունները (մասնավորապես, Համահայկական համագումարի հրավիրումը Պետրոգրադում՝ 1916 թվականին) լայն համբավ և հեղինակություն բերեցին Պապաջանովին ողջ հայության շրջանում:

Հայ հասարակական-քաղաքական գործիչ, դիվանագետ, Դաշնակցության կուսակցության անդամ Յ. Չավրիկը կապերի մեջ է եղել ռուսական և եվրոպական դիվանագիտական շրջանների հետ և 1912-1918թթ. հանդիպել տարբեր բարձրաստիճան և հեղինակավոր պաշտոնյաների հետ (Գիրս, Լեպախուս, Սագունով, ուրիշներ), ձգտելով նրանց միջոցով ուղիներ գտնել Հայկական հարցը դրական լուծելու համար:

Արձակագիր, գրական և հասարակական գործիչ Կ. Միքայելյանը այն փայլուն մտավորականներից է, ում ցնցեց հայ ժողովրդի ուրերգուությունը: Զգտելով օգնել իր ժողովրդին, նա մեկնում է Մոսկվայից Հայաստան, նպատակ ունենալով այցելել այն վայրերը, ուր ցաք ու ցրվել ընկած էին հայության մի մեծ մասի խղճուկ բեկորները: 1916թ. աշնանը Միքայել-

յանը շրջում է որբանոցները, որոնք Եղեռնից հետո սփռված էին ամբողջ Անդրովկասում, գրի առնում հայ մանուկների պատմածները... Այսպես ծնվում է «Հոշոտված Հայաստան» պատմվածքների շարքը, որի միայն մի չնչին մասը տպագրվում է 1917թ. «Գործ» հանդեսի մի քանի համարներում:

Ռուսահայ առաջադեմ մտավորականությունը, որը ներկայացնում էր իրենից ողջ ազգային հասարակության սերունդը, բուն էությունը և մարմնավորում էր իր մեջ ժողովրդին բնորոշ լավագույն մարդկային հատկությունները՝ հայրենասիրությունը, բարձր քաղաքականությունը, ազնվությունը, աշխատասիրությունը, Հայրենիքի հանդեպ պարտքի զգացողությունը, ամեն ինչ անում էր, որ այդ բարդ և սարսափելի իրավիճակում հասցներ ռուս և նրա միջոցով համաշխարհային, առաջին հերթին եվրոպական, հասարակական կարծիքին, բարձր պաշտոնյաների և հասարակ մահկանացուների գիտակցությանը բուրքական իշխանությունների, օսմանյան կառավարության հայ ժողովրդի դեմ վարած հանցավոր քաղաքականության ողջ ամբարշտականությունը:

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Григорий Джаншиев.....	14
Алексей Дживелегов.....	32
Григор Чалхушьян.....	91
Михаил Пападжанов.....	177
Яков Завриев.....	196
Карен Микаэлян.....	216
Заключение.....	246
Литература.....	249
Резюме (на арм. яз.).....	252

Багдасарян Роберт Андраникович

ГЕНОЦИД
И
АРМЯНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ

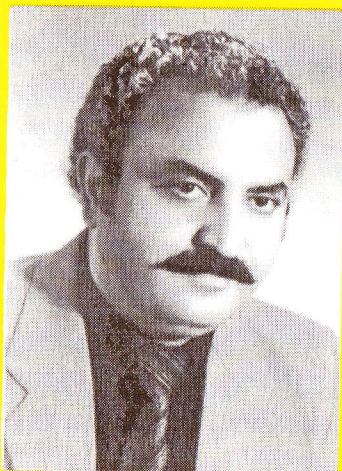
Компьютерный набор *Н. Микасян*

Сдано в набор 10.01.2002г. Подписано к печати 20.04.2003г.

Формат 60х84 1/16. Бумага № 1.

Печ. л. 16. Тираж 1000 экз. Цена договорная.

Типография НАН РА,
375019 Ереван, пр. Маршала Баграмяна 24.

РОБЕРТ Н.

Родился 2
в Ереване (Армения).
Окончил Ереванский
государственный институт
иностранных языков
им. В. Брюсова (1971).
Кандидат филологических наук
(1988), литературовед.
Автор монографии “Николай
Тихонов и Армения” (1995),
статей и исследований по русско-
армянским литературно-
общественным и историко-
культурным взаимоотношениям.
Член Союза журналистов
Армении (1981).
Главный специалист Управления
по связям с общественностью
Национального Собрания
Республики Армения.

9(47.925) 8.4

б - 14